

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
НА ПЛАНЕТЕ
ЗЕМЛЯ

МИХАИЛ СЕРДЮКОВ

С С ОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Михайлович Сердюков
Последний день на планете
Земля. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31514278

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник рассказов «Последний день на планете Земля» включает в себя семь сюжетов. Каждая история в книге ведет читателя в мир поиска ответов на вечные вопросы...

Содержит нецензурную брань.

Предисловие

Однажды утром я проснулся и ощутил страшную тягу к слову. Это произошло как по щелчку пальцев. В одно мгновение я просто захотел писать. Сначала я игнорировал свое желание, но с каждым днем зуд усиливался, мне хотелось стучать по клавиатуре ноутбука, выплескивая слова на белое поле вордовского файла.

Мой разум желал рассказать истории и облечь их в едкие слова. Мое сознание рвалось размышлять, и в конце концов я поддался. Так появилась на свет мечта – написать сборник рассказов.

В течение года изо дня в день я устраивал прогулку своим пальцам по поверхности черных клавиш с символами разных букв. Подобно пианисту выбивая ритмы, я нарушал тишину. Так рождались эти строки.

В моих рассказах есть я, в них есть и полная противоположность меня. В своих текстах я не жалею слов, готовя блюда с пикантным вкусом.

Каждый рассказ рассчитан на один подход. Рекомендую растянуть удовольствие и не читать все одним скопом. Когда я задумал сборник, то спросил себя, как бы сам хотел читать истории, и пришел к тому, что в один день один рассказ меня бы устроил. Поэтому если вам интересно прожить это яркое путешествие, то предлагаю читать в день не больше одного рассказа. Тогда на эту книгу вам понадобится одна неделя, одна неделя, чтобы прожить «последний день на

планете Земля».

Буду рад вашим комментариям на t-keks@mail.ru или www.vk.ru/tkeks.

Особая благодарность тем, кто поддерживал меня на протяжении всего этого времени: Кристине Зуевой – за то, что вселила в меня уверенность; Диане Кацко – за то, что поверила в мои истории и согласилась сделать иллюстрации к ним; Николаю Иванову – за то, что создал такой потрясающий дизайн книги, теперь ее хочется держать в руках. Спасибо моей семье и семье Малашкиных. Спасибо Егору Когону. Всей видеостудии «ASTRA». Спасибо, ребятам, кто помог с организацией презентации этой книги. И, конечно, моя благодарность всем членам «Ротари клуб Волгоград» – друзья, вы очень помогли, поддержав мои стремления, спасибо!

Спасибо и тебе, мой читатель, все это написано специально для тебя!

Последний день на планете Земля
Когда я узнал об этом, было раннее утро.

Солнечные лучи сквозь тюль, танцующий от легкого дуновения ветра, коснулись моих глаз, и я не спеша открыл их. В мое сознание ворвалась тревога. Я не знал, с чем это было связано, но все внутреннее пространство поддалось ощущению, напоминавшему гремучую смесь боли, страха и пустоты. Эти составляющие вместе вызвали во мне беспомощность. Я почувствовал себя маленьким ребенком, которого вырвали из объятий матери. Внутри себя я кричал, но если посмотреть на меня со стороны, то я сохранял молчание. Не буду утверждать, что только сегодня я испытал подобное состояние, бывало и ранее нечто похожее, поэтому я знал: стоит мне себя настроить на что-то приятное, как все тревоги растворятся, оставив едва заметный след. Взяв себя в руки, я встал с кровати и пошел умываться.

Последние четыре года я жил в большой трехкомнатной квартире, которую родители подарили мне на двадцатилетие. Она была любовным гнездышком для меня и прекрасной девушки Ольги, которая в данный момент находилась на летней практике в Оренбурге. Мне очень не хватало ее, и чувство тоски по ней подталкивало меня к тому, чтобы решиться наконец создать семью. По пути в ванную комнату мне пришла замечательная мысль – сбежать сегодня порань-

ше с работы и купить Ольге подарок, ведь она уже через два дня будет дома. От этой идеи у меня поднялось настроение, и утренняя тревога окончательно отступила. После непродолжительных сборов я был готов к новому дню.

Выйдя за порог квартиры, я неожиданно стал свидетелем странной суеты своих соседей напротив: их дверь была открыта нараспашку, и они – Мария с мужем Евгением и двумя детьми, – не замечая меня, лихорадочно складывали вещи в рюкзаки. Я хотел было окликнуть их и узнать, что случилось, но соседка сама увидела меня и растерянно прокричала:

– Луна падает! – И снова вернулась к рюкзаку.

«В смысле?» – подумал я.

В одно мгновение преодолев разделяющий нас коридор, я коснулся плеча Марии и переспросил:

– Что падает?

– Луна, – подойдя к жене, сказал Евгений. – Ты что, ничего не знаешь?

Я огляделся. Все в их квартире было разбросано, дети во что-то играли, а родители бегали по квартире и куда-то собирались.

Меня будто сковородкой по голове ударили. Передо мной образовалась темная пелена, а в ушах я ощутил давление, как при взлете самолета. Попятившись, я вернулся в свою квартиру и включил телевизор, но вместо новостей услышал лишь жуткое шипение ненастроенного канала. Я подбежал к окну. Не заметив на улице ничего необычного, подумал, что мои соседи съехали с катушек. Вздохнув и мысленно укрепившись в идее о параноике рядом живущих людей, я решил позвонить Ольге, но вместо телефонных гудков услышал тишину.

«Точно что-то не так», – подумал я.

Решив выяснить у соседей, откуда они взяли такую информацию, я вернулся в их квартиру, но она уже была пуста, лишь разбросанные вещи напоминали о хаотичных сборах хозяев.

«Что же все это значит?» – недоумевал я.

Самое лучшее, что смог придумать, – выйти на улицу расспросить прохожих. Ситуация вырисовывалась сомнительная: если мои соседи психи, то и я буду выглядеть психом в глазах других людей. Но раз ничего лучше мне в голову не пришло, все же решил осуществить задуманное. Оказавшись на улице, я не заметил ничего странного. Кто-то тороп-

ливо шел по своим делам, кто-то сидел на лавочке. И все-таки я хотел выяснить, что имели в виду мои соседи, высказывая такое смелое заявление. Я подошел к пожилой женщине: люди пенсионного возраста всегда в курсе происходящего. На мое приветствие бабуля что-то фыркнула и всем своим видом показала, что общаться не собирается. Тогда я направился к молодой парочке, проходившей мимо, – они со стеклянным взглядом молча меня проигнорировали.

Тут за моей спиной раздался голос:

– Что, парень, телефон не работает?

Повернувшись, я увидел какого-то чудаковатого мужчину лет сорока.

– И ты, наверное, не знаешь, что происходит? Телевизор-то сегодня только шумит.

– Мои соседи сказали, что Луна падает!

– Интересно, почему они так решили, ведь нет никаких новостей со вчерашнего вечера.

– Так что происходит? – не дав ему закончить, спросил я.

– Не имеет значения, что происходит. Главное – как ты к

этому относишься, ведь так?

– А как я могу относиться к тому, что мне непонятно?

– У тебя есть какие-нибудь дела сегодня? – вопросом на вопрос ответил мужчина.

– Выяснить, что происходит, и поехать на работу, – поспешно протараторил я.

– Работа тебе сегодня не нужна, сегодня твой последний день, парень, проживи его как следует, – отворачиваясь, посоветовал незнакомец.

– Так что это все значит? – одернув его, переспросил я.

– Иногда лучше не знать ответы, чтобы сохранить больше смысла, – удаляясь от меня, сказал он.

– Постойте, постойте. Дайте мне ответ... А к черту! – резко прокричал я.

В голову лезли всякие мысли: телевизор не работает, телефон и интернет тоже, люди свихнулись – так что это все значит? Я посмотрел в небо. Конечно, днем Луну плохо видно, но я попытался присмотреться и нашел ее очертания.

– Обычная Луна, – пробормотал себе под нос. – И что мне делать?

Я все же решил поехать на работу и выяснить, как дела там. Заодно по пути присмотреться к людям – может, в наблюдении за ними получу ответы.

Сев в свою машину, я вывернул со двора и с мыслями о происходящем поехал в офис.

Странная вырисовывается картина. Как же люди зависят от поведения окружающих! Если все сходят с ума, значит, и мне тоже стоит стать сумасшедшим?

Я держал путь по центральной улице Самары. Всмотривался в действия прохожих, пытаюсь найти какие-то странности, но ничего необычного не обнаруживал. Люди по-прежнему копошились, как муравьи.

Взгляд со стороны открыл мне новое представление о нас – людях. Все же мы слишком много о себе возомнили. Не понимая, откуда появились и что тут делаем, мы возводим города, строим дороги, создаем системы. Все гении, лидеры, признанные народом, могли быть просто сумасшедшими, которые поверили в свои идеи и увлекли за собой людей. Быть может, развитие человечества так и происходило: ха-

ризма, природное умение влиять и безусловная вера ярких личностей в свою правоту – вот что

обеспечивало безоговорочную поддержку окружающих, формируя пути дальнейшего движения? Никто не знает, как должно было развиваться человечество, стоило ли нам выбирать технический путь эволюции или двигаться в духовном направлении. Мы до сих пор не понимаем, на что способно наше собственное тело. Но эволюция была технической, и все, что меня сейчас окружало, было следствием этого.

Я еду по городу, который построили люди, живя в имитированной системе, и размышляю об альтернативных путях развития и правильности бытия современного человека. Только зачем мне это, если важнее узнать, что сегодня не так с этим миром?

Мой внутренний монолог прервал звук бьющегося стекла. По правую сторону несколько ребят с недружелюбной внешностью разбили витрину продуктового магазина и на моих глазах залезали в него. Я ни разу не видел, чтобы среди белого дня, у всех на виду, кто-то поступал таким образом. Возможно, это были совсем отморозки, но я решил рискнуть и узнать, что они затеяли.

Проехав чуть вперед, я выскочил из машины и подкрался к магазину, всматриваясь, что там происходит. В магазине не было никого, кроме троих парней. Я прислушался, о чем

они говорят. Раздавались обрывки фраз.

– Бери больше вина и водки, – сказал хриплый голос.

– Давай, давай! – кто-то прокричал звонко.

– Что насчет закуски? – снова прозвучал хриплый.

– Бери что можешь! – ответил звонкий.

– Отлично, сегодня будет незабываемое веселье! – слышался голос третьего.

– Время разнести здесь все к чертям! Ведь это наша последняя вечеринка, наш последний день! – уверенно заявил хриплый.

Я прогнал в голове все услышанное до слов «последний день». Очень странно: я уже второй раз слышу это выражение сегодня. Так что все это значит? Я выскочил из своей засады и крикнул парням:

– Почему сегодняшний день – последний?

– О, гляньте, кто тут нарисовался! – крепкий парень в белой кепке хлопнул по плечу своего друга.

«Хриплый», – решил про себя я.

– Не помню, чтобы мы ждали гостей, – поддержал второй.

«А это звонкий».

– Ребята, а что мы делаем с непрошеными гостями? – добавил третий подельник.

– Мне все равно, чем вы тут занимаетесь, только объясните: почему вы сказали, что сегодня последний день? – немного нервничая, спросил я. – Потому что нам сегодня нечего терять, дружок, и сейчас мы тебе это докажем, – сообщил хриплый, и они все вместе побежали на меня.

Тут я быстро сообразил, что не стоило любопытствовать у таких субъектов, как эти, поэтому, развернувшись, побежал со всех ног.

Минут через пять мне удалось ускользнуть от погони. Завернув в арку, я отдышался и попытался привести мысли в порядок.

– Все очень странно, – начал говорить себе под нос. – Сначала соседи, потом прохожий, теперь эти ребята...

Я вспомнил про Ольгу. Если в Самаре происходят такие

странности, то и в Оренбурге могут быть похожие события. «Все ли в порядке с Ольгой?» – подумал я, и тут у меня снова потемнело в глазах. Я должен выяснить, как дела у любимой. Но для начала мне все же нужно доехать до работы. Опасаюсь вновь встретиться с троицей негодяев, я осторожно вернулся к месту, где оставил свою машину, – и обнаружил ее отсутствие. Ее просто кто-то спер!

– Да, блин, что происходит?! – вполголоса крикнул я.

Достав телефон, попытался набрать номер полиции, но сотовая связь по–прежнему не работала.

– Что мне делать? Черт побери! – сказал я вслух.

Я попробовал поймать попутку или такси, но все машины быстро проезжали, а люди с пустыми глазами проходили мимо, на их лицах читалось забытье. Все прохожие мне казались пребывающими в трансе. Может, лишь я сегодня такой внимательный, может, я просто хочу увидеть странности вокруг и это игра моего воображения?

«Последний день», «Луна падает», «Тебе не надо сегодня на работу» – крутилось у меня в голове. Я заметил, как легко окружающий мир повлиял на меня. Все эти события окончательно выбили из колеи.

Пока я стоял с вытянутой рукой в ожидании спасительного автотранспорта, закралась мысль – умы людей всегда стремятся к системе, чтобы легче было контролировать будущее. Раньше думал, что любой свод правил ограничивает свободу, но, оказавшись сегодня в очереди передраг, понял, как ошибался. Контроль – это не плохо, сам мир настроен на разрушение, ведь если построить замок из песка, то его обязательно сдует ветер или смоеет вода, все в этом мире требует внимания, все необходимо поддерживать. Так кто сегодня поддерживает порядок? На моих глазах обчистили продуктовый магазин, сейчас украли мою тачку, и где все контролирующие систему органы?

Снова стало тревожно. Должно быть, мой пережитый опыт и страх перед неизвестностью начали свою работу, эти двое сейчас пытаются найти оправдания всем ситуациям, пытаются найти комфортное решение, но что-то мне подсказывает, что такого решения нет. Внутри меня все сжалось. Удивительно, как реагирует тело в минуты тревог, оно становится таким тугим, неповоротливым, ведь страх парализует. Мне срочно нужно выбросить из головы весь этот мусор, заткнуть поток мыслей пробкой спокойствия и просто сделать то, что я должен, – найти ответы на вопросы «что происходит?» и «все ли хорошо у Ольги?».

В это мгновение возле меня остановился черный автомобиль. Водитель открыл окно на пассажирской двери и спросил:

– Тебе куда?

– На улицу Гагарина.

– Это недалеко, садись.

Я сел в машину и посмотрел на усатого мужчину с добрыми глазами.

– Тебя там ждет любимая? – спросил он.

– Нет, там меня ждет работа.

– В такой день – и работать. А говоришь, не любимая...

На вид водителю было чуть больше сорока, немного упитанный и очень опрятно одетый. Он покрутил на радиоприемнике регулятор громкости – раздалось шипение.

– Ах, забыл...

– Что вы забыли? – резко спросил я.

– Забыл, что сегодня ничего не работает.

– Да, я тоже заметил. А вы не знаете почему? – настороженно поинтересовался я.

– Так Луна сошла с оси и летит прямо на Землю. Ты не слышал? – спокойно ответил тот.

Эти слова двухтонным грузовиком врезались в мое тело. Я даже почувствовал, как внутри меня произошел мощный толчок. От ступней до самой макушки пробежала дрожь, я ощутил сильнейший озноб, почувствовал пульсацию в висках, как будто мою голову пронзили электродрелью.

– Луна сошла с оси? – переспросил я.

– Так говорят, – сказал мужчина. – Конечно, официально это никто не подтверждал: наверное, боятся беспорядков. Но кто прониухал, начали позволять себе многое, если ты понимаешь, о чем я, – на этих словах водитель как-то странно посмотрел на меня холодным взглядом.

– А откуда вы узнали об этом? – встревоженно спросил я.

– Разве это имеет значение? Главное, что ты должен знать, – сегодня последний день человечества, завтра жизни

на этой планете не будет.

– И вы в это верите? Официального заявления же не было! – я искал основание для надежды.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Алеша.

– Послушай, Алеша. Если это неправда, то почему не работает ни телевизор, ни телефон, ни интернет? – Он снова покрутил регулятор громкости и, услышав белый шум, добавил: – Ни это гребаное радио.

– Тут не поспоришь. Но почему тогда в такой день вы решили подвезти незнакомого парня?

– Вот это правильный вопрос, – с ухмылкой отреагировал водитель. – Ты знаешь, что я трудоголик? До сегодняшнего дня я очень любил свою работу, каждое утро я просыпался очень рано и, с чувством необходимости, садился в эту машину и ехал на ферму, где проработал более двадцати пяти лет. Ты представляешь, мне уже сорок восемь, и половину жизни я отдал своей работе. За это время ни разу не опоздал и не ушел с работы раньше. По мне можно было сверять часы, таких, как я, называют пунктуальными педантами. Я был

профессионалом. А сегодня я узнал, что завтра нас не будет. И знаешь, что я почувствовал?

Я промолчал.

– Опустошенность. Как будто все, что я делал, никому не было нужно. Я жил самообманом, мне казалось, что я приношу пользу, а по факту – убивал животных.

– Что вы делали? – поперхнувшись, спросил я.

– Я двадцать пять лет убивал животных. Я работал мясником. Мне казалось, что я кормлю людей, помогаю им заниматься своими делами, взяв всю грязную работу на себя. А в последний день жизни человечества мне стало понятно, что мои старания никому не были нужны. За эти двадцать пять лет я ни от кого не почувствовал благодарности. И что самое страшное, из-за своего отношения к делу я так и не женился, а мои

родители умерли. Теперь мне одному придется встречать свою смерть, а тут ты с протянутой рукой... вот я и подхватил тебя.

– Я вас понимаю... Спасибо вам большое, что решили помочь мне.

– Зря ты считаешь, что я помогаю тебе, – загадочно сказал незнакомец. – Я это делаю для себя.

– Для себя?

– Да. У меня всегда была мечта, и я хочу осуществить ее до того, как Луна уничтожит эту грязную планету со всеми сумасшедшими людьми. – И что у вас за мечта? – с тревогой спросил я.

– Из-за нее я и пошел в мясники. Я хотел убивать. С самого детства меня грызло желание причинять боль, мне нравилось наблюдать, как из-под моего ножа вытекала горячая кровь. В эти мгновения я чувствовал себя властелином смерти, и смерть награждала меня свободой. Я ощущал вкус страха в телах своих жертв, они корчились от понимания того, что на этом выдохе все закончится. Они цеплялись за жизнь из последних сил, но решение принимал я, это я решал, когда умрет моя жертва. Я поработил смерть, она стала моей слугой. Но страсть, которую я испытывал к тотальному контролю человеческой жизни, я так и не удовлетворил. Она давно просится наружу, она стонет все дни, проведенные на этой грешной Земле, и сегодня я обязательно накормлю ее.

После этих слов сработал центральный замок и двери заблокировались.

– Я планировал это всю свою жизнь. Я думал об этом каждый день. Я знаю, что испытаю большой кайф, если моя жертва будет знать, что скоро умрет, ведь в этом заключена особая магия. Все, кого я убил, знали, что их ждет смерть. Теперь и ты знаешь, что ждет тебя. Это очень заводит, не правда ли? – Мужчина нажал на газ сильнее и резко повернул на грунтовую дорогу. – Мы сейчас с тобой круто повеселимся, Алеша.

– Не сегодня! – с этими словами я повернулся, уперся в пассажирскую дверь спиной и резко ударил его ногой в лицо. Водитель тут же отключился, а из его носа пошла кровь. Я одной рукой схватил руль, а другой нажал на левую ногу несостоявшегося маньяка, чтобы машина остановилась. После нескольких глубоких вдохов я вышел из машины, выкинул тело мужика, посвятившего себя мясному промыслу.

– Пускай немного отдохнет, видно, он перегрелся от последних новостей, – с этими словами я захлопнул за собой водительскую дверь и тронулся с места. Теперь у меня снова появилась машина. Кроме того, у меня появилось больше информации о сегодняшних событиях, хоть какая-то польза.

Не уверен, что это правда, не уверен, что это вообще возможно, не уверен, что Луна может упасть на нашу Землю, но

об этом говорят уже не один человек.

Удивительно, как некоторые люди реагируют на новость о грядущей катастрофе: они дают волю своей разрушительной энергии, которую сдерживали годами. Получается, что по натуре человеческое существо склонно к насилию, опасно для мира и окружающих? Или это лишь небольшая масса людей, которые раскачивают весь свой негативный потенциал, и тот, подобно цепной реакции, распространяется на остальных? Ведь для того, чтобы подхватить разрушительный настрой, особых навыков не нужно, это так просто и естественно, а вот созидание требует усилий. Значит, мы живем по тем же законам, что и вся Вселенная, мы стремимся к уничтожению, и лишь общепринятые правила встают на пути человека, если бы не они, то хаос стал бы самым логичным решением?

Я снова рассмотрел спутник Земли на дневном небе, он, как и раньше, красовался на своем месте, ничего необычного я не заметил.

Странно все это, кто сегодня сходит с ума? Люди или космические тела? А может, люди и есть космические тела?

Я вернулся на асфальтовую дорогу и думал, что делать дальше. На работу ехать смысла не было, лучше дожить до завтра, и если слухи не врут, то ситуация с трудоустройством будет уже не важна. Так, если сегодня и вправду последний день на этой Земле, то чем бы я хотел заняться больше всего?

Самое важное для меня на данный момент – Ольга и мои чувства к ней. Как она там, в Оренбурге, все ли с ней хорошо, нужна ли ей моя помощь, страшно ли ей? Все эти мысли подсказали мне, что делать дальше, – нужно ехать к ней.

От Самары до Оренбурга шесть часов езды на машине – у меня еще есть шанс увидеться с Ольгой. Учитывая, что я очень по ней соскучился, стоит попытаться. Провести остаток жизни с человеком, рядом с которым становлюсь счастливым, – наверное, это будет красивым завершением жизненной повести.

Я прикинул маршрут, и у меня тут же появились сомнения, они просто ворвались в мою голову: сможет ли эта машина проехать такое

расстояние, получится ли ее заправить по дороге и, самый острый вопрос, как я найду Ольгу в полумиллионном городе, если ее не окажется дома? Я понимал, что эти мысли возвращают меня в зону комфорта, они призывают меня отказаться от риска, ведь в голове все так и устроено: ум боится неизвестности и отсутствия возможности своего контроля. Но я твердо решил, что так поступить – самое правильное на данный момент. Пускай не найду Ольгу, пускай в дороге произойдут разные неприятности, но я обязан попробовать, чтобы потом не жалеть.

Для того чтобы направиться в Оренбург, мне нужно было проехать через центр Самары, поэтому я вернулся туда, где все началось, и продолжил движение на автомобиле мясника

по заложенному маршруту, а сам смотрел по сторонам – люди, ничего не подозревая, вели себя обычно. Как бы сейчас прохожие поступили, если в громкоговоритель сказать, что сегодня их последний день? А может, многие из них уже это знают, но не понимают, чем еще заниматься, кроме как продолжать делать то, что делали? А вообще, скорее всего, люди просто не верят в то, что на Землю летит Луна, это даже звучит бредово. Как только я об этом подумал, весь город окутал звук воздушной тревоги. Люди остановились и начали нервно озираться по сторонам, кто-то пытался что-то увидеть в небе, но оно было ясным. Многие принялись рассматривать свои телефоны и, мне на удивление, подносить их к уху.

Неужели связь заработала? Я схватил свой мобильник и, увидев деления сотовой сети, спешно стал набирать номер Ольги.

Обстановка была напряженная. Отовсюду звучал пронзительный звук сирены, заставляя все тело содрогаться. Безумные взгляды пешеходов и нелогичные действия водителей, которые бросали машины прямо на дороге, а сами разбегались кто куда. Держа у уха телефон, я медленно продолжал движение по намеченному маршруту. Прозвучал первый гудок. Все вокруг меня замерло. Все стало таким неважным. Уже где-то вдалеке звучал сигнал тревоги, люди медленно передвигались за окном машины. Второй гудок.

– Ну давай же... – прошептал я.

Третий. Четвертый.

– Алло, привет! – зазвенел голос Ольги.

– Ты как? У тебя все хорошо? – прокричал я в трубку.

– Здесь происходит какая-то чертовщина, – ответила она. – Ты где сейчас?

– Дома.

– Оставайся там, я... – на этих словах наш разговор прервался, в один момент затих звук сирен и пропал сигнал сотовой связи на телефоне.

– Что за черт, черт, черт! – прокричал я, ударяя по рулю левой рукой.

Я решил успокоиться и держаться намеченного плана. Проехав небольшую пробку, я увидел дорожный просвет и прибавил газа. «Главное, что с Ольгой все хорошо», – успокаивал я себя.

Глупо, наверное, говорить сейчас такие слова: «Главное, что с ней все хорошо», ведь совсем скоро со всеми будет все плохо. Должно быть, в этом и есть смысл человеческой жизни.

ни – сохранять ее до конца, бороться за нее. Исход же известен всем, но каждый человек просыпается рано утром и снова начинает свой бой за существование. Забавно, но люди лишь кожаные мешки с органами, человек так легко может умереть – иногда достаточно неудачно споткнуться. Я слышал тысячу и одну историю абсурдных случайностей с летальным исходом. Получается, что до сих пор мы выживали на этой планете, делая все, чтобы сохранить возможность наблюдать за великолепием бытия. Поэтому мое переживание так логично – «Главное, что с Ольгой все хорошо...»

Я снова запрокинул голову вверх посмотреть, что там с Луной. Не знаю, кажется мне это или нет, но она стала немного больше. Надеюсь, что кажется. Не успел я вернуть свой взгляд на дорогу, как что-то попало мне под колеса. Раздался глухой удар. Как будто недовольная старушка решила убить таракана тапком. Я резко нажал тормоза и неуверенно посмотрел в зеркало заднего вида.

– Вот черт... – прошептал я.

На асфальте, скукожившись в позе эмбриона, лежал мужчина. Я посмотрел по сторонам – никого. Я покинул центральную улицу, поэтому данный факт меня не удивил.

– Что же делать? – спросил я себя, не отводя глаза от зер-

кала. – Меня никто не видел. Может, все же поехать? Все равно завтра его не будет в живых, как и меня... Как и всех...

Вдруг мужчина зашевелился и начал потихоньку подниматься.

Теперь я могу ехать!

Но что-то внутри меня защемило, наверное совесть. Она пронзила меня уколами и наградила сбивчивым дыханием, а после я вообще ощутил некую сжатость.

Нет, так нельзя... Я открыл дверь и вышел из машины.

– С вами все в порядке? Извините, я вас не заметил, вы выбежали из ниоткуда...

– Все хорошо, парень, я вроде цел, помоги подняться. – Поверженный мной пешеход подал руку, чтобы я помог ему встать на ноги. – Сегодня весь мир сошел с ума, не удивительно, что я попал под колеса.

– Как вы себя чувствуете?

– Разве это имеет значение? Завтра это уже будет неважно, – схватившись за бок, сказал мужчина.

– Значит, вы тоже знаете про Луну?

– Да, я знаю даже больше, чем любой другой человек на этой чертовой планете, – посмотрев на меня, сказал незнакомец. – Я журналист и занимаюсь этой историей уже последние две недели, после того как мне позвонил один знакомый из Иркутской обсерватории. В телефонном разговоре он сообщил мне, что Луна ускорила движение вокруг Земли, и каждый свой оборот она делает по спирали все ближе и ближе к нам.

– Так почему ни одно издание, ни один телеканал не сообщили об этом? – забыв о ДТП, я начал допрашивать пострадавшего.

– Я пытался, и мой друг пытался, и все те, кто обнаружил это явление, тоже пытались. Но нам просто связали руки – всех, кто узнал о приближении Луны к нашей планете, уволили с работы на следующий день. Я не знаю, чего боятся власти, но язык они нам завязали быстро. Хотя информационного цунами не произошло, но маленький ручеек все же потек – ты же, например, как-то узнал об этом.

– Мне сегодня каждый встречный говорит про Луну, и, честно сказать, я до последнего никому не верил, но из ваших уст это звучит не как очередная сплетня, мне даже стало

как-то не по себе. – Я снова подумал об Ольге, и снова земля ушла у меня из-под ног. – Извините меня за случившееся, но я как-то еще могу вам быть полезен?

– В обычное время навряд ли ты бы так легко отделался от человека, которого несколько минут сбил своим автомобилем, так почему ты думаешь, что сможешь быстро отделаться от меня сегодня?

– А что вы хотите, чтобы я для вас сделал? – заикаясь, сказал я, начиная жалеть, что остановился.

– Если ты меня подкинешь до старого аэропорта, то у меня не останется ни одной плохой мысли о случившемся, и твоя совесть будет чиста.

Этот мужчина оказался справедливым человеком, его просьба была разумной, она не имела оттенка требования, он просто дал мне

возможность загладить вину перед ним. Вдобавок у меня появилась уникальная возможность больше узнать о происходящем, и компания с нормальным человеком, хоть небольшой промежуток времени, была хорошим украшением моего пути, потому что старый аэропорт находился в нужном мне направлении.

– Идет. – Я протянул ему руку для пожатия и подумал, что

этот мужчина уж точно не убивал коров последние двадцать пять лет.

Он протянул мне руку в ответ и неуверенно улыбнулся. Я предложил ему пройти к автомобилю, открыл дверь и помог присесть на переднее сиденье пассажира. Быстро обежав автомобиль и заняв водительское место, я спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Немного болят ребра, но жить буду.

Эти слова позабавили меня, потому что в сложившейся ситуации они звучали как-то абсурдно – «жить буду»...

Я завел мотор автомобиля, и мы поехали. Пункт назначения, куда необходимо было попасть пострадавшему от моей невнимательности, находился в тридцати километрах, это около двадцати минут езды.

– А ты куда держишь путь... м-м-м-м...

– Алеша.

– Алеша, – повторил мужчина.

– Я еду к своей возлюбленной, Ольге. Если и прожить последний день на этой земле, то только с ней рядом.

Мужчина с улыбкой воспринял мои слова:

– Любовь. Сколько глупостей она приносит в жизнь человека. У любящего полностью атрофируется инстинкт самосохранения. Всякий испытывающий такие яркие переживания перестает вообще думать о себе. Его кидает из стороны в сторону. Он готов страдать и тут же быть счастливым. Любовь забирает весь покой.

– У вас был такой опыт?

– Все, что было, – умерло. Зачем о прошлом, когда нас ждет необычное будущее?

Образовалась тишина. Ее слегка нарушало трение колес об асфальт; резиновый протектор, быстро облизывая поверхность дороги, издавал шуршащий звук.

– А зачем вам в старый аэропорт? – не удержавшись, я вклинился в монотонные звуки.

– Как же тебе повезло, Алеша, что мы с тобой встретились! В этот день не все узнают о том, что будет происходить в старом аэропорту, а кто узнает, обязательно захочет там

быть. Это, как бы тебе сказать... закрытая вечеринка.

– И к чему она приурочена? К концу света?

– Да, мы будем провожать Землю в последний путь. Это будут масштабные похороны, если хочешь.

– Звучит жутковато.

– Но страх теряет свою силу, если ты рядом с единомышленниками. Там будет вся интеллигенция нашего города, все те, кто первыми узнали о том, что происходит.

– И вы думаете, это пройдет в порыве веселья?

– Я больше склонен думать, что это будет духовный поиск ответов, что нас ждет дальше или даже кто такой человек как природное явление.

– Интересно, а что вы думаете на этот счет?

За окнами мелькали деревья. Разделительная линия на дорожном полотне вела нас вперед. На мгновение мы с незнакомцем ощутили тишину, всеобъемлющее молчание, в котором и возник ответ, я его ощутил, его сложно объяснить словами, но этот щелчок точно напомнил мне, кто я такой. Я был не тем, кем я себя представлял, в этом состоянии я не

имел имени – я просто был.

– Я обычный журналист, я лишь фиксирую, записываю события, я мало понимаю в чувствах, и я не сильно преуспел в духовных поисках, поэтому мой ответ, возможно, покажется скучным, но... – Незнакомец задумался. – Мне кажется, человек...

Речь журналиста прервал звук сирен: снова зазвучала воздушная тревога. На этот раз она была не такая громкая, ведь мы значительно отъехали от города.

Я схватил свой телефон посмотреть, появились ли деления сотовой связи, и, к моему удивлению, мобильник был готов сделать звонок. Я промотал список контактов, чтобы найти мамин, и резко нажал на вызов, обратив внимание, что журналист, спокойно оценив мое занятие, тоже решил набрать какой-то номер.

– Алло, мама! Мама... – прокричал я, но на том конце было ничего не понятно, какие-то электронные шумы мешали мне услышать, что она говорит. Лишь прорывались отдельные слоги: «Мы... хор... жив... обн...», но я продолжал кричать в трубку:

– Мама, Луна падает, я еду к Ольге в Оренбург! Еду в Оренбург.

Она тоже мне пыталась что-то сказать, но я ничего не понимал. После нескольких попыток переспросить и догадаться, что она говорит, которые не увенчались успехом, звук тревоги замолк и телефонный разговор прервался.

– Черт! – ударив телефоном о панель, выругался незнакомец. – Я ничего не успел сказать.

– И я... Возможно, это был последний шанс поговорить с мамой. Наступила тишина.

Мы ехали несколько минут, не проронив ни слова. В этом молчании мы начали понимать всю трагичность сегодняшнего дня. Мы стали чувствовать дыхание смерти. В какой-то момент меня окутал дикий страх, на моих устах замер крик бессилия. Мне захотелось врезаться в столб, чтобы не испытывать это. Какая уже разница? Часом позже, часом раньше. Да, мне захотелось нести разрушение, мне захотелось стать монстром, который уничтожал бы все, что встретит на своем пути, мне было необходимо бить, ломать, унижать, и все для того, чтобы унять зуд, вызванный страхом.

Я глянул на сидевшего рядом мужчину. Он был задумчив. Его глаза были в расфокусировке – видно, он тоже что-то переживал. Удивительно, что внутри человека может быть

столько эмоций, за двумя окнами его мира может скрываться буря страстей и войн. Каждую секунду человек одерживает победу над кем-то внутри себя или проигрывает этому «кому– то». Кто-то постоянно противостоит ему в его же теле.

– Здесь направо, – безжизненно сказал журналист.

Я послушно повернул.

– Меня, кстати, зовут Евгений Васильевич, – он протянул мне руку.

– Алеша, – напомнил я и пожал ему руку.

– Это будет звучать ненормально, хм, но я рад, что ты сбил меня, Алеша. – Я тоже был рад познакомиться с вами. – Не знаю, насколько искренни были мои слова и насколько искренне было мое состояние, но я подумал, что ему будет приятно услышать это, тем более я вроде как чувствовал вину перед ним.

– Еще немного, и нам нужно прощаться. Напоследок я должен тебе кое– что сказать. Мы умрем не от удара Луны о Землю, мы умрем от наводнения. Нас затопят огромные волны, они смоют нас, как кегли. Сам удар мы так и не ощутим.

Я промолчал.

По электронному голосу, который раздавался неподалеку, было понятно, что мы подъезжаем. Кто-то с помощью микрофона призывал обратиться к Богу, и люди восторженно кричали призывам в ответ. Я сбавил скорость и начал прислушиваться к словам.

– Сегодня мы переживаем апокалипсис. Сегодня мы увидим конец света. Во всех эпохах человеческой истории предсказывалось подобное событие, но всегда оно воспринималось на ментальном уровне. Это был переход от одного периода к другому, умирала одна эпоха, приходила другая. Возможно, конец старой культуры можно считать концом света, но сегодня он произойдет физически. Сегодня каждый наблюдатель внутри нас провалится в темноту. Сегодня все живое окажется в пространстве темной материи. Сегодня мы все потеряем жизнь и возможность путешествовать в этом мире, используя все органы чувств. Сегодня, после страшной катастрофы, которую направил на нас Всевышний, мы потеряем чувства, но обретем чистое сознание. И наша совместная смерть станет проводником для всех душ в мир абсолюта.

– Яркая речь, – заметил я.

Евгений Васильевич улыбнулся.

Не видя человека, который это вещал, не видя людей, которые его слушали, мы приближались к издаваемым звукам. Перед нами появилась последняя стена из деревьев, за которой была взлетная полоса заброшенного аэропорта. Видимо, на ней-то и выступал духовный лидер. – Остановись, – сказал Евгений Васильевич. – Тут нам надо прощаться, если ты, конечно, не хочешь пойти со мной.

– Нет, меня ждет Ольга, я нужен ей.

– Пусть будет по-твоему. – Евгений Васильевич потянулся к ручке, чтобы открыть дверь, и тут же повернулся: – Человек – это беспокойство.

Я удивленно посмотрел на него.

– Беспокойство?

– Да, подумай над этим. – Журналист открыл дверь и, держась за ребра, вылез из автомобиля, затем нагнулся, чтобы встретиться с моими глазами, и добавил: – Пускай ты успешешь встретиться с Ольгой, Луна близко. – Он поднял руку и указал на еле видимое очертание земного спутника на дневном небе.

– Да! Найдите то, что вы ищете, – попрощался я.

Журналист хлопнул дверью, и я нажал на газ, чтобы побыстрее встретиться с любимой.

Все дальше отъезжая от старого аэропорта, я мысленно попрощался с Евгением Васильевичем. Больше мы с ним не увидимся. Возможно, как и не увижусь я с мамой и отцом, а они столько любви вложили в меня с самого детства, и теперь я даже не могу сказать им за это спасибо.

Моя мама всегда становилась на защиту, если вдруг отец решал повоспитывать меня. Он часто это делал, так как был военным. Сейчас он уже на пенсии и занимается дачным хозяйством, но раньше любил командовать.

Я был скромным, но ужасно любопытным малым. Мои немногочисленные друзья общались со мной только потому, что моя мама всегда всех вкусно кормила. Пацаны со двора находили хитроумный способ позвать меня гулять, а потом намекали, что нам всем нужно подняться ко мне в гости. Во все спортивные игры во дворе меня звали в последнюю очередь, и если мы играли в футбол, то меня обязательно ставили на ворота, чтобы я не мешал на поле. Но одно я делал очень хорошо – пересказывал истории, которые читал в книгах, так как с самого детства моя мама привила мне любовь к литературе. Моя фантазия бушевала, я ярко представлял всех героев, злодеев и монстров, спрятанных в соче-

тании букв.

Когда я окончил школу и пришло время выбирать учебное заведение, где продолжить получение знаний, мой отец настаивал на поступлении в военное училище, но меня не тянуло к военному делу. Ведь с самого детства я лишь наблюдал за миром и не желал командовать в нем или получать почетные звания. Я хотел путешествовать и посещать самые отдаленные уголки нашей планеты. Папа утверждал, что в форме военного мне представится такая возможность, но, оценив его жизненный опыт, я в это не верил.

Я поступил на факультет журналистики, посчитав, что если люблю читать и познавать мир, то смогу рассказать о том, что мне удалось о нем узнать. В университете и познакомился с Ольгой, мы сразу нашли общий язык благодаря нашей любви к открытиям. Ольга мне вскружила голову, и, когда мы с ней расстались на летние каникулы (она уехала с семьей в месячное путешествие), я понял, как эта девушка мне дорога. Поэтому по ее возвращении предложил ей переехать ко мне. К моей радости, она согласилась.

На последнем курсе я устроился на стажировку в местное издание, где продолжил работать после окончания университета. Так что мы с Евгением Васильевичем коллеги, только он об этом так и не узнает... Набирая скорость, я холодным взглядом смотрел на дорогу. Перед моими глазами пробега-

ли картинки моего детства: вот я считаю конфеты и беру себе в кулачок их эквивалентно своему возрасту – шесть штук; я играю с ребятами в прятки, и меня никто не может найти, потому что я забрался на самое высокое дерево; первый поцелуй, первый удар в мой нос от мерзкого хулигана, первая сигарета за гаражами...

Жизнь – интересное приключение, и все события, которые сначала кажутся неприятными, потом становятся такими важными. Все, что происходит сейчас, время отшлифует и превратит в доброе впечатление, все, кроме конца света.

Вдалеке на правой обочине я увидел силуэты четырех человек. Приблизившись, узнал в них своих соседей. Мария и Евгений шагали с большими походными рюкзаками, дочка семенила, стараясь не отставать. Я притормозил и окликнул:

– Вам нужна помощь?

– Алеша, привет! Ты как здесь оказался? – спросила Мария.

– Я еду к Ольге в Оренбург. А вы что тут делаете, почему идете пешком и куда?

– Нас ограбили, отняли машину! – объяснил Евгений.

– Хорошо хоть, оставили в живых, изверги, – прорычала

Мария.

– Вас подбросить?

– Нам осталось пройти пятнадцать километров, мы решили встретить, как бы это сказать... – Мария посмотрела на детей. – Луну... на своей даче, очень мы любим природу.

– Так давайте я вас доброшу.

– Отлично! – обрадовался Евгений и с удивлением посмотрел на машину. – Это же не твоя?

– Это долгая история...

Я вышел из автомобиля и открыл багажник для рюкзаков. Мы аккуратно уложили их и быстро уселись в салон. Евгений сел рядом со мной, а Мария с детьми – на заднем сиденье. Машина тронулась. Сегодня все люди, включая меня, куда-то движутся. Может, это желание убежать от неизбежного? Только нашу планету нельзя покинуть, мы с ней одно целое,

как ни пытайся. Земля – это коробка, в которой мы живем, и если с ней что-то происходит, то мы в этом замешаны тоже.

– Откуда вы узнали, что происходит? – поинтересовался я.

– Нам позвонили ранним утром, тогда еще работали телефоны, – начал Евгений.

– Где-то в шесть часов, – подсказала Мария.

– Назойливый звонок нас разбудил, я подумал, что это с работы.

– Женя взял телефон, но на том конце был его старый друг со школьной скамьи.

– Он сказал, что увлекается радиомоделированием и что ночью подслушал переговоры на зашифрованной волне. В том разговоре говорилось, что Луна сошла со своей орбиты и гравитация нашей планеты начала ее притяжение, что у землян осталось не больше суток. Он объяснил ранний звонок тем, что другого шанса сообщить о случившемся не будет, власти отключат все средства связи, радио и телевизионные линии. Тогда мне показалась, что он сбрендил. Я спросил, не пьян ли он, и предложил перезвонить позже, но вместо прощания мой друг сказал, что во время воздушной тревоги телефонные линии будут работать и я могу набрать его, если возникнут какие-нибудь вопросы.

– Мы с Женей обсудили этот разговор и решили, что его друг подшучивает над нами, поэтому легли спать дальше. Но когда девочки прибежали к нам в комнату со словами: «Телевизор сломался», мы вскочили и попытались ему позвонить, но телефон уже не работал. Тогда мы поняли, что друг не шутил.

– А как вас ограбили?

– Мы заехали по дороге в супермаркет купить продуктов. Расплатившись на кассе, подошли к машине, я достал ключ, чтобы открыть багажник для покупок... – начал Евгений.

– Тут какие-то отморозки, угрожая ножом, выкинули наши рюкзаки, уселись в наш автомобиль и умчались, оставив нас на произвол судьбы, – закончила Мария.

– Значит, эти ребята тоже решили провести сегодняшний день ярко.

Все обреченно притихли.

Дальнейший разговор носил характер поддержания дружеской беседы. Никто не хотел обсуждать сложившуюся ситуацию, мне показалось, что все в машине испытывают страх. И в какой-то момент, обнаружив его,

каждый взрослый впал в размышления. Наступила тишина, только девочки щипали друг дружку, чтобы хоть чем-то себя развлечь.

При приближении к даче Евгений заметно оживился, стал показывать дорогу на пальцах, так как по пути оказалось много поворотов.

Когда машина остановилась, все глубоко вздохнули, никто не хотел нарушать тишину, лишь смотрели на строение за окном. Это был небольшой ветхий дом. Белая краска, которой он был покрыт, уже отшелушивалась, а деревянные рамы на окнах набухли и покосились. Это было не лучшее место для встречи конца света.

– Зато здесь будет тихо, теперь мы в безопасности, – прочитав мои мысли, сказала Мария.

И я понял. Они сюда приехали не ради природы – они сюда приехали, чтобы спрятаться от людей, предполагая, какой безумный хаос начнется, как только все увидят на небе приближающуюся Луну. Этот хаос ждал нас с Ольгой; возможно, мы тоже сейчас были бы рады полуразрушенному дому вдали от людей.

– Спасибо, Алеша! – сказал Евгений.

– Спасибо, дядя Алеша, – по взмаху руки Марии сказали девочки.

– Мне только в радость, – думая об Ольге, сказал я.

Они покинули салон автомобиля, взяли свои вещи и выстроились в ряд, с грустью глядя на меня. Мои соседи прощались не со мной, они прощались с привычной жизнью, символом которой я стал.

– Прощай, наш добрый сосед, будь осторожен, – с надрым вом сказала Мария.

– Увидимся в другой жизни... – с этими словами я резко бросил сцепление и с пробуксовкой тронулся с места. В зеркале заднего вида отражались все мои двадцать четыре года, и я прощался с каждым днем, который прожил.

В дороге я размышлял. Думал о прошлом, думал о будущем, думал о времени, которое сквозь призму моей эмоциональной распушенности показалось вспышкой, оставившей после себя лишь щелчок. Я был так увлечен своими переживаниями, что не пытался понять этот мир, не пытался подружиться с ним, узнать, как он устроен. Я жил своими страстями. Сегодня от этих ярких состояний ничего не осталось, они пылью осели на линзу проектора, излучающего свет. Картинка стала размазанной. Я охладел, не испытывая прежних впечатлений, прежних радостей от новых поступ-

ков. Все стало предсказуемым: я знаю, к каким

чувствам приведет поцелуй, знаю эмоции от сокровенных признаний, от просмотра фильмов, от прочтения книг, от вкусного ужина – я знаю, что ожидать. Ум насытился ежедневными действиями, повторяющимися изо дня в день, его не заводит день сурка, он окончательно уснул. Но сегодня произошли трансформации, теперь ум остр, как раньше, когда я познавал неизвестное. И всему причиной – страх, адреналин, который впустил топливо в сонный разум. Теперь он хочет жить, теперь ему хочется выжить.

Только издевка, которой наградила меня природа или Бог, настолько извращенная, что убивает любые силы на борьбу. Если человек приобретает невиданные способности, ощущая врага, видя его, то настоящая ситуация действует противоположно – обезоруживает и связывает в бессилии волю.

Сейчас я понимаю: моя поездка к Ольге лишь побег от своих мыслей, возможность не погружаться в свои переживания, ведь, когда движешься, мир пролетает перед глазами, отвлекая от внутренних диалогов. Но мои мысли все же выходят наружу. Они, как горячий гейзер, прорываются через слои грунта и бьют фонтаном. От себя не убежишь. Все, что я подавлял, все, что я боялся осознать в себе, сейчас грызло меня изнутри. Все мои внутренности перекручивались в мясорубке моих страхов, и в тот момент я принял свою ничтожность.

– Вселенная, ты победила, – прошептал я, найдя свой

взгляд в зеркале заднего вида.

И как только я признал это, переживания сдуло ветром принятия. Я успокоился. Мою клинику посетил лучший врач. Он ударил меня кирзовым сапогом, а потом положил лед на ушиб. Человек в белом халате сделал простую вещь – он показал мне две противоположности: боль и наслаждение. Он настолько мудрый, что сначала дал мне испытать одну сторону, а потом проявил другую, и только тогда я понял, что мне нужно: мне нужно – счастье. Пускай эти последние часы моей жизни будут наполнены счастьем, а что мне еще остается? Если только мое внутреннее состояние в зоне моего контроля! Пускай весь мир рушится, но внутри я останусь счастливым.

Я посмотрел на время – 17:42. Еще светло, но Луна хорошо видна, потому что она стала гораздо ближе к Земле.

«Евгений Васильевич ошибся, – сказал я сам себе. – Если бы Луна двигалась по спирали, то она выпадала бы из виду, но сегодня я весь день

вижу ее, вижу, как она приближается к нам. Значит, мы все же ощутим удар? Значит, нас не затопит, а хорошенько трясанет?»

Мелькание деревьев за окном наводило на однообразные мысли. В основном они были связаны со страхом – что ме-

ня ждет в городе, ведь все уже знают о том, что происходит. Луна заняла собой почти все небо, она была рядом, ее можно было коснуться рукой. Не попытаться зажать большим и указательным пальцем, как на фотографии, а утопить в ней всю ладонь – такая она была большая.

Из-за вынужденных задержек, в седьмом часу я увидел перед собой стелу с гордой надписью: «Оренбург». Тишина и безлюдье испугали меня, но, проехав еще несколько километров, я понял, что это было только начало новых испытаний. Справа от дороги горел легковой автомобиль. Языки огня облизывали его стальные детали, людей по-прежнему не было. Сбавив скорость, я ехал аккуратно, осматриваясь по сторонам. Складывалось впечатление, что в этот город заглянуло несколько Годзилл, которые неплохо провели тут время. Разбросанные вещи, разбитые окна, копоть. В вечерних сумерках это выглядело, мягко говоря, пугающе. Крутя головой, как встревоженная курица, я пытался найти что-нибудь живое, но перед моим взором представало только следствие чьей-то агрессии. Здесь был бунт. Людей столкнула горячая смесь неизбежности и бессилия, а искрой пожара стал страх, который одурманивал безвольных слабаков, ищущих любой возможности отомстить этому миру.

Выехав на центральную улицу Оренбурга, я увидел потрясающую картину: аллея, уходящая вдаль, упиралась в центр Луны, которая уже нахальным образом заняла все небесное пространство. Следы недавней схватки и мое одинокое пере-

мещение в тишине пугали меня. Я пытался найти тела мертвых, но их не было. Может, все обошлось без жертв, но тогда где все горожане?

Я снова задрал голову вверх, и мой взгляд уловил в окне жилого дома ребенка. Как только тот заметил, что я на него смотрю, он задернул шторы. В этот момент раздался сигнал воздушной тревоги. Я схватил телефон, на нем появилась сотовая связь. В домах, которые проезжал, началась суета; одним разом, как по взмаху волшебной палочки или по команде военного командира, во всех окнах включился свет. Люди стали высовываться из них, в одном окне могло торчать несколько человек. Какие-то события загнали их в свои жилые коробки, и это в последний день жизни, – пугающий факт. Звук сирены не смолкал. Люди из окон, провожая мою машину взглядом, ковырялись в своих телефонах и, как в синхронном плавании, одновременно подносили их к уху. Город ожил, но самое страшное ждало меня впереди.

Когда и я взял сотовый, чтобы сообщить Ольге, что приехал и мы скоро сможем увидеться, в зеркале заднего вида показалась толпа обезумевших людей. Они неслись, держа факелы и самодельные биты, в разорванной одежде и с безумными глазами, как в фильмах про зомби. Не думаю, что они решили взять у меня автограф как у проделавшего путь из Самары до Оренбурга. Их угрожающие крики пере-

бивали звук воздушной тревоги. Толпа побежала за мной, решив меня линчевать. Я резко ударил по газам, тараня брошенные автомобили на моем пути. Сотовый телефон упал под пассажирское сиденье. С выступившим потом на лбу и бегающими глазами я истерически прокричал:

– Я не вампир! Я не вампир!

Ведь это так напоминало охоту на старину Дракулу.

Отставая, толпа начала кидать палки, дубинки и горящие предметы мне вслед. Одичавшие люди были здорово расстроены.

Сирена не утихала. Не сбавляя скорость, я прислушался к звуку, который исходил откуда-то снизу. Это был мой телефон. Нагнувшись, я попытался достать его. Наконец, нащупав, схватил мобильник, на экране шли секунды разговора, на том конце была Ольга.

– Алло! Алло! Алеша! – кричала она.

Я, еле сдерживая слезы, пробормотал:

– Я тут. – Все шумы вокруг стали приглушенными, я попал в звуковой вакуум.

– Алеша, ты где?

– В Оренбурге! А ты дома? – пытаюсь быть хладнокровным, спросил я. – Да, я дома, мне страшно.

– Я уже совсем рядом. Я рядом, Ольга.

– Будь осторожен, Алеша, на улице происходит черт-те что.

– Все будет хорошо, дай мне десять минут, я рядом.

Звук сирены стих. Крик толпы уже был не слышен. Зброшенные улицы встречали своего героя. Торчавшие из окон головы потихоньку, подобно сонным моллюскам, прятались в своих железобетонных норах, не желая прощаться с улицами. В домах выключался свет. Фары моей машины становились единственным напоминанием о жизни. Я ехал к любимой.

Решив снова настроиться на счастье внутри, я натянул улыбку, пускай она была фальшивой, но это было лучшее украшение моего лица.

Звук мотора раздался за углом, даже не звук, а рев. Проезжая перекресток, я обернулся в сторону, откуда доносился шум. Перед моими глазами образовались два источника

диких фар, они набросились на меня, протаранив машину, в которой я преодолел такой долгий путь. Меня контузило. Весь мир превратился в карусель. Скрежет металла вместе с ударами от переворотов черной капсулы, в которой я находился, создал повторяющийся ритм, это была музыка моего поражения. Когда «чертово колесо» остановилось, груда железа издала финальный писк, и тут же все затихло. Я прислушался и нашел в этом пространстве собственное учащенное дыхание, потом добавились звуки моих резких движений, такты тщетной попытки освобождения, а дальше вступили ноты страха, вызванного чьими-то шагами поблизости. Когда музыка достигла апогея, ведущий тенор сказал:

– Вот ты и попался!

Потом был удар по моей голове. Звук встречи чугуна с мягкой плотью. Он отличался устрашающе глухим исполнением.

Я сквозь бред ощутил, что мое тело, подобное безжизненной марионетке, куда-то тащат. Темнота. Мои руки завязывают в запястьях. Темнота. Испуганные лица тычут в меня пальцем. Темнота. Грубый оскал рычит мне в лицо.

Пытаясь сфокусировать картинку, я понимаю, что передо мной толпа, жаждущая крови. От скуки или от страха они хотят увидеть, как густая жижа красного цвета вырвется из

МОИХ ЖИЛ.

– Этот человек – посланник ада! Это он принес беду на нашу Землю, он неверный! – прокричал кто-то из толпы.

– Давайте выпустим ему кишки! – в качестве идеи добавил другой.

– А может, мы его сожжем? Я не видел, как горят люди.

Я осмотрелся. Мои руки были скрещены над головой. Запястья связывала толстая бечевка. Не касаясь ногами земли, я висел на фонарном столбе, болтаясь, как боксерская груша. Пока разъяренная толпа решала, к какому способу умерщвления прибегнуть, я ощущал дикий озноб от приличного выброса адреналина в кровь. Меня мучило, тошнотворная жижа подступала к горлу. Наверное, таким образом смерть стучала в мои двери. – Ребята, давайте все же выпустим кишки!

– Все заткнулись! Что с ним делать, буду решать я, потому что это моя добыча!

Как же тщательно человек старается скрыть свои первобытные потребности, свои истинные желания! Играя роли, он подавляет в себе настоящие стремления, копя агрессию, чтобы в один прекрасный момент взорваться. Красная Лу-

на, занявшая небо, стала пропуском в мир желаний. И если цивилизованное общество способно в течение нескольких часов превратиться в такую живую массу насилия, которую я сейчас вижу перед собой, то мне становится понятно: мир – это одна большая зона боевых действий. Где мораль и принципы лишь жалкая шелуха. Где оружием может стать не только сила в своем чистом виде, но и психологическое давление и манипуляции, которые приводят к доминированию одного человека над другим. Жизнь – это полигон, где балом правят самые хитрые и изворотливые представители человеческой расы.

– И что ты решил, босс?

– Я буду отрезать ему конечности и смотреть, как он истекает кровью!

– Да! – в эйфории закричали люди. Они точно хотели увидеть, как неверный их идеалам человек, хотя это только предлог, оправдание для жадных до страстей людей, будет мучиться. Потому что только так они смогут понять, что сами счастливы.

– Ты готов? – с отвратительно грязной ухмылкой спросил меня мужчина в костюме хаки, держа острие огромного охотничьего ножа на моей щеке. – Сегодня Оренбург захлебнется кровью раньше, чем Луна поцелует нашу Землю! – по-

вернувшись к людям, прокричал он.

– Да! – снова раздалось ликование в ответ.

Он замахнулся, чтобы нанести удар по основанию моей руки, и в этот самый момент раздался выстрел. Мужчина в хаки повернулся, чтобы рассмотреть, кто подарил ему пулю, которая сейчас застряла в его затылке, но, увидев лишь недоумевающую толпу, упал на колени и уронил нож. Раздались выстрелы, целая серия выстрелов, автоматная очередь. Все линчеватели начали по очереди падать, накрывая своими телами друг друга. Это было кровавое месиво. Кто-то запустил блендер, но вместо фруктов положил человеческие тела. Тошнотворная жижа из моего горла вырвалась наружу.

Когда раздался последний выстрел и последнее тело упало на землю, я осмотрелся. Я дышал спокойно и не ощущал паники. Мне стало все равно. Моя нервная система устала от напряжений, она отключилась. Я

посмотрел на небо, там висела огромная огненная Луна. Она была такая большая, что казалось: кроме нее на небе ничего нет. Это был не спутник нашей планеты в привычном понимании, это была красная стена, которая с ошеломительной скоростью приближалась. Все еще связанный, я наблюдал последние минуты жизни на Земле. Снова раздался сигнал воздушной тревоги, но я не мог дотянуться до своего те-

лефона и сообщить Ольге, что со мной произошло, сказать ей, что, возможно, мы больше не увидимся. Я в бессилии закрыл глаза, ища силы на веру, что жизнь на этом не закончится. Что я перерожусь в другой форме на другой планете и обязательно встречу Ольгу там.

Мои мечты прервало прикосновение. Я открыл глаза. Несколько человек в военной форме с оружием наперевес смотрели на меня.

– Вовремя мы, как думаешь? – перекрикивая сирену, с ухмылкой спросил один из них.

– Это точно... – выдохнул я. – Вы можете мне помочь? – я указал взглядом на веревки.

Старший махнул рукой, и трое молча сняли меня с фонарного столба. – Спасибо, – неуверенно сказал я.

– У тебя есть еще дела? – спросил старший. – Времени совсем немного. – Он показал пальцем на небо.

– Да, у меня осталось одно незавершенное дело. Можно я вас покину?

– Конечно. Увидимся в следующей жизни. – Военные развернулись и пошли восвояси.

Под звуки воздушной тревоги я со всех ног бросился к своей любимой. Набрал ее номер, я быстро бежал вперед.

Время замерло. В голове прокручивалось случившееся. Одна агрессия подавила другую агрессию. Только одна из них несла страдание, а другая – благо. Так и жила наша Земля до сегодняшнего дня, в вечном конфликте идей.

В телефоне раздались длинные гудки и затем послышалось:

– Алло!

– Ольга, Ольга, я бегу к тебе! Выходи на улицу, встретимся у подъезда! – Но там опасно.

– Не думай об этом, просто выходи, у нас очень мало времени.

Сирена затихла.

Кто же с нами играет эту злую шутку? Кто поступает с нами так жестоко? Кто нас дразнит возможностями, но потом отнимает их? Кто стоит за сигналом воздушной тревоги? Кто включает сотовую связь? Наверное, я

так и не узнаю ответов на эти вопросы. Ведь обычному человеку не суждено открыть все тайны. Обычный человек лишь винтик в механизме, контролируемом большими людьми. Но кто провозглашает себя великим и как он удерживает власть? Хитросплетенные поступки со стратеги-

ческим видением ситуации, смешанные с тотальным контролем, основанным на страхе, и приправленные щепоткой вранья. Я уже не узнаю ответ, да он мне и не нужен.

Я влюбленный парень. Влюбленный в красивую девушку, влюбленный в жизнь, влюбленный в возможности, которые отнимает у меня такая нелепость – падающая Луна.

Мне оставалось совсем немного. Еще пара поворотов – и я увижу Ольгу. Мое путешествие закончится, также закончится моя жизнь. Главное – успеть. Становится невыносимо жарко: или от физической нагрузки, или от того, что я пережил, или это космическое тело, проходя атмосферу, устроило адскую печь.

– Выходи, Ольга! – прокричал я сам себе. – Выходи!

Еще один поворот, еще несколько метров...

Я заворачиваю за угол.

Открывается дверь подъезда.

Это Ольга.

Она видит меня, улыбается.

Я улыбаюсь ей.

Между нами расстояние теннисного корта.

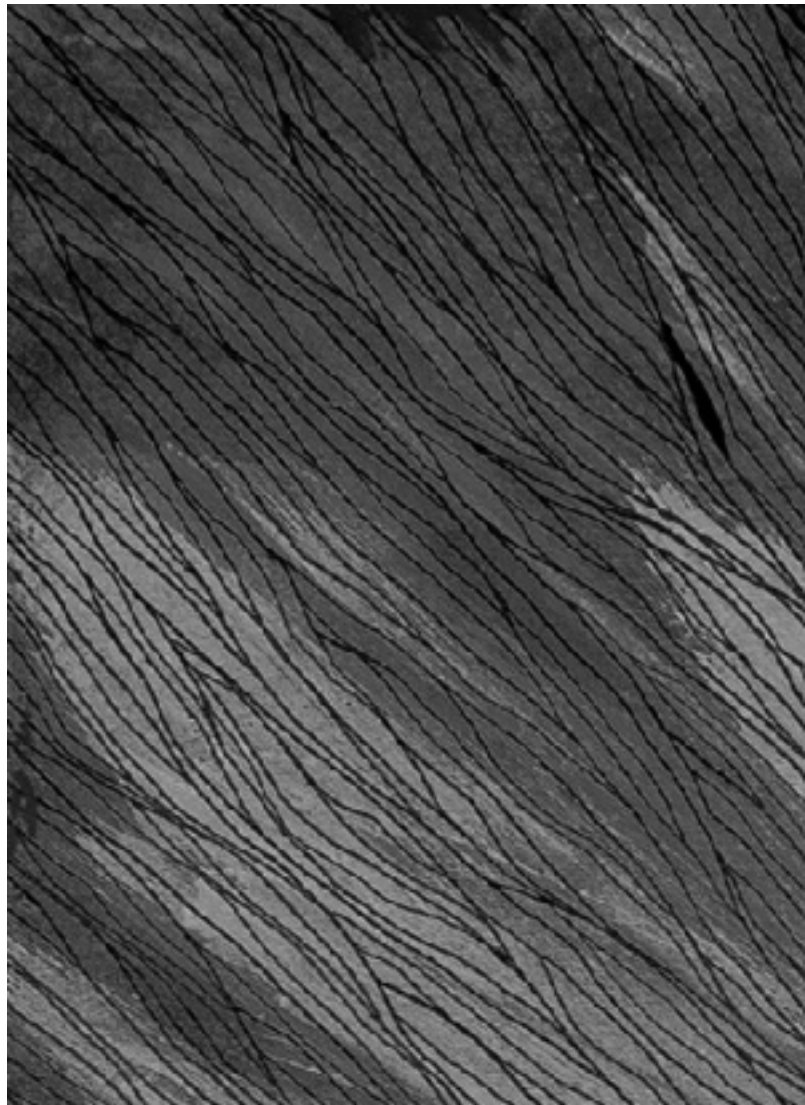
Она бежит навстречу, раскидывая руки.

Я раскидываю руки в ответ.

Наши тела соприкасаются.

Удар.

Момент

Грязный, глупый человеческий ум. Так увлечен внешними событиями, что люди совсем без толку прожигают подаренные дни на земле. Вся магия, которой обладает именно эта секунда, растворяется под давлением болтовни и бесполезных движений в пространстве. Люди забывают о важности этого момента – здесь и сейчас, но я им напомню об этом. Мой манифест будет направлен прямо в сердца жителей этой прогнившей планеты, и инструмент, к которому я прибегну, вряд ли можно назвать гуманным, но для того, чтобы проснулись тысячи, необходимо пожертвовать семью.

Этот план я вынашивал последние три года. Тщательно продуманная операция начнется, как по взмаху дирижера, и эффект домино будет не остановить.

Наверное, в детстве все любили изобретать хитроумную модель живой цепи, где один предмет подталкивал другой, и он, оживая, давал импульс следующему. Должно быть, нам свойственно желание оживить неподвижное без прикосновения к нему. Человек с раннего возраста не хочет находиться в мертвой пустоте, в которой ощущаешь лишь давление вакуума на уши, а его электрическое жужжание сверлит мозг и пугает. Мы хотим увидеть что-то живое, что-то похожее на себе, лицезреть чудо – движение.

Почему человек двигается, почему двигается животное, рыба? Что заставляет их это делать? Внутри любого существа помимо органов есть что-то феноменальное, что-то, что

является краугольным камнем. Ведь если создать точную биологическую копию существа, с идентичным химическим составом, – она не оживет. Так что же присутствует внутри всего живого, что дает импульс движению? Душа? И если она есть внутри оболочки, то кто вправе ее выпустить наружу? Кто вправе освободить ее из этого заточения? Ирония в том, что клетку для души образуют не стенки телесного покрова, а голова, мысли, если хотите – ум, который, как тюремный надзиратель, издевается над душой, избивая ее своими фанатичными идеями, своими крайностями. И мой поступок – это диалог с вашим умом. Я напомню ему ценность жизни, я разбужу вашу душу, и вы вспомните про нее, когда она заболит от горя.

На улице прохладная осень. Светит солнце. Этот день подводит черту в моей борьбе за право людей взять верх над умом. Я всем укажу своим пальцем на момент времени, который происходит в эту минуту, который ткется прямо сейчас.

Вацлавская площадь как всегда оживлена. Ничего не подозревающие туристы ходят взад и вперед, рассматривая архитектуру пражских домов, а местные жители бегут по своим делам. Группа из семи людей стоит около памятника святому Вацлаву, гордо возвышающемся на коне. Князь Чехии Вацлав был убит и, благодаря любви своего народа, после смерти канонизирован церковью. Сегодня на глазах прохожих я подарю свою любовь в виде массового убийства, и

каждого из убиенных обязательно запомнят.

У этих смертей будет смысл, это не обычный уход из жизни на больничной койке, это не смерть из-за несчастного случая или из-за неразделенной любви, это не политическое убийство, и, наконец, оно не из-за денег. Эти смерти – во благо свободы, свободы от гнета ума. На этой площади совершится акт избавления от постоянного диалога в голове, голос замолчит, и пускай он замолчит лишь на мгновение, но он должен замолчать, только в таком случае жизнь будет иметь хоть какой-то смысл. Это будет мой подарок всем случайным прохожим, всем, кто проникнется историями этих людей. Я подарю – настоящий момент.

Как часто сознание засыпает, как часто физическая оболочка человека, перемещаясь в пространстве, бегая по своим делам, игнорирует сам факт своего существования, но не сегодня – не в мою смену.

Я смотрю на солнце, которое светит над моей головой. Вот уже тридцать пять лет изо дня в день я встречаюсь с этим космическим телом. Каждый день, от самого моего рождения до этого момента, оно радовало меня своим присутствием. Вся моя жизнь происходит благодаря ему, и, даже когда солнца не видно, я знаю, что оно все равно есть.

Птицы парят в воздухе, раздается гул моторов машин и слышится бубнение прохожих, именно сейчас я наблюдаю жизнь. Но стоит мне нажать кнопку детонатора – и жизни моих героев оборвутся. Все их дела, все их стремления ока-

жуются жалкой потерей времени, и все, что им представлялось таким важным, станет бессмысленным. Они больше никогда не увидят мир, каким он представляется им сейчас, они наконец проснутся. Смерть не щадит никакую превосходную форму, смерть стирает с лица земли все, и дыхание этой коварной женщины заставляет ярче вспомнить о ее противоположности – жизни. Смерть заставляет любить жизнь, но самое забавное, что смерть происходит с другими, не с тобой, а с кем-то. Если ты еще здесь, значит радуйся, что она не пришла к тебе. После нее ничего не остается. «Смерть пришла к вам, дорогие мои», – прошептал я.

В воздухе стоит запах теплых булочек. Листья кружатся над головами. Падая под ноги прохожих, листья перестают бороться за жизнь на дереве, они сдаются, и их кружение – танец прощания.

В интернете я прочел, что на нашей планете каждую секунду из жизни уходит два человека. Согласитесь, если бы мы знали каждого лично, то для нас это была бы не просто статистика. Что, если эти два человека – ваши знакомые? Вы бы огорчились, переживали, ваши глаза намокли бы от слез, а сейчас это лишь число. Так почему смерть семерых людей на главной площади в Праге должна заставить задуматься миллионы, если два человека в секунду никого задуматься не заставляют? Ответ прост. Я познакомлю вас с каждым из семерых, ведь если вы будете знать их жизненные истории, то эти смерти перестанут быть для вас обезличенными, а лю-

ди станут для вас родными. А если я вам скажу, что семь человек, которые были убиты маньяком, пустившим в ход страшное изобретение человечества – бомбу, знакомы вам, ваше эмоциональное состояние изменится? Вы готовы поиграть со мной в эту игру? И прежде чем я запущу зловещий механизм, главной задачей которого является убивать и разрушать, я познакомлю вас со своей великолепной семеркой.

Семь человек стоят, образовав круг. Одна из них Сюзан – экскурсовод, остальные шесть внимательно слушают ее, ведь они приехали в Прагу именно ради этого – посмотреть достопримечательности, узнать что-то новое. И вкусно поесть. Сюзан направляет внимание гостей города на достопримечательности, утоляя жажду новых знаний.

Знания

Сюзан родилась в Праге тридцать три года назад. Она имела очень консервативные взгляды на жизнь и часто предпочитала теоретические знания личному опыту. Сюзан не любила рисковать, поэтому ее жизнь напоминала прогулку крысы в коробке из-под холодильника. И хотя границы с Германией, Австрией, Францией проходили всего в нескольких сотнях километров, Сюзан там ни разу не была. Ее не интересовало ничего, что можно было увидеть глазами или потрогать руками, ее интересовало все, что можно было почувствовать умом. Она любила ощущать, как знания аккуратно ложатся на полки ее сознания.

С виду уверенную женщину родные и друзья знали как за-

мкнутого, закрытого человека. Из-за своей аутичности Сюзан вообще могла остаться без работы, если бы не отец, который силком заставил ее заняться хоть чем-то.

Сюзан не была замужем, у нее не было детей, а первый и последний секс произошел у нее в старших классах, когда один мальчик силой взял ее. Сюзан и ее психотерапевт считают, что этот инцидент очень повлиял на развитие будущего экскурсовода, что это событие разделило ее жизнь на до и после.

И женщина, сегодня рассказывающая о князе Вацлаве, все еще продолжала свое существование под флагом «после».

Конечно, она часто задумывалась о своей участи и постоянно мечтала вернуться назад и предотвратить то жуткое событие, но она понимала, что это невозможно, и все заканчивалось лишь новыми приступами ощущения никчемности.

Светловолосая Сюзан была весьма привлекательной, и многие мужчины считали ее сексуальной. Она всегда носила только закрытую и просторную одежду, пряча свою большую грудь и боясь спровоцировать к себе излишнее внимание.

После продолжительной борьбы с собой Сюзан могла себе позволить почитать эротическую литературу, а еще реже – посмотреть порнографические материалы в интернете. Она четко и конкретно сформировала свое отношение к себе и боялась его изменить. Но дурман желания так сильно щекотал ее нутро, что, сдаваясь, она спускала свои руки и неж-

но прикасалась к себе, сопровождая эти сладостные движения прерывистыми стонами. Абсолютно всегда, без исключений, Сюзан порицала себя за подобное, она отчитывала себя строгим внутренним голосом учителя, ругая нетерпеливую часть своей личности. В остальном она не позволяла себе ничего, кроме чтения книг и просмотра сериалов про любовь.

Сюзан часто плакала по вечерам, после работы, чувствуя огромную дыру, даже целую Марианскую впадину, которую она никак не могла наполнить. Закрывшись на замок в своей комнате, она, как подросток, прятала слезы от уже пожилых родителей.

Будучи одним ребенком в семье, Сюзан не была обделена вниманием со стороны любящих родителей, но она не ценила их заботу, поэтому единственной радостью для нее стали книги. Эмоциональный овраг не мог наполниться знаниями, но черный текст на белых листах хоть как-то прятал ее сознание от действительности.

Я наблюдал за ней около трех месяцев, чтобы сформировать свое мнение об этой особе, и исследовательская работа была закончена: мне стало понятно, что это идеальный экземпляр для моей картины. Будучи художником, я искал определенные детали, чтобы мое полотно вышло без единого изъяна. Очень педантично, узелок за узелком я плел свой кровавый перформанс под названием «Момент», и конечную точку определила именно Сюзан: это она, сама то-

го не подозревая, подсказала мне, где состоится представление. «Спасибо тебе, моя милая Сюзан, моя муза. Ты идеальна», – прошептал я, глядя на Сюзан, пересказывающую очередную серию исторических фактов.

Для этой девушки каждое слово, каждое движение проходили через этап внутреннего конфликта, она заставляла себя делать все это, говорить все это, улыбаться и производить впечатление счастливого человека. И все верили ей, все, кроме меня и ее близких. Гости Праги, зачарованно слушающие Сюзан, даже не подозревали, что она избегает объятий и прикосновений посторонних людей и немного заикается, когда говорит про мужчин. А еще Сюзан втайне мечтает покончить жизнь самоубийством. Я читал ее дневник, в котором она в деталях описывала возможные виды своей смерти. Мне больше всего понравился ее вариант поджечь свою комнату, но перед этим закрыть дверь на замок и выкинуть ключ в окно. «О, Сюзан. Меня это чертовски взбудоражило», – мои глаза заблестели.

А чего стоит вариант прыгнуть с Карлового моста прямо на бетонную основу! Сюзан очень изобретательная блондинка, она наверняка могла бы стать мне хорошей напарницей. Хотя она уже напарница, только не знает об этом.

Да, в мире много тайн, и у каждого из семи их предостаточно. Каждый, кто называет себя человеком, имеет пару скелетов в шкафу, и сегодня я расскажу вам обо всех секретах своей любимой семерки.

Если Сьюзан предпочитала кормить себя знаниями, впи- хивая их в свой ум и утрамбовывая, чтобы новыми слоями забить внутренний гной, который так и рвался наружу, то Джек, предприниматель из города Хантингтон, что в Запад- ной Виргинии, пытался быть максимально деятельным. Он не давал себе ни минуты покоя, потому что боялся одиноче- ства.

Движение

Маленьким мальчиком Джека случайно закрыли в под- вале. Думая, что трехлетнего сына мать отвела в детский сад, отец, хлопнув дверью подсобного помещения на нуле- вом этаже, где Джек разбирал свои игрушки, закрыл его, по- вернул два раза ключ в замочной скважине, выключил об- щий свет и вышел из дома. Только вечером после работы ро- дители выяснили, что записку, в которой мама Джека попро- сила мужа отвести сына в садик, никто не видел, как никто и не понимал, где сейчас сам Джек. Перерыв весь дом, отчаяв- шиеся родители открыли дверь в подвал и обнаружили там своего сына, спокойно сидящего в темноте и смотрящего в одну точку. Они долго трясли его за плечи, приговаривая: «Джек, Джек, родной, извини нас, Джек...», но тот как ни в чем не бывало продолжал своим взглядом сверлить про- странство. Он жутко напугал родителей. После десяти минут молчания он спокойно повернулся и, пристально смотря в глаза отца, холодным, взрослым голосом сказал ему: «Я те- бя ненавижу». В ту секунду умер ребенок, на свет появился

новый Джек, тот самый Джек, который больше не позволял себя обидеть.

Уже в шесть лет Джек начал зарабатывать свои первые деньги: он перепродавал жвачки и шоколадки, уверенно убеждая друзей совершить покупку.

В восемнадцать лет Джек уже ездил на форде 1981 года, желтого цвета. Родные не понимали, откуда у Джека так развита деловая хватка, но сам Джек знал – все из-за его активности. Он никогда не мог остановиться. Он всегда был в движении, но это стремление было не его природой, это было необходимостью: он просто боялся снова вернуться в те воспоминания трехлетнего ребенка, когда родители заперли его в подвале одного, в темноте.

Предприимчивый Джек уже и забыл о том случае, а вот его подсознание – нет, оно все прекрасно помнило и давало знать старине Джеку, что лучше не копаться в старом дерьме, лучше заняться хоть каким-нибудь делом, лишь бы уберечь свой разум от воспоминаний. Страшный ужас возникал, стоило сорокатрехлетнему брюнету, отцу троих детей и долларовому миллионеру, остаться одному в темноте – мрак пожирал его изнутри.

Еще один идеальный материал для картины был перед моими глазами. Он с открытым ртом слушал, что говорит изнасилованная в отрочестве Сюзан. Тайны этих двух дурманили меня, и все из-за того, что я знал их настоящими, а не те роли, которые они сейчас играли. Оттраханная умница

и предприниматель, боящийся темноты. Они убегали от себя, боялись коснуться своих страхов. Сюзан вытесняла боль знаниями, а Джек – движением и деловитостью. Каждый затыкал свою дыру как мог, но закупорить трещину не значит избавиться от нее.

Джек занимался животноводством. В двадцать два года он пришел на ферму как помощник, а после семи лет работы возглавил ее, еще через четыре ферма стала его собственностью.

В тридцать три года Джек, собственник бизнеса, уже был женат и имел одного сына, в тридцать пять у него появилась еще дочь, а в сорок – вторая.

Он любил путешествовать и предпочитал это делать один, ему думалось, что так он может немного перезагрузиться от рабочей рутины, но, оставаясь наедине со своими мыслями, всегда понимал, что его поступок – глупый, ведь он снова боялся их, своих мыслительных рисунков.

Джек вел активный образ жизни. Он бегал по утрам, слушал тяжелый рок и играл на барабанах. Стороннему наблюдателю могло показаться, что предприниматель из Виргинии – пример для подражания: прилежный семьянин, добросовестный бизнесмен и увлеченный романтик. Но внутри него кипела серная кислота, разъедая его и толкая на бесконечное движение, от которого он чертовски уставал.

Джек часто представлял себя в спокойной атмосфере, где он – укутанный в одеяло, при свечах, дети обнимают его, пе-

редавая свое тепло, а любящая жена подносит всем горячий какао с маршмеллоу. В мечтах он мог испытывать от этого настоящее счастье. Но случай из детства не давал ему возможности полностью расслабиться, и поэтому Джек был всегда начеку, как заряженный пистолет. Если картинка в его голове вдруг реализуется, то, он уверен, все равно напряжение никуда не денется. Ему незачем было отлеживать бока при этих гребаных свечах, если в любом спокойном состоянии он может чувствовать только страх. Лучше тогда встать на ноги и снова начать свое непрерывное движение, как белая акула. Крутить эти педали и ни при каких обстоятельствах не останавливаться.

Джек был хомячком в своей клетке, он был человеком, который бежал в колесе от себя самого. Хоть к нему и пришел материальный успех, но это самое меньшее, чего ему хотелось.

Не спрашивайте, откуда я все это знаю. Исписанные по ночам его дневники, нарисованные монстры и неразборчивые зачеркивания на полях характеризовали Джека как человека, ведущего эмоциональную борьбу внутри. Война, начавшаяся сорок лет назад, не останавливалась ни на секунду. В его голове так и слышны фразы, посвященные его отцу: «Я тебя ненавижу», но ненависть была направлена не на отца — он ненавидел себя, из-за того что так испугался мрака подвала, из-за того что обмочился и даже побоялся позвать на помощь, потому что страх сдавил ему горло и сжал крепкой

хваткой голосовые связки. «Слабак, – усмехнулся я. – Джек, ты такой слабак. Ха-ха». Я ощутил приятное волнение, когда вспомнил историю этого парня, глядя, как тот, не закрывая рта, слушает умницу Сьюзан, выдающую очередную заученную фразу.

Солнечные лучи падают в серую дымку в конце Вацлавской площади. Преломляясь от концентрированного водяного пара, свет образует редкое природное явление – легкий туман в солнечную погоду. Видно, сама Вселенная подсказывает мне, что мои деяния правильные. Туристы продолжают ходить взад и вперед, бубня, шаркая ногами, жуя огромные сосиски и запивая теплым глинтвейном.

Я напрягся, посмотрев на свою следующую жертву – шестидесятидвухлетнюю женщину с затвердевшими, как воск, волосами фиолетового цвета. Ее зовут мадам Иода, она вдова известного испанского художника Пабло Амадо.

Правила

Иода была бойкой женщиной. Она четко знала, чего хочет, и легко могла это получить. В жесткой форме выдвигая свои правила, она самолично проверяла их исполнение. И чтобы не познакомиться с разъяренной стороной этой мадам, стоило постараться удовлетворить все ее желания, без компромиссов. Весь ее вид говорил, нет, кричал, что лучше с этой женщиной не вступать в перепалку.

Она четыре раза была замужем и имела трех детей от разных отцов. Последний брак принес Иоде целое состояние,

ведь ей удалось выскочить за очень известного художника Пабло Амадо, продававшего свои работы за тысячи долларов. А после смерти цены на работы Амадо и вовсе взвинтились в сотни раз. Так в сорок семь она стала состоятельной женщиной.

На ее счету не было ни одного развода, все мужья уходили только в другой мир. Мир радости и небесного счастья. Фиолетоволосая женщина, как самка богомола, высасывала все соки из телец своих избранников. Она устраивала им марафонские дистанции, и единственным путем к свободе для этих бедолаг была могила. Эмоциональное давление и формирование чувства ничтожности у своих спутников были отличными инструментами в руках этой атомной бомбы.

Дама в мехах, стоящая сейчас у памятника князю Вацлаву, жестким взглядом порицала ранимую Сюзан. В глазах Иоды сверкали языки пламени. Складывалось впечатление, что если закомплексованная экскурсоводка еще пять минут позволит себе говорить о памятнике, то Иода устроит ей чистилище на земле. Ведь по расписанию ровно в полдень они должны быть за обеденным столом, а стрелки на часах мадам уже приближались к двенадцати. Поза Иоды потихоньку приобретала черты тигра, затаившегося в кустах перед падением на бедную антилопу, но антилопа не знала, с кем имеет дело, поэтому продолжала свой рассказ.

Потеряв отца в семь лет, Иода взяла на себя всю ответственность за свою младшую сестру. Их матери приходи-

лось много работать, чтобы прокормить дочерей, поэтому она всегда пропадала на заводе. Маленькая Иода с любовью относилась к трехлетней Пеппе. Она кормила ее, убирала за ней и пожертвовала всем, что у нее было, ради комфорта и сытости сестры. Это продолжалось чуть больше года.

Одним зимним, но солнечным днем сестры вышли на улицу, чтобы встретить матушку с работы. Иода посадила Пеппе на санки и начала ее катать около крыльца дома. Тут подбежали соседние мальчишки и стали дразнить Иоду и Пеппе, кидая снежками и громко смеясь. Повзрослев, Иода поймет, что она нравилась им, поэтому они так себя вели, но в том возрасте она не понимала этого, и Иода начала их гнать и ругаться, поучая, что так делать нельзя. Когда один из мальчишек подбежал и схватил Иоду, чтобы ткнуть в сугроб, ее нога толкнула санки с Пеппе, и те покатались прямо к дороге, где ехал большой грузовик... После случившегося хулиганистые мальчишки в слезах разбежались по домам, а маленькая Иода замершим взглядом продолжала высматривать силуэт матери, идущей с работы. Если взглядеться в теперешнюю Иоду, то можно увидеть тот самый замерший взгляд.

Испанская уроженка Иода целиком посвятила себя всем видам правил. Она каждый день, каждую минуту и секунду своей жизни давала рекомендации и выдвигала требования, призывающие к соответствию общечеловеческой системе ценностей, моральным нормам, конституции и библейским догмам. Зачастую за сводом правил скрывалась обрат-

ная сторона, и этой лазейкой она неосознанно пользовалась, оправдывая свои действия, не соответствующие ее же нормам. Иода жила двойными стандартами, но если кто уличал ее в этом, то сразу получал неудержимый поток брани в свой адрес.

Как и первые два элемента на моей картине, Иода имела уникальные черты, способствующие ее появлению в Праге, ее месту в моей любимой семерке.

Крайность, граничащая с безумием, стала бесспорным доводом для ее отбора в команду мучеников во имя воспевания момента. У Иоды были одни правила на уме. Для нее важней было не само выполнение требований – вроде таких, как мыть руки перед едой, переходить дорогу только на зеленый цвет, не мусорить на улице, не курить на лавочке, одеваться прилично, не смотреть на людей косо, выгуливать собак только в парке с пакетиком для их говна, учить уму-разуму детей, – а поиск тех, кто их нарушает, чтобы иметь возможность обрушить на них всю свою злость. Любой шаг в сторону от ее взглядов был как красная тряпка для быка, она просто набрасывалась на нарушителей и ювелирно выгрызала им мозг. Ей можно было выдать черный пояс последнего дана по уничтожению воли своего врага, и, может, затвердевшие фиолетовые волосы и были таковым символом – кто разберет, кто узнает, что на уме у этого человека с яркой прической.

Экскурсия продолжается. Сюзан щебечет, подобно кана-

рейке, ее немного высокий голос льется ручьем. Издаваемые ею звуковые волны питают умы слушателей. Все до одного внимают ее речи, превращая словесные узоры в образы в своей фантазии. Иллюзорный мир поглотил зевак, один лишь я бдителен к настоящему, ведь сейчас на моих глазах происходит магия. Я собрал своих героев в одном месте. Моя сцена готова, актеры при параде, скоро выход режиссера, но сперва вы должны узнать весь список ингредиентов этого завораживающего блюда.

Крупный мужчина по имени Мартин, как и все, увлечен речами светловолосой недотроги. Он стоит между Иодой и маленьким любителем темноты Джеком. Всякий раз, когда он оказывался перед выбором, он поправлял свои очки или проводил пальцами по густым усам. Сейчас его руки ослаблены, но уникальность этого человека – в постоянной внутренней схватке.

Борьба

Мартина можно назвать успешным человеком, но этот успех ему дался очень тяжело. Как правило, люди хотят получить все, что они желают, сразу же, как только подумали об этом, не затрачивая никаких усилий. Человеческий ум хочет формировать картинку внутри себя и тут же видеть результат в своей реальности. Подумал о машине – сразу машина, подумал о доме – вот тебе дом, подумал о шикарной девушке – вот тебе девушка, и она полностью твоя. Ум хочет получать все, что он способен придумать, но ничего не делая

при этом. Какая хитрость.

Мартин многое хочет, о многом мечтает и даже многое делает, но все его действия проходят через невероятное внутреннее напряжение. Чтобы ему встать утром с кровати, он должен уговорить себя, должен заставить себя сделать это. Чтобы пойти в спортзал, он должен выиграть внутренний бой. И даже перед тем, как взять сотовый телефон и прислонить его к уху, Мартин тоже настраивается и уговаривает себя. Любое действие этого парня проходит через конфликт. И все потому, что он не имеет вдохновения, он просто не любит жизнь.

В детстве Мартин был увлеченным ребенком. Он внимательно относился к деталям, его очень интересовало мироустройство. Каждый новый день был путешествием, ведь Мартин был настоящим исследователем. Он много мечтал, любил дружить, искренне и открыто общаясь со сверстниками. Мартин обожал играть в футбол и даже мнил себя великим игроком. В детстве у него была страсть к жизни, а топливом, поджигающим его интерес, были впечатления, к которым он стремился. Все новое его манило и будоражило.

Мартин был яркой искрой, которая погасла в его тридцать два года. Познав многие ощущения, его разум начал привыкать к тайнам бытия, и волшебство нового дня оказалось смертельной скукой повторяющихся действий. Мартин привык ко вкусу, запахам, красивым видам, гармоничным мелодиям, он насытился всеми вариантами внешних удоволь-

ствий. Ячейки, которые он жадно желал наполнить, стали целыми, и теперь он не знал, что с этим делать. Его стремления оказались утопическими, и он ругал себя, не стесняясь едких выражений. Только он не понимал, что его пресыщенность является новой возможностью, ведь он мог жить эти тридцать два года радостнее, если бы не было такой маниакальной идеи напичкать себя впечатлениями. Теперь нафаршированный под самую завязку человек хотел найти новую страсть, но ее нет, и протест против серой обыденности сгрызает старину Мартина.

Находясь в браке вот уже четыре года, он не испытывал ярких эмоций по отношению к своей избраннице. Его настоящая любовь упорхнула из неаккуратных рук горе-ловеласа, оставив нарывающие раны. Он пытался лечить их одиночеством, но они только обострились, чесались и ныли. Из-за гордости он не позволял себе сделать хоть что-нибудь, чтобы вернуть любовь. Он тысячи раз представлял себе свое возвращение в объятия любимой, но страшно боялся оказаться слабым рядом с властелином его чувств. Мечты об ускользнувшей любви дурачили и дразнили Мартина. И он боролся с собой.

Нельзя сказать, что его жизнь в браке была несчастна. Ему было комфортно получать от жены заботу, внимание, эмоциональную поддержку, но эти выгоды были ничем по сравнению с возможными любовными переживаниями. Ведь в конце концов Мартин искал именно чувства, за всеми его по-

ступками всегда стояло желание испытать что-то глубокое: счастье, любовь, гармонию – не важно. Он стремился испытать что-то, что бы его расширило.

Мартин имел спортивное телосложение и всегда одевался со вкусом, это и привлекло его жену. Она прощала его нелюбовь только из-за внешности. Очки, которые носил Мартин, украшали его смазливое лицо, а уверенная походка придавала шарма.

Правая рука Мартина потянулась к очкам, он их поправил, стоя в кругу туристов у памятника. На него косо посмотрела Иода, задев плечом Джека и фыркнув на это. Джек попытался улыбнуться Иоде, но та лишь гордо отвернула голову.

Сюзан сделала секундную паузу, обвела всех взглядом и сказала:

– Теперь можно двигаться дальше? По расписанию у нас обед.

– Ну наконец-то, – на выдохе проворчала Иода.

Мартин и Джек заговорщицки улыбнулись.

– Сюзан, а как вы считаете, Вацлав был хорошим человеком, он любил свой народ, жил для него или упивался своей властью? – спросил я.

Мне нужно еще немного времени, я хочу посмаковать эти минуты.

Сюзан ненадолго задумалась. Как только она начала говорить что-то невнятное, я посмотрел на Сергея, русского

авторитета, в прошлом участника криминальной группировки.

Агрессия

Сергей родился и вырос в Перми. С самого детства он не видел ничего, кроме нужды. Члены его семьи: мама, папа и старший брат – целыми днями работали на заводе. Поэтому все время после школы этот русский мальчуган был предоставлен только себе. Родители приходили домой уставшими и почти не уделяли ему внимание.

Он не знал заботы, нежности. Сергей ощущал боль, страх и одиночество и хотел успокоить свои внутренние переживания, но как это сделать, он не знал.

Все изменилось, когда в шестнадцать лет он влюбился в девушку. Она была старше на три года, и эта разница была пропастью. Он был слабым, худощавым парнем, но чувства, которые он испытывал к Кате, разожгли в нем невиданную силу и стремление добиться объекта своей любви. Чего бы это ему ни стоило. Его желание пойти на бокс мотивировалось только единственной целью – хоть как-то обогатиться, не материально, не духовно, а физически, чтобы привлечь к себе внимание Кати. Он хотел, чтобы за его спиной было что-то, что можно дать избраннице.

Сергей с капой в зубах начал прокладывать путь по иерархической лестнице среди боксеров. Он хотел стать лучшим, поэтому всегда задерживался в спортивном зале и много работал. Его грела мечта, что, когда он выбьет звание чемпио-

на, его победным кубком станет тело Кати. Сергей ярко представлял, как он выигрывает в финальном бою и удостоивается страстного поцелуя своей любимой. И для получения этого приза ему оставалось только продолжать тренировки.

Изящная фигура Кати, контуры прекрасных округлостей ее упругой задницы манили Сергея, и его удары по груше, как хлыст, чеканили пульс ревности. Девушка с тонкой талией сводила с ума не только невзрачного Сергея, но и кучу других парней, которые, как дикие животные, выгрызали свое право побыть с ней. Хотя бы просто рядом. Девятнадцатилетняя девушка знала, какое имела влияние на молодых ребят, и без угрызения совести пользовалась им. С помощью своих форм она могла получить все что угодно, и легкая доступность засасывала Катю, как зыбучие пески, она уже не видела границ дозволенного и шла на многое ради своих желаний. Сердце Сергея давало трещину под прессом диких приступов ревности, его удары были сильнее, а взгляд агрессивней.

Когда до Сергея, к тому времени чемпиона среди юниоров Пермской области, дошли слухи, что Катя была с четырьмя парнями одновременно и после этого акта она приняла в себя еще двух парней, его трясло, как пневматический молот. Новость катком проехала по его телу, оставив однородный протектор безмолвия. Сергей сжал кулаки и выследил всех, кто был в ту ночь с Катей. Он набрасывался на любителей сочной, легкодоступной плоти. Он вышиб всю дурь из этих

ребят. Сергей стал рукой правосудия.

Ирония в том, что Катя вообще не знала о тайном поклоннике, защитнике ее чести. Через три человека ей было рассказано о том, как на ребят, вкусивших ее женского начала, напал неизвестный недалеко от ее двора. Она не смогла связать в цепочку такие разные события, как страстный секс и кровавый мордобой. Не ощущая никаких угрызений совести, не имея сильных моральных принципов и поддаваясь своей эмоциональной распушенности, Катя продолжала сексуальный марафон. Она меняла парней, как модница меняет наряды, она разрешала себе экспериментировать, захлебываясь в судорогах от наслаждения.

Благодаря этому удушающему приему стервы по имени судьба, нервы и мускулы Сергея крепили. К двадцати двум годам он одержал множество побед на соревнованиях разного уровня и даже выступал на зарубежных рингах, ему сулили фантастическую карьеру. За его мощный удар и молниеносную реакцию его прозвали Сергей Гром. Его кулаки, как кувалды, выбивали путь к личному счастью, дробя кости соперников.

Еще через год Сергея заметили местные авторитеты. Один из криминальных лидеров Перми пригласил его к себе в команду, Сергей должен был четко выполнять поставленные задачи, никогда не оспаривать приказы и в случае необходимости работать своими руками, как утопающий над ровной гладью моря. Сергей согласился на условия, ведь эта

делка обещала ему неплохой заработок.

В течение следующих трех лет Сергей Гром показал себя как превосходный исполнитель: он никогда не ныл, не препирался, много не болтал и делал что ему говорят. Так за физическим богатством он приобрел богатство финансовое.

В двадцать шесть лет у него был небольшой сексуальный опыт, легкие, непродолжительные интрижки стали нормой его жизни. Он пытался вымыть из своего сознания Катю, используя различные методы, но она не покидала его черепной коробки и, как острый ржавый гвоздь, пронзала мозг насквозь.

Какие бы планы человек ни строил, судьба обязательно набросит на его руки кандалы и отправит в жесткий нокаут.

Встреча Сергея и Кати произошла у игровых автоматов, она была с седовласым спутником. У ее кавалера из-под пиджака свисал живот, а на шее красовалась толстая золотая цепь – такую цепь можно было бы использовать в качестве крепления для якоря, но в те годы в России наличие «рыжухи» символизировало высокий статус. Сергей знал толстяка в золотом украшении, это был один из авторитетов, и банда, в которую входил Сергей, имела небольшие трения с этим человеком. Пустые, скучающие глаза Кати заметили живого, энергичного парня, она вспомнила очертания его лица – это был ее знакомый из детства.

В тот вечер они смогли обменяться контактами, и чувства Сергея вновь вспыхнули ярким пламенем. Сексуальная, ма-

нящая Катя к своим двадцати девяти годам потухла и проживала дни в тайной тоске. Ее жизнь потеряла смысл, цифры менялись на отрывном календаре, а в ее существовании менялось лишь количество морщин на лице. Во внутреннем мире Кати была только темнота и ее спутник – страх.

Сергей пытался вытащить Катю из затянувшейся депрессии, он отдавал всего себя, чтобы она почувствовала его любовь, его заботу и внимание. Но у Кати это не вызывало никаких ощущений. Ее стеклянные глаза не видели ничего живого, все живое умерло внутри нее.

Сергей озлобился, стал проклинать судьбу и свое бессилие, он никак не мог зажечь искру надежды в сердце Кати. Он столько ждал ее, и, когда получил свою возможность подарить ей любовь, у него ничего не выходило. Сергей стал еще жестче, его удары несли больше боли, действия разрушали больше жизней, а авторитет только креп.

Когда однажды Катю обнаружили за чертой города полностью обнаженной и без признаков жизни, Сергей испытал глубокий шок: его главная любовь, сильнейший мотиватор для действий, была мертва. Сергей пообещал себе узнать, кто это сделал, и наказать обидчика со всей суровостью.

Выяснив, что в этом замешан тот самый толстяк, Сергей выследил его и, схватив, покатал тело по асфальту, привязав к своему черному BMW. Всю Пермь потряс слух о жестокой расправе. Серая поверхность смолистой массы обрела красные мазки, и прохожие, увидевшие куски человеческой плоти,

ти, разбросанные под колесами проезжающих автомобилей, надолго запомнили любовную вендетту.

Сергею удалось уйти от правосудия, удалось уйти от людей толстяка, но ему не удалось уйти от внутренней боли, которая пронзала всякий раз, когда он вспоминал Катю. Рана давала о себе знать и здесь, в Праге. Слушая Сюзан, Сергей вспоминал Катю и мечтал сейчас быть с ней. И я точно знаю об этом.

Мои герои становятся вам ближе? Согласитесь, ведь если бы я превратил биологический скафандр этих семерых в фарш, не рассказав о них, это были бы очередные смерти. Сколько жизни в каждом теле! И как жаль будет узнать, что она оборвется из-за идеи больного маньяка, воспевающего настоящий момент.

Мой шестой объект наблюдения, моя особая страсть – блондинка Дженет. Уроженка Канады, обладающая всеми внешними чертами, которые укрепляют стереотип, что представительницы этой страны имеют светлые волосы, бело-снежную улыбку и голубые глаза.

Глупость

Дженет отличалась одним качеством – глупостью. Это слово обычно означает отсутствие знаний, неумение пользоваться ими или умственный дефект. Глупость Дженет заключалась в другом. Ее мыслительные процессы были потрясающими, она очень многое знала и отлично пользовалась своей эрудированностью, но люди, сталкиваясь с ее образом мыс-

лей, воспринимали Дженет как немного сумасшедшую. Поэтому диагноз «глупость» она поставила себе сама.

Все идеи, которые проповедовала белокурая девушка с голубыми глазами, не имели отклика среди ее друзей, все вертели пальцем у виска, считая, что та съехала с катушек. Тогда Дженет и сформировала свой слайд, через который начала смотреть на мир. В этом слайде была закодирована не информация о собственной уникальности и своем взгляде на существование – в этом слайде был протест против самой себя, она сама не принимала свои же мысли. Окружение боролось с идеями Дженет, а Дженет помогала этой борьбе.

Ее личность разделилась на две части. Одна продолжала верить в свои взгляды, вторая стала таможенным сотрудником, тщательно фильтрующим информацию из головного мозга.

При взгляде на ночное небо, усыпанное звездами, к Дженет приходило внутреннее ощущение, что наша Галактика состоит из миллиона солнечных систем, а таких галактик – миллион во Вселенной, а значит, нашу планету сложно назвать уникальной и наш вид разума не один в этом темном вакуумном пространстве. Эти идеи сами рисовались на холсте натянутого на рамки разума Дженет. И, выражая что-то во внешний мир, она абсолютно всегда сталкивалась с сопротивлением. Людям было это неинтересно, их заботили другие дела. Поэтому когда таможенный сотрудник возглавил отдел выпускаемых мыслей, жизнь Дженет наладилась:

ей стало легче общаться с друзьями, у нее появился молодой человек, а после и муж, ее начали понимать родители. Но в ее голубых глазах погас огонек, взгляд стал рассеянным, в них не было той силы, какая есть у людей, следующих своему сердцу, а не желаниям окружения.

Дженет сдалась, она заклеила себя глупой, приняла всю маркетинговую кухню манипуляторов и обрела спокойствие, потому что все стала принимать на веру. Больше от Дженет нельзя было услышать своего мнения, она транслировала то, что говорили ей, ее уникальность стерлась наждачной бумагой безжалостной системы, создающей ровную поверхность одинакового мышления.

Страсть к жизни погасла, оставив лишь обгорелые угли.

Страх перед силой и ощущение глубокого одиночества заставили Дженет играть по правилам давящих испуганных диктаторов, которые навязывают свои разрушительные идеи, убивая самое ценное в человеке – индивидуальность.

Дженет правильно поставила себе диагноз, но глупой она была не из-за того, что отличалась от других, а из-за того, что ломала себя ради других. Рыба не бегает по земле, но очень хорошо плавает, чего нельзя сказать про кролика. Каждый должен оставаться собой. Каждый обязан раскрывать весь свой потенциал, в этом и заключается ответственность перед Богом, в этом и заключается обещание, которое дал человек, чтобы прийти на эту землю.

Уроженка Канады хорошо вжилась в неестественную для

себя роль, она научилась взаимодействовать с людьми, не выражая себя. Она делала все, что от нее ждали.

До двадцати пяти лет Дженет много училась, впитывала в себя знания, подобно губке, она не размышляла, а просто забивала свой мозг информацией. Убив в себе весь креатив и нестандартный взгляд на вещи, она выбрала профессию психолога и достаточно успешно практиковала, используя заученные наизусть методы, никак не вовлекаясь в процессы лично. Дженет, как робот, говорила все, что нужно было говорить, делала все, что нужно было делать. Она была очень старательной, чтобы стать максимально похожей на окружающих, спрятать и даже искоренить всю дурь, которая вертелась в ее уме.

Она в браке вот уже четыре года, и знает, что ее муж увлечен другой, что их отношения поверхностны и что у них никогда не было близкого общения. Они никогда не были откровенны друг с другом. И их брак просто обертка, под которой прячется куча гнили. Уродство их союза не в криках и скандалах, а в безразличии и изменах.

Колоритный представитель байкерского движения Билли Тесак был одним из любовников Дженет, и он тоже сейчас тут. Это мой последний герой. Билли не случайно заглянул к нам на огонек, ведь в нем тоже есть то, что объединяет «взрывных героев».

Если посмотреть на Иоду, а потом перевести взгляд на Тесака, то можно обнаружить нечто общее: они оба плевать

хотели на свой внешний вид. На затвердевших волосах фиолетового цвета можно запросто разбить неплохое гнездо для птиц, а в бороде Билли можно спрятать целый гамбургер. Эти двое сильно отличаются от консервативных остальных участников моего шоу, но это и делает мою постановку еще интересней.

Зависимость

Мужик в кожаном обтягивающем барахле с большим пузом откликался исключительно на кличку Тесак, он ненавидел, когда его звали Билли. Его имя казалось ему слишком милым и звучало как писк мышки, поэтому существовала вероятность попасть в череду неприятностей, если назвать этого парня Билли. Под чередой неприятностей я имею в виду массажные процедуры лица, которые бесплатно, в рамках рекламной кампании, могут осуществить его здоровенные кулаки.

Последние пятнадцать лет Билли проживал дни исключительно в алкогольном опьянении. Из алкоголя он предпочитал пиво, и вместе с открытием глаз после глубокого сна он делал пару глотков любимого напитка – это было как почистить зубы.

С малого возраста его тянуло к технике. Вначале он увлекался моделированием, а когда подрос, смастерил себе мотороллер.

Сверстницы всегда симпатизировали Билли: он был неразговорчивым, но деловитым. Вместо нескольких слов он

предпочитал пару действий. Недурная формула для четырнадцатилетнего парнишки.

Батя Тесака работал автослесарем, поэтому достать какие-либо инструменты или запчасти ему не составляло труда. По большому счету Билли получал все, что хотел, только не мог получить любви, ведь его мать умерла при родах, а батя с горя все время возился в яме под автомобилями своих клиентов.

Билли с отцом жили на окраине Дрездена. Проблем с работой у отца с сыном не было, они всегда оставались при деле, сильно не нуждались и жили ради того, что грело им душу, – возни с техникой. Батю увлекали болты, торчащие из металлических корпусов механических колесниц, а сына – ночные дороги, которые дарили бурю эмоций, облизывая тело воздушными потоками. Мотороллер Билли стал для него единственным другом. Тесак не разменивался на телячьи нежности и признания в душевной близости, его интересовал только монотонный гул мотора его железного коня. Он кормил его горючей жидкостью, когда это было необходимо, и устраивал ему технический осмотр после каждой совместной прогулки. Позже Билли сам начал налегать на горючую жидкость, и они со своим приятелем-мотороллером стали понимать друг друга еще лучше, ведь в них обоих текла «горючка».

Первый европейский заезд Билли осуществил в восемнадцать лет, после того как провел с отцом несколько месяцев

в гараже. Надо отдать должное папе Билли: он по-взрослому оплачивал работу юнца. Скопив приличную сумму, молодой Тесак схватил свой рюкзак из мешковины и поехал на поиски себя в этом мире дорог. Кроме асфальтной поверхности, Билли ничего не замечал, его интересовала только затвердевшая нефтяная масса с утрамбованным щебнем. Мотороллер Билли жаждал выдохнуться в пути, он желал сгореть и захлебнуться в собственной копоти, ему было необходимо двигаться при любых обстоятельствах, лишь бы не останавливаться. И мотороллер делал это.

Через полтора месяца Билли вернулся из путешествия, в нем он увидел много красивых мест, много красивых женщин, он нашел свободу внутри себя, свободу, которую давала ему дорога. По возвращении Билли отец прочитал в его глазах готовность к взрослой жизни. Глаза Тесака успокоились, они не бегали, как ошпаренный енот, они были центрированы и неторопливы, как сытый лев, рассматривающий самок. Тогда отец впервые обнял сына, и эти объятия означали не радость, а гордость. Тесак почувствовал любовь, через отца в его сердце ворвалась волна, расширяющая пространство и собственные возможности. Билли ощутил мир. Все вокруг него остановилось, все стало таким понятным и объяснимым, все стало естественным, так что он ничего не хотел менять в этом замечательном проявлении бытия. Ну а потом случилась смерть.

Когда Билли стукнуло двадцать два года, отца Билли стук-

нул инсульт, и после непродолжительной реанимации батя ушел в волшебный мир воздушных гаражей, где ментальное тело могло продолжать крутить воздушные болты. Этот случай подкосил Тесака. Он готовился к смерти отца, но не ожидал, что воспримет ее так болезненно. Тогда Билли и прирастал к пиву, он стал пить его каждый день, и сегодняшний Билли, стоящий в нашем кругу любителей фейерверков, уже пропустил несколько стаканчиков хмеля.

Тридцатисемилетний Билли до сих пор один, он никогда не был женат, он никогда не имел близких друзей. Дом для Билли – это дорога, а его единственный спутник – мотоцикл. Если чуть выглянуть из-за памятника Вацлаву, то можно обнаружить припаркованный черный, выдранный до блеска чоппер, этот малыш принадлежит Билли Тесаку, и когда вы будете хоронить измученное пивной диетой тело Билли, обязательно заройте с ним это двухколесное средство передвижения, Тесаку это понравится.

Взрыв

Круг из семи человек стоит у памятника святому Вацлаву. Все эти люди отобраны мной после тщательных поисков. Они не знакомы друг с другом, но я знаю их всех. Это я пригласил их встретиться в Праге и сейчас сам стою в этом кругу. Я один из семи, но они меня не узнают, ведь я изменился.

Со Сюзан я познакомился в библиотеке, здесь, в Праге, пять лет назад. Для Джека я был психотерапевтом. С Иодой знакома моя мать, и Иода даже приезжала к нам в Канаду

с одним из своих мужей. С Сергеем я познакомился после операции в России. А Мартин был моим мужем, до того как я сменил пол.

Мы познакомились с ним в Канаде, ведь он сам там вырос. Мартин был на три года младше меня, но его смазливое лицо будто говорило мне: «Будь со мной, и ты точно будешь обычной», а я как раз этого и хотела – обычной. Мартин и я учились в одной школе, и сначала он воспринимал меня как слегка сдвинутую, пока у меня не появились сиськи. Эти два шарика, прикрепленные к грудной клетке, очень помогли мне в дальнейшем. Мой бюст был пропуском в мир моих желаний, я, как Катя Сергея, научилась пользоваться своим телом. Заблокировав все свои мыслительные процессы, я прокладывала себе путь с помощью манящей сексуальности, которой наградил меня Бог. И Мартин купился на это. Хотя он так и не полюбил меня, но я точно зацепила его своей внешностью.

Да, я та самая Дженет, только ее тела здесь больше нет. Если все шестеро повернутся и посмотрят на меня, то увидят плотного мужчину с небольшой бородой. На мне надето серое пальто в пол, под которым скрыто взрывное устройство, и я готов привести его в действие.

Если вспоминать в хронологическом порядке появление великолепной семерки в моей жизни, то первой, с кем я познакомился, была Иода. Мне было тогда около одиннадцати лет. Она с мужем, уже не помню, как его звали, приехала в

Оттаву и остановилась у нас. Мать селила приезжих на втором этаже: после того как мой отец погиб в автомобильной аварии, когда мне было девять, мама решила сдавать часть дома, немного зарабатывая на этом. Иода мне запомнилась очень шумной и властной женщиной, командующей мужем. Она рассказала нам о своей жизни (тогда я и запомнил историю про Пеппи) и дала визитку, чтобы ее можно было найти, если кто-то из нас окажется в Испании.

Следующим связующим звеном стала совместная жизнь с Мартином. Когда мы начали встречаться, он разрывался на два фронта: ухаживал за своей любимой и иногда приползал ко мне зализывать свои любовные раны. Я знала про его страсть, но меня устраивали такие отношения, я чувствовала свободу и независимость. Два года таких встреч меня утомили, поэтому мы разорвали связь и возобновили ее только несколькими годами позже. За это время я никого не нашла, да и особо не искала, я была увлечена учебой, посвящая все свое время знаниям, как Сюзан. Выучившись на психотерапевта, я вышла замуж за Мартина, и у нас появилась семья.

В одном из путешествий вместе с Мартином я посетила Прагу. Пока он зависал в пивнушках, я побывала в местной библиотеке, где познакомилась со скромницей Сюзан. Она хоть и неохотно, но пообщалась со мной и даже рассказала про свой сексуальный опыт. Для меня никогда не было сложностью узнать что-то тайное, даже напротив, это было очень легко, люди часто раскрывали мне свои секреты.

После была работа с Джеком. Он пришел ко мне на прием пять лет назад, тогда он был проездом в Канаде, и мы еще долго с ним общались через интернет, проводя поддерживающие сеансы. Я думаю, что он просто втюхался в меня или в мое тело, но работа с его проблемами для меня была особым «деликатесом». Очень ранимая личность, прячущаяся за доспехами уверенного альфа-самца.

С Прагой у меня были особые отношения, наверное поэтому я выбрал это место для своей выставки «Разбросанные кишки». Я посещала ее несколько раз перед отбытием в Россию на операцию. Меня удивляла и радовала зимняя Прага. Хрустящий снег под ногами, запах корицы и вкус трдельника, фирменной чешской сладости, возвращали меня в беззаботное детство, и все окружение успокаивало мое сознание, усыпляя необузданные идеи. Последней зимой в женском теле я познакомилась с Тесаком в одном из баров, кажется он назывался «Швейк». Я всегда хотела познать первобытное, потное влечение, поэтому, схватив Билли за яйца, я здорово завела его, а после в номере состоялся дикий секс.

Два месяца спустя была поездка в Москву, там мне отрезали грудь и нарастили жалкое подобие члена. В самом дорогом городе мира мы и столкнулись с Сергеем, он был там по делам – кажется, продавал или покупал какую-то недвижимость. Сергей плохо, но понимал меня на английском, мы несколько раз встретились за стаканом хорошего скотча в лобби отеля, а потом разъехались. Тогда во мне еще были

женские черты, но после трех пластических операций я стал полноценным мужиком, и теперь эти ребята собрались рядом со мной около памятника Вацлаву, который, как и все вокруг, скоро познает силу взрывной волны.

– С меня хватит! Время идти обедать, у меня уже голова кружится, – Иода перебила Сьюзан, которая завершала ответ на мой вопрос.

– Да-да, мы как раз заканчиваем. Друзья, все готовы к обеду? – прочирикала Сьюзан.

Туристы смущенно посмотрели друг на друга – им показалось, что умница Сью разговаривает с маленькими детьми, а не со взрослыми.

– Я готов, – грубым голосом проворчал Тесак, поправив бороду. – У меня уже трубы горят, и вообще, какого черта я приперся на эту экскурсию, я думал, что здесь будет Дженет, а тут какой-то цирк.

– Ты сказал «Дженет»? – спросил Мартин.

– Да!

– Странно, меня тоже сюда пригласила Дженет! – задумчиво произнес Джек.

– И меня! – забыв о своем раздражении, добавила Иода.

– Да, и мне сделала заказ тоже Дженет... – озадачилась Сьюзан.

– Вы знаете, где она? Я ее не видел уже больше семи месяцев! – прокричал Мартин. – Она написала мне, чтобы я приехал в Прагу и пришел на эту экскурсию, к памятнику

Вацлаву, она сказала, что тут я смогу найти ее...

Гости огненной вечеринки посмотрели на меня и на Сергея: только мы с ним не высказались на тему знакомства с голубоглазой блондинкой.

– Я не в курсе, что за Дженет, – сообразив, сказал Сергей, – меня пригласил врач из Канады – Картер.

Оставался только я, и все двенадцать глаз пронзили меня, словно рентгеновские лучи, – они хотели понять, кто я такой. И конечно, они узнают...

Мне никогда не нравилось мое женское тело, оно меня сковывало, загоняло в определенные рамки. Движения представительницы слабого пола такие вялые, тягучие, неторопливые, а мой ум всегда хотел скорости, он тосковал по быстрым движениям. Изгибы, утонченность, опрятность... Вся жизнь – дикая и неудержимая, здесь нет времени для красоты, время есть лишь для действия, как удар хлыста, и мужчины более приспособлены к ежедневным задачам выживания. Я не хотел ни от кого зависеть, мне нужна была свобода, мне нужен был тестостерон, мне нужно было пламя, чтобы одержать верх над своей глупостью, над своими мечтами. Я должен был приземлиться, стать мирским, понятным всем, а не загадочным. Решение поменять пол было первым решением на пути моих метаморфоз. Мне нужна была оболочка победителя, а не пресмыкающегося. Мне нужна была сила и власть, а вся власть в руках мужчин. Эта планета создана для них, женщина лишь обслуживающий персонал их жела-

ний. Женщина готова пойти на все, чтобы заарканить самого активного и успешного, она готова жертвовать всем – своим временем, самооценкой, она готова отдаться в руки этого волосатого животного, и если это так, то почему бы мне не стать этим животным?

Механизм под моим пальто придавал жар телу, я чувствовал силу, первобытное доминирование, я осознал в себе Бога. Это я сейчас решал, сколько минут еще будут жить эти глупцы. Только мне решать, как долго проживут люди, которые не ценят жизнь, не ценят все ее дары, не благодарят именно это мгновение. Каждый стремится заткнуть дырку, из которой сквозит протухшей падалью, но ведь жизнь... Она такая ранимая, такая непредсказуемая и неуловимая, стоит оглянуться назад для того, чтобы понять: время несется, как заезд «Формулы-1». Бешеные скорости. Дни проносятся секундой, секунды, соединяясь, образуют минуты, часы, дни, а затем месяцы и годы.

А потом глаза мученика, собирающего свои кишки из распоротого живота, пустые глаза, осознающие свою смерть, но не готовые принять ее. Потом смерть выбивает дверь с петель и укладывает тебя носом в деревянный пол, тыча ярким фонарем в лицо. Она врывается и пожирает твоё время, как сотни пираний поедают куски говядины. Мой акт – это подарок для тех, кто мне дорог, для тех, кто так и не смог принять жизнь, мой акт – это лучшее, что я могу подарить этим слепым невеждам.

– Это мой подарок вам! – распахивая свое длинное пальто, кричу я, вырывая скопившиеся слюни.

Недоумение, граничащее с диким желанием заорать на всю площадь, появляется у моих сонных друзей.

Я спокойно всматриваюсь в их глаза, которые источают страх. Если я сейчас нажму на кнопку, то в одну секунду раздается взрыв. За мгновение, которое преодолит мой большой палец правой руки, у тех, кто увидит его движение, пройдет перед глазами вся жизнь, и это мгновение станет равняться всем дням, прожитым на земле.

Я сильно преобразился, я стал совершенно далеким для смотрящих на меня. Люди, знакомые со мной, смотрят, не узнавая.

Я чувствую, как в их жилах пульсирует жизнь, она пробегает по телам с каждым ударом мотора в груди. Наконец они перестали думать о своих переживаниях, наконец они обратили внимание на этот момент. Перед лицом смерти все переживания стираются, как старой тряпкой стирается пыль с зеркал, остается важным само существование, и в свежем отражении легче рассмотреть суть. Я сделаю зрячими слепцов, я заставлю слушать глухих, я помогу чувствовать, я верну обоняние. Все чувства, получающие информацию из внешнего мира, вновь обострятся. Теперь каждый, кто сейчас смотрит на меня, ощущает потерю, теперь каждый готов сражаться за свое право продолжать испытывать человеческий опыт.

Внутренние конфликты создали прочные преграды между истинным «я» и окружающей действительностью. В сознании моих ярких друзей на глубоком уровне затвердела призма, через которую они смотрят на мир. Искаженный взгляд рисует страшную картину. Пришло время выбить ломом и испепелить к чертям в них это дикое животное, которое питается старым опытом, старыми переживаниями, которое прилепилось, как выброшенная жевательная резинка, и мешает делать уверенные шаги. И смерть, которую я подарю моим героям сегодня, станет сильнейшим лекарством от их страхов, переживаний и комплексов. Они сегодня умрут, чтобы родиться заново, в новом облики. Они станут новыми. Абсолютно чистыми, как капли росы.

– Друзья, я и есть Дженет, – твердо говорю я. – И то, что я сейчас сделаю, разбудит вас! – с этими словами я подношу пульт с красной кнопкой к лицу и начинаю отбегать на свободный от людей участок площади.

В моей голове неторопливо бьет пульс. Каждый удар эхом отдается от стенок внутренних границ. Я зажмуриваю глаза. Мое дыхание ровно, как будто я еще маленькая девочка, лежащая на лугу в солнечный день. На моем лице улыбка. Мое сознание не боится, оно уже переживало в воображении этот момент сотни раз, но теперь все по-настоящему. Еще секунда – и я испытаю опыт смерти, тот самый опыт, который настагает каждого, и пускай дорогие мне люди сегодня умрут ментально, ведь я дарю им новый день рождения. Я дарю им

исцеление и избавление от всех тревог, ведь сегодня жизнь оборвется, им незачем больше переживать, сегодня эмоции обнулятся, но моя смерть все же будет настоящей.

В темноте закрытых глаз пробегают картинки моей жизни, они тусклые, их сложно сделать вновь яркими, но они такие ценные, самые главные моменты моего существования. Я задерживаю дыхание, и сердце в груди ускоряет свой ритм, на выдохе произношу шепотом:

– Прощайте!

Нажимаю кнопку.

Хлопок.

Три месяца спустя

– Здравствуйте, меня зовут Томас, и я режиссер фильма «По следам Дженет». Скажите, как вы пережили тот случай в Праге?

Мартин: Еще прошло совсем мало времени, и мне тяжело об этом говорить, но я чувствую, что очень благодарен Богу, что он уберег меня от смерти. Я не хотел умирать там.

Томас: Вы ожидали такого от своей жены?

Мартин: Конечно нет. Я знал ее очень долго, еще со школьной скамьи, но теперь понимаю, что вообще не знал этого человека.

Томас: Вам было страшно в тот момент, когда вы увидели бомбу в ее руках?

Мартин: Не то слово, я забыл обо всем, в то мгновение был только я и мой взгляд на руку Дженет. Все перестало

иметь значение.

Томас: Если бы Дженет не покончила с собой в тот день, вы бы смогли ее простить за это запугивание?

Иода: Она абсолютно сумасшедшая. Таким людям не место на этой планете, их надо сажать или убивать, им не место в цивилизованном обществе. Они опасны! Даже хорошо, что так все закончилось... Но нервы она нам сильно помотала.

Томас: Вы никогда не знали Дженет, почему вы согласились поехать на встречу с человеком, которого вы видели пару раз?

Сергей: У этого мужчины, хм, женщины, очень сильная харизма, он как магнит притянул меня. Как будто он, она, хм, что-то знал, и мне захотелось узнать что. Оказывается, он знал все про нас, этот человек был тонким психологом.

Томас: Вам жаль, что Дженет покинула этот мир?

Сергей: Да, я хотел бы познакомиться с ним ближе, узнать, что двигало этим человеком.

Билли Тесак: О да, я буду скучать по этой чертовке Дженет, она была очень страстной, и ее уход из жизни был похож на нее саму.

Сьюзан: Дженет разбудила меня, я больше не хочу бояться, я хочу начать жить заново. Я хочу стать новой Сьюзан, понимаете?

Джек: Дженет показала нам всем, что такое жизнь, и ее письмо, которое найдено в ее номере после смерти, говорит о том, что она понимала людей, но так и не смогла понять

себя. Жаль.

Мартин: Дженет показала мне дорогу. Земля ей пухом.

Томас: Что бы вы хотели сказать нашим зрителям напоследок?

Иода: Берегите себя.

Сьюзан: Откройте свое сердце для всего нового и отпустите наконец свое прошлое!

Мартин: Принимайте себя и свои идеи.

Билли Тесак: Опустошите свои рюкзаки, выкиньте из них все камни – с ними тяжелее идти.

Джек: Каждый человек и каждая ситуация учит нас, пускай жизнь приведет как можно больше наставников.

Сергей: Откройтесь для новой любви.

Скала

Человек так заиклен на себе, что всегда переоценивает собственную значимость. Безудержное стремление к контролю среды обитания и забота о положении в обществе превратили людей в слепцов. Дальше материального мира внимание человека уходило редко, поэтому мало землян знало о духах, обитающих в природе.

В далеком уголке нашей планеты жила Скала. Она гордо возвышалась над морем. Ее острые выступы угрожающе торчали и отталкивали обитателей здешних мест. Скала была черствой и угрюмой. Она не любила пения птиц, не могла терпеть воздушного проказника Ветра и всегда очень злилась, когда Море ударяло ее своими прибоями. Миллионы лет на этой планете Скала если что и делала, так это ругала всех и вся.

Деревья на берегу острова, расположенного напротив Скалы, шептались и подшучивали над ней. Они договаривались с Ветром, и тот, подхватывая опавшие листья, нес их прямо на Скалу, на что та обижалась и бранилась на шутников. Жизнь Скале представлялась испытанием, все, что окружало ее, злило, и ничего не приносило радости. Она с тоской встречала солнце и с тоской провожала его.

Скалу тревожили дождливые облака, приходившие из далеких мест, она совсем не могла терпеть раскаты Грома, от которых содрогалось все небо, рассекаемое всполохами молний. В эти моменты у Скалы замирало внутри: она не бо-

ялась агрессивного Грома, она знала, что он ничего с ней не сделает, просто каждый раскат заставлял ее вспоминать о разлуке со всеми, кто ей был дорог. Гром напоминал ей старые года, когда Скала была не одинока, когда у нее были настоящие друзья. Никто не разыгрывал ее, никто не бил волнами, а Ветер лишь ласкал своими потоками. Ей даже казалось, что в то время не было таких сильных дождей, а Гром был мягче и дружелюбнее. Тогда с ней были ее друзья – деревья, которые уже давно сгнили, другие скалы, которых забрала земля, и маленькие острова, поглощенные безжалостным Морем. Скала осталась одна, и все, что было для нее важным, перестало иметь значение. И стала Скала такой грубой и черствой из-за того, что поняла: все меняется, но принять эти изменения она никак не могла.

Скала была небольшой, около тридцати метров в длину и шести метров в высоту. На вершине у нее была полянка, на которой раньше росли деревья, но и они покинули Скалу, и на этом месте не осталось даже травы, лишь грубая земля.

Каменная глыба имела связь со своим старшим братом Островом, их объединял перешеек. Хотя брат и мог эмоционально поддержать Скалу, но не делал этого, потому что она не хотела ничего слышать. Она очень долго противилась любым знакам внимания и в конце концов добилась того, что брат совсем забыл про нее.

Даже свободолюбивые чайки и любопытные крабы старались не соприкасаться с ней, выбирая другие места для гнезд

и отдыха. Острые выступы кричали о закрытости, но еще больше отталкивала всех живых существ энергия, испускаемая Скалой. Одиночество стало ее выбором, а ворчливость – инструментом его достижения.

Скала и Остров были самыми старыми духами в этих местах. Конечно, сюда заглядывали духи и старше, такие как дух дождя, грома, морского шторма, но они приносили только разрушения. Деревья, травы, кустарники и цветы завидовали Острову и Скале, ведь они повидали не один век. Конечно, Скале никто не выражал своего восхищения, а вот Остров о нем слышал постоянно.

Старший брат Скалы был мудрым и справедливым духом. Он очень любил всех вокруг, поэтому всегда старался помогать. Деревья на острове были большие, широкоствольные, зеленые травы были высокими, а цветы имели яркий, насыщенный цвет. Сотни насекомых и десятки видов животных обитали здесь. Остров всех приютил и с трепетом относился к каждому существу и духу. На острове никто не голодал, никто не страдал, все чувствовали здесь защиту и внимание.

Начиная от лазурных чистых берегов и заканчивая сердцем острова, его серединой, – в любой его точке царили гармония, любовь и радость. Здесь Ветер чувствовал себя особенно свободно, летая и напевая шуточные песни. Деревья раскачивались в такт этим звукам и шумели листвой, а птицы чирикали звонкие ноты.

Слыша радость, доносящуюся из глубин острова, Скала

бубнила слова ненависти. И чем радостнее были звуки любви со стороны старшего брата, тем сильнее злилась Скала. Она ворчала, что ее никак не оставят в покое, что единственное, чего она хочет, – это немного побыть одной, но духи продолжали играть и веселиться, наслаждаясь каждым мгновением жизни. Скала не могла принять выбор остальных, укореняясь в своей правоте: в жизни нет ничего хорошего, жизнь – испытание. И настроение обитателей острова казалось ей неправильным и идущим вразрез всем нормам бытия. «Так быть не должно», – считала Скала. «Все в этом мире есть боль!» – добавляла она.

В ушедшие времена, в те дни, когда остров был частью материка, а у Скалы было много друзей, ей довелось видеть двуногих существ. Это были лысые обезьяны, не придерживавшиеся никаких норм поведения и морали. Эти странные животные вели себя потребительски, они, как стая дикой саранчи, бесцеремонно взяли всё, что только захотели, и через два дня покинули просторы. Последствия от этих варваров имели катастрофический масштаб, всего кучка двуногих принесла много страданий здешним духам. Деревья потеряли результат полугодовой работы – свои плоды, а некоторые и вовсе были сожжены языками пламени. Многие животных убили, еще больше связали и забрали с собой.

Старший брат Скалы тогда очень тяжело перенес приход злых существ, но, понимая цикличность жизненных процессов, он успокаивал себя и всех, приговаривая: «Земля дает и

забирает, надо учиться это принимать». Только эти слова не вошли в сердце Скалы, она им сопротивлялась, так как считала, что это страшная несправедливость. Смерть не должна быть насильственной, для Скалы смерть имела лишь естественное проявление. Те события положили начало эмоциональным метаморфозам Скалы, те события сделали ее другой. Больше она не радовалась и не пела, как остальные, она замкнулась, но продолжала дружить с несколькими близкими.

Окончательно Скала потеряла интерес к жизни после страшного землетрясения, произошедшего сотнями лет позже. И снова старший брат говорил: «Земля дает и забирает, надо учиться это принимать». Вода затопила часть материка, и Скала потеряла почти всех родных ей духов. Землетрясение стало последней каплей в терпении Скалы. На ней выросли жесткие выступы, и она окончательно закрылась от всего мира, пряча свою любовь за твердью каменных глыб. Таков был ее выбор. Она поняла, что только так сможет защитить себя от боли: если она никого не будет любить, то и страдать будет не по кому.

Шли года. Ветер обдувал прохладными потоками, облака поливали дождями, солнце блестело на небе, играя лучами. Настоящий момент пролетал на глазах, оставляя лишь воспоминания и теплое желание новой встречи момента с сознанием. Для минут радости было достаточно обратить внимание на саму жизнь и открыться ей, но убежать от собствен-

ных мыслей так сложно, и вот новый день уже превращается в ночь. Желтая звезда продолжает свой танец вокруг синей планеты, духи и все существа продолжают жить. Таков закон мироздания. Пока живется – живи, ведь скоро этого может и не быть...

Старший брат говорил своим детям, обитателям острова: «Все пройдет, радуйтесь каждому мгновению, ведь жизнь – это подарок». И все следовали его учению. Радостью были наполнены эти места, свет и счастье источали они. Все находилось в гармонии, все, кроме Скалы. Она не хотела слушать брата, и отведенное ей время было мучительной каторгой. Но эти муки были надуманным выбором Скалы. Она не знала, что ее ждет, она не знала, что ее горе лишь жалкая разминка перед страшной бедой – приходом человеческих существ, решивших исследовать новые края.

«Земля дает и забирает, надо учиться это принимать», – раздалось звоном внутри Скалы. Она очнулась от своих мыслей, когда на морском горизонте показалось деревянное сооружение. Никто ничего подобного ранее не видел, чувства обострились. Всеобщее внимание было направлено на этот странный предмет над водной гладью. Мысли, тревожившие Скалу, куда-то пропали, они стали такими незначительными, что она удивилась самой себе.

Интуиция шептала местным духам, что приближающаяся деревянная коробка несет сильные перемены. Каждый метр, преодоленный этим загадочным сооружением, приближал

разрушение привычных устоев. Было понятно: как прежде – не будет.

Увлеченные завоеватели, открыватели новых земель окунали доски с расширенным концом в водное пространство, приводя в движение три маленькие копии деревянной коробки. Когда крепко склеенные брусья с заостренными концами, набитые двуногими созданиями, коснулись золотистого песка, птицы взлетели с деревьев, и тишину нарушили непривычные звуки, издаваемые пришельцами. Остров и все на нем насторожились.

Недолго думая, путники, покрытые эластичными тканями, направились в глубь острова. Двуногие махали кожаными отростками, находящимися на их теле чуть ниже головы, держа острые предметы, под ударами которых не устояла ни одна ветка. Деревья безмолвно кричали, терпя свое бессилие.

Скала, увидев, как прибывшие пробирались сквозь лес, испытала особое чувство отчаяния: на ее глазах рушился идеальный мир, который она прежде отвергала. Она поняла, какой извращенной глупостью была наполнена, как внимание подвело ее, выбрав объект для негатива в среде замечательных вещей. Направленный свет всегда покажет то, на что он направлен, и Скале стало ясно, что во внешних потерях, которые стали источником ее переживаний, она потеряла кое-что большее – себя. Удары острых предметов о деревянную толщу разносились эхом по всему острову, вызы-

вая страх у его обитателей. На землю обетованную пришла губительная энергия, имя ей – человек.

Это существо ничего не щадит, ничего не жалеет, это существо берет, что захочет, считая себя венцом эволюции, думая, что пространство со всеми проявлениями – его собственность и что только он вправе решать, как поступить. Не зная природу вещей, выбирая тотальное потребление, этот хищник пришел на безлюдные земли, чтобы оставить свой след, чтобы войти в историю, заявить свое: «Здесь был я». Разрушающее «я», не желающее смиряться, игнорирующее гармонию, раз за разом вырывает свою значимость – здесь был человек!

Оказавшись в самом центре острова, людское племя начало его исследование, а после занялось вырубкой леса и складированием бревен. На седьмые сутки своего пребывания двуногие животные смастерили себе шалаши, в которых они спали, когда солнце покидало земли. Днем пришельцы занимались охотой, они выслеживали зверей и убивали их, после чего сдирали шкуру и обжигали языками огня.

Группа людей, прибывшая на остров, насчитывала около двадцати особей. Любопытно, что двуногие делились по внешним признакам. Грубые и здоровые – охотились и рубили деревья, а маленькие и хрупкие – занимались собирательством и обустройством шалашей.

Остров учил духов терпимости, говорил, что это пройдет, что когда-то двуногие уже посещали эти места и потом оста-

вили. Но страдания, причиняемые непрошеными гостями, были сильными, и здесь воцарилась атмосфера страха. На райском острове уже не было слышно звонких, жизнерадостных песен, и все духи стали, подобно Скале, закоснелыми и черствыми.

Каждый день бок о бок с людьми превращался в испытание, каждый день ознаменовался борьбой за жизнь. На помощь Острову приходили Ветер и Ливень, Гроза прогоняла людей, но они прятались в шалашах и вновь возвращались к своим делам после того, как духи выбивались из сил.

Острые выступы Скалы, отточенные за время ее переживаний, стали отличной защитой, и ее никто не трогал, но безразлично смотреть на безобразия, творящиеся на острове, она не могла.

Скала решила придумать, как можно повлиять на людей и обратить их сердца к пониманию и уважению бессильных существ. Как найти гармонию между действиями гостей и потребностями местных духов.

Она давно не обращалась к своему брату, но происходящее разожгло в ней страсть к существованию. Она захотела стать полезной, нужной, потому что искренне верила, что может помочь. И когда она обратилась к Острову, он даже не поверил услышанному. В словах Скалы было много любви, уважения и сострадания.

– Изменения не приходят одни, меняется все, – сказал ей брат. – И если такой твердолобый дух изменился, то, зна-

чит, в этом мире метаморфозам подвергается все. Я всегда верил, что однажды это произойдет, но не знал, какую цену придется заплатить.

– У всего есть цена, пускай боль местных существ не будет напрасной, – ответила Скала. – Мое счастье – это моя ответственность перед теми, кто пострадал от двуногих.

– Ты стала очень мудрой, теперь обрети и терпимость, пожалей незваных гостей, ведь они не знают, что делают. Им неизвестно про наше существование, смилуйся, ни одно наделенное сознанием существо не навредит другому, лишь только спящие и не бдительные могут причинить боль. Стань примером для своего окружения, покажи, что можно любить и врага. Если мы не сделаем это, то кто будет дарить светлые чувства друг другу? Кому тогда достанется этот мир и что будут испытывать его жители? Мы должны быть сильными, это в нашей власти, давай сделаем это, сестра!

Скала собрала все силы и протянула слабую ноту, заводя духов на милосердное пение. Ветер подхватил мелодию и задул теплыми порывами, деревья зашумели листьями, а Море начало выбивать мягкий ритм. Это была песнь любви. На остров снова пришел свет, и двуногие животные почувствовали внутри себя приятное тепло. Бросив дела, они закрыли глаза и стали наблюдать благословенную вибрацию. Их сердца вернулись к Богу, а их глаза увлажнились от счастья.

Звери покинули укрытия и вышли к людям, ласкаясь об их ноги, птицы снова звонко зачирикали, и с неба начали

падать мягкие капли, переливаясь на солнечных лучах. Радуга взошла над островом, раскинувшись яркими красками. Остров засиял от ликования.

В последующие дни люди стали относиться с почтением к местным богатствам: они с благодарностью на устах и очень аккуратно срывали плоды с деревьев, с заботой ухаживали за землей, рыхля ее и сажая семена, с уважением собирали пресные воды, которые текли с гор, находящихся в центре острова, и поливали будущие растения. Люди стали созидать, преображая место своего обитания. В этих краях начался новый этап – сосуществование. Двухногие почувствовали присутствие духов и с признательностью обращались к ним. Мир наполнился красотой.

«Земля дает и забирает, надо учиться это принимать», – прошептала про себя Скала. Все наладилось, земля снова баловала жителей своим изобилием.

Все, что раньше тревожило Скалу, кануло в Лету, она изменилась, как и изменился мир вокруг нее.

– Все меняется, сестра моя, и все, что казалось испытанием, станет уроком, все, что казалось страхом, станет любовью, все, что казалось обреченностью, станет надеждой, – сказал Остров, посмотрев на двухногих родителей, нянчащихся с новорожденным ребенком.

Чем хороша жизнь, и тем же она жестка, – изменениями. Их не избежать никому. Ничего невозможно прогнозировать, ничего невозможно контролировать, все меняется.

Как быстрый ручей меняет свой изгиб, так и жизненные рисунки меняют свои узоры. То, что вчера было болью, сегодня благодать, то, что вчера было счастьем, сегодня печаль. Все подвержено переменам, которые возможны лишь в двух проявлениях – к плохому и к хорошему. И в итоге никто не знает, как плохое приходит к хорошему, и наоборот. Одно перетекает из другого, и иначе невозможно. Это жестокая и прекрасная часть бытия – перемены.

Революция случилась дважды. Сперва незваные пришельцы ворвались в реальность островных духов, а потом преобразили ее своим присутствием. Сосуществование, которому положила начало угрюмая Скала, задало ритм новой эпохи – сотрудничество. Теперь человек не был врагом, а, напротив, стал помощником. Одно и то же явление – приход людей – поменяло оттенок, и теперь духи мудрого Острова благодарили все повлиявшие на это силы, теперь здешние места преобразились.

Люди стали помогать растениям, удобряя их, прирученных животных лечили, ухаживали за ними, деревья украшали яркими тканями, а Скалу навещали и устраивали волшебные ритуалы в ее близи. Люди научились призывать высшие силы и направлять их на благо местности. Человек зависим от среды обитания, а среда – от человека. Все встало на места, круг замкнулся. Пазл был собран, и последним его фрагментом стал непрошенный гость – двуногий.

Законы Вселенной непостижимы для человека, они все-

гда вызывают миллионы вопросов и дают лишь жалкое подобие ответов на них, и даже не ответов, а догадок. Одним из самых острых вопросов стало течение времени, для существ время имело разный характер. Конечно, время трансформировалось в настоящем моменте, в какие-то дни время текло очень медленно, а в другой раз проносилось мигом. Грусть, тоска, печаль удлинняли восприятие времени, а счастье, радость и влюбленность сокращали его. Время непредсказуемым путником сопровождало осознающих себя и свое окружение существ. И те, кто понимал ход Времени, стремились подружиться с ним, превратив его в своего союзника. Хватаясь же за Время и не давая возможности ему уйти, человек достигал обратного эффекта, и вот уже последние минуты этого молчаливого, но интересного собеседника подходили к концу, и он уходил в свои края, оставляя после себя лишь пустоту.

Сейчас сложно сказать, кем было это проявление бытия, но ясно, что этот товарищ проходит свой путь рядом с каждым, и идет он со всеми одинаковый отрезок, только Время воспринимают по-разному. Для кого-то один день – радость, а кому-то и жизни мало, чтобы оценить ход Времени. Кто-то благодарит каждую минуту, проведенную рядом со Временем, а кто-то прогоняет его, пиная и требуя другого.

Разные формы проявления жизни по-разному ощущают время. Для Острова и Скалы десятки тысячи лет эквивалентны двум годам человеческой жизни, а человеческий день для

комара станет половиной его жизни. И время оборота секундной стрелки за один круг наполнится чередой важных событий для муравья, а для человека ознаменуется лишь минутой. Для Скалы же оборот часовой стрелки подобен обороту секундной для человека. Время – иллюзорная вещь, а восприятие реально, и время станет таким, каким его захочет воспринять само существо, наблюдатель.

– Скоро солнце сядет, – посмотрев на бордовый круг, сказал парень десяти лет. – Наверное, меня опять будут ругать родители за то, что я целый день пропадаю здесь с тобой.

Мальчуган по имени Апачи встал на ноги и через перешеек побежал в глубину острова.

Скала всегда была рада Апачи. Еще вчера она переживала из-за прихода двуногих, а сегодня она радовалась, что у нее появился такой друг. Апачи родился на острове и стал первым человеком, который не видел других мест, кроме клочка земли, окруженного морем. Уже больше одиннадцати человеческих лет прошло, как двуногие обустроились здесь, для Острова и его сестры это время проскользнуло, подобно неделе. С появлением Апачи для Скалы все изменилось, и ощущение времени тоже: каждый день для нее теперь шел размеренно. Она терпеливо ждала мальчугана, а когда он приходил к ней и говорил о своих мечтах, переживаниях и страхах, Скала понимала его, чувствовала каждую его эмоцию и была благодарна, что он делится с ней своими настроениями. Она стала ярче ощущать жизнь, она стала насла-

ждать каждой минутой, проведенной с Апачи.

Сын острова был удивительным мальчиком. Унаследовав человеческое восприятие и интуицию духов, он следовал сердцу и замечал многие процессы, которые были скрыты от глаз других людей. Апачи чувствовал живых существ во всем, он понимал, что у дерева, у камня, у травы есть своя душа. Он чтит все проявления жизни и уважал любую форму существования. С самого рождения он не ел тел живых существ, питаясь лишь тем, что ему дарили растения. Заботясь о животных, птицах, всех видах растительности, Апачи с малых лет приобрел репутацию защитника природы среди соплеменников. Там, где он появлялся, царили любовь, понимание и умиротворенность. Этот мальчуган придавал значимость любому существу и всегда ощущал признательность взамен. Его родители были очень счастливы и, так же как Апачи, источали только позитивные вибрации, поэтому они обрели статус лидеров племени.

Люди на острове избрали для себя путь безнасильственного существования. Они равнялись на своих предводителей и воспевали местных духов и доброе поведение. Не обманывая, не ругаясь и не пытаясь оказаться правыми, островитяне помогали друг другу, формируя бесконечную волну любви. И все это благодаря когда-то угрюмой Скале, которая больше десяти человеческих лет назад запела свою песнь изменений.

– Ты снова был на скале? – спросила мать Апачи, увидев

его.

– Угу.

– Отец хотел поговорить с тобой, он у себя, сходи к нему.

Светловолосая женщина лет сорока посмотрела вслед сыну, после чего вернулась к своим делам. Вот уже девять лет она каждый день посвящала возведению пшеничных культур. Так и сегодня, находясь на небольшом поле, где золотистые колосья играли на ветру, она вернулась к поливке и разрыхлению земли с молитвенными речами на устах. Каждое ее действие было осознанно, она с глубоким вниманием и любовью совершала любое движение, и уже сложно было вспомнить, была ли она всегда такая или приобрела эти качества здесь.

– Папа, ты меня искал? – спросил Апачи.

Отец, держа свой блокнот, который он исписал уже как пять лет назад, перевел взгляд на сына и вместо ответа показал рукой, что сыну нужно присесть.

– Мы приехали давно, приехали на этот остров, – задумчиво сказал отец. – Много воды утекло... Но я никогда не рассказывал тебе, как мы здесь оказались, а ты, Апачи, должен знать историю своих предков, ведь это сильная корневая связь, ты должен знать, откуда ты вышел, и историю родителей. – Он сделал паузу и всмотрелся в глаза мальчика. – Мы приплыли из далеких краев, нас завербовали на большом материке – это земля, где стоят каменные города, а в них живут миллионы людей. Я уже и забыл, как выглядят эти массовые

поселения, но там всегда суета, движение и много общения между людьми. Дома в несколько этажей возвышаются над землей, а люди ездят в каретах, перемещаемых лошадьми по специальным дорогам. У каждого человека есть своя комната, а то и огромное жилое пространство, украшенное работами творческих мастеров. Мы прибыли из тех мест.

Когда корабль с исследователями, в числе которых был я, отчалил от пристани, мы не знали, что это будет путешествие в один конец. Огромное деревянное судно шло по ветру, забирая энергию воздушных потоков, превращая ее в движение. Когда мы увидели первый остров, была сформирована группа из восемнадцати человек и отправлена на шлюпках для его изучения. А мы на корабле двинулись дальше. На втором острове пришло время спуститься на необитаемую землю и нам, группе из двадцати человек, в которую входила и твоя мама. Женщины, кстати, были редким явлением в таком деле, но в нашей экспедиции их было шесть, и мы с твоей мамой дружили еще на большой земле, из-за этого держались вместе. Оказавшись на этом острове, мы начали его освоение. На корабле осталась еще третья группа, продолжившая поиск новых берегов. После судно должно было вернуться за нами...

Мальчик, не отводя взгляда, замороженно слушал отца, пытаясь представить, как все было.

– Когда мы полностью нарисовали границы острова, описали всех животных, обитающих на нем, и растительность,

наша экспедиция подошла к концу и мы стали ждать, когда за нами вернется корабль, но его не было. Тогда мы вырубili поляну и построили тут нашу деревню. Мы стали выращивать пшеницу, картофель, ухаживать за плодовыми деревьями. И мы полюбили эти места, мы вложили в них много трудов. Теперь это наш дом, здесь необычайная энергия, это невероятное место. Этот остров очень сильный. – Отец сделал паузу, задумавшись. – Мне кажется, что он живой.

– Папа, он живой, все на свете живое, и я не знаю, откуда это знаю... но это так, – сказал мальчик.

Отец подтянул сына поближе к себе и обнял его.

– Ты у меня очень смысленый.

Апачи засмеялся.

– А корабль еще вернется за нами? – спросил мальчик.

– Этого никто не знает, но мне известно одно – изменения неизбежны, и все поддается им. Жизнь покажет...

– Но если корабль придет, то что случится? Мы уедем на большой материк?

– Может, кто-то и захочет вернуться на родину, но мы с твоей мамой решили остаться здесь навсегда.

Мальчик улыбнулся этой новости, потому что он никогда бы не хотел расставаться с этим удивительным краем. Возможно, это было заблуждением и желанием все сохранить как есть, но он ничего не мог поделать с собой, ему было важно быть здесь, потому что здесь он чувствовал, как ветер играет с листьями деревьев, дождь выстукивает забавный

ритм, а птицы и животные поют свою песню жизни. И самое главное, его подруга Скала придавала уверенность и чувство защищенности.

– Я рад, папа: мне тут так хорошо.

– Сын, я тебя всегда хотел спросить, почему ты ходишь к скале?

– Потому что она моя подруга. – Апачи выскользнул из объятий отца и добавил: – Можно я еще поиграю на улице?

– Да, конечно, лети как ветер. Только будь аккуратней.

Жизнь Скалы обрела смысл, она искренне радовалась, когда Апачи приходил к ней и размышлял о жизни, рассказывал о своих находках и поступках людей. Конечно, она не могла ему ничем ответить – она лишь слушала и источала радость. Наверное, поэтому Апачи так рвался к ней. Он понимал, что Скала чувствовала, он понимал, что в ней есть дух. Никто не мог узнать угрюмую Скалу, она стала такой доброй, любящей и открытой.

Апачи вырослел на глазах Острова, Скалы и других духов. Он возмужал и стал совершеннолетним, приобретя красивые черты лица и уверенность в себе.

Несколько людей покинули свои тела. Двуногие островитяне предали их земле, но жизнь на острове продолжалась. Апачи все так же помогал отцу в обустройстве жилищ, в ремесленничестве, они добывали глину и делали из нее утварь. И конечно, помогал матери в работах на поле. Но и про соплеменников, уже постаревших, он не забывал, стараясь де-

лать все, что его попросят: носил ведра с пресной водой, собирал фрукты с деревьев, убирал в хижинах. Приехавшие сюда люди уже свыклись с мыслью, что они закончат на этом острове свое путешествие под названием «жизнь». Также они понимали, что в конце концов Апачи останется одним представителем человеческого вида на острове, когда их не станет. Время беспощадно, оно не церемонится ни с кем и рано или поздно покинет каждого.

На когда-то молодом теле Апачи стали появляться морщины. Песок в часах отсчитывал незаметно ускользающие минуты. Лишь трое из экспедиции осталось в живых. Отец и мать единственного ребенка на острове покинули этот мир несколько лет назад. Они ушли друг за другом. Сначала душа вышла из тела матери. В этот день Остров ушел в глубокую тишину, это было молчание радости, в ее смерти не было горя. Островитяне, отец и сам Апачи понимали, что это только начало путешествия, что конец земной жизни – это первый шаг к новым ее проявлениям. После того как похоронили мать Апачи, отец со спокойным сердцем стал ждать своего ухода, поэтому двери в новый мир открылись для него раньше, чем было суждено. Он так хотел встретиться со своей возлюбленной, что небеса услышали его и забрали до предначертанного срока.

Скала была изумлена, наблюдая за уходом душ из тел, она почувствовала всю красоту этого процесса и уже не пыталась повлиять на него, она не противилась происходящему, зная,

что это лишь закон Вселенной. Души приходят и уходят. Она видела не одну смерть, она уже была знакома с этой противоположностью бытия, и если раньше она была остро против и не могла принять такой ход вещей, то сейчас Скала стала зрелой и с глубокой мудростью поменяла свое восприятие. Теперь ее брат Остров стал ей великим наставником, настоящим учителем. Скала обрела новый взгляд на жизнь. И хотя с виду ничего не изменилось, внутри она стала другой.

Видя переживания Апачи, она сострадала ему, но его переживания были такими красивыми, такими безболезненными, такими естественными, что Скала восхищалась Апачи, он удивлял ее своим развитием. Еще вчера маленький мальчик, играющий около нее, сегодня стал зрелым мужчиной с львиным сердцем. Она вспоминала, как на ее глазах уходил отец Апачи и как соплеменники провожали его в последний путь. На смертном одре он шепнул сыну:

– Живи, пока живется, радуйся каждому мгновению, ведь ты не узнаешь, когда оборвется жизнь. Живи именно настоящим моментом, ведь это единственное, что у тебя есть, все остальное ты берешь напрокат. Твое восприятие действительности – настоящее богатство, храни его как самый дорогой камень, как самую важную вещь. Пускай эта мысль ведет тебя по этой непредсказуемой дороге. Пускай твое время идет с тобой как можно дольше, пускай каждый твой день будет полон наблюдаемых минут, пускай ни одна секунда не проскользнет мимо тебя. Я знаю, ты очень мудрый юноша,

оставайся таким же любопытным и живи для себя, не причиняя никому вреда. – Отец перевел взгляд на море и добавил: – А теперь ступай, иди туда, где тебе рады, иди туда, где ты нужен, и будь там. Мне надо встретиться с двумя женщинами: с твоей матерью и со Смертью.

Тогда Апачи пошел к Скале и проплакал там целый день. Но это были не слезы печали, это были слезы гордости за отца, чья душа обрела мудрость и была готова к уходу в другое состояние – она не держалась за земную жизнь, она хотела двигаться дальше.

Все в жизни имеет свое место: нежеланное взросление, старение, опыт утраты и встреча со Смертью. Каждое сознание проходит через эти этапы, и пытаться удержаться на одном из них больше, чем положено, – глупость. Необходимо жить красиво, а красивое существование в этом мире материи – принятие всех этапов. Скала поняла это, она почувствовала свое невежество. Хотя она и прожила сотни тысяч человеческих лет, она нашла смысл, только когда наблюдала взросление Апачи. И когда он предал земле последнего из соплеменников, оставшись на острове один, он был зрелым мужчиной, телом, а главное, душой.

Апачи не боялся своего одиночества, потому что никогда не чувствовал, что он в этом мире один. Даже если никого физически не было рядом, он все равно ощущал энергию других существ. Весь мир был пронизан этими вибрациями, весь мир был соткан из сознаний и душ. И когда Апачи сто-

ял на вершине Скалы, смотря в бескрайний горизонт, перебирая в руках две семечки оливкового дерева, он подумал о своих родителях, которые на протяжении всей жизни дарили ему свою любовь и заботу. Они никогда не оставляли его, всегда участвуя в его познании мира. И даже когда родители ругали его, наставляли и бранили за шалости, он знал, что это от любви. Ему не дано знать, были ли действия отца и матери по отношению к нему правильными, было ли все спланировано, или они поступали по воле сердца, но то, каким он стал, определенно было результатом их воспитания. И сорокатрехлетний Апачи, сделав несколько движений острым камнем, разрыхлил в земле две лунки и, поместив туда семена оливы, сказал:

– Я никогда не забуду свои корни.

Для восприятия Скалы история Апачи и его родителей была сродни небольшому роману для человека. И хотя эта книга ей понравилась и не хотелось, чтобы она заканчивалась, законы природы нарушить невозможно – все имеет свое начало и свой конец.

Скала понимала, что, как бы земные существа ни пытались продлить момент удовольствия, в следующую секунду оно все равно ускользнет от них. Радость, счастье, любовь – очень юркие зверьки, они забегают прямо в открытые ладони, но их невозможно сжать и держать. Если поступить так, то они покусают руки, превратятся в печаль, боль и страдание. Возможно, самое правильное решение – держать свои

руки открытыми. Каждый миг своей жизни быть готовым к встрече с этими быстрыми, но яркими эмоциями.

Апачи прожил до шестидесяти пяти лет. И последние двадцать два года на острове стали очень счастливыми. Каждый день он просыпался с радостной мыслью: «Я живу!» Эта мысль грела его, радовала яркими лучами солнца и легким дуновением ветра. Она радовала его морскими волнами и пением птиц. Эта мысль грелась на полянке Скалы, среди двух оливковых деревьев. Эти двадцать два года Апачи был погружен в себя, он наблюдал все внутренние перемены. Когда ему грустилось, он грустил, когда ему радовалось, он радовался, когда ему хотелось танцевать, он танцевал. Он проявлял во внешний мир все, что было у него внутри. Он не расстраивался из-за своего одиночества, Апачи гордился им, ведь внутри него что-то жило, и это «что-то» всегда было радо встрече с сознанием. Апачи необходимо было лишь найти это чувство, а дальше оно раскрывалось в нем, как красивый цветок любви.

Он аккуратно ухаживал за могилами всех соплеменников и мысленно общался с каждым ушедшим. Каждый, кого он знал, был в его сердце и никогда не покидал его, каждый человек продолжал свою жизнь в душе Апачи.

Скала и все духи острова помогали Апачи, поддерживали его эмоционально и отправляли ему свою энергию, он не до конца понимал источник своих сил, но всегда благодарил эти места за щедрость. И духи чувствовали проявление любви

Апачи.

Сын острова умер быстро. Он не мучился, не страдал. Он ушел в другой мир так, как мечтает большинство представителей человеческого рода, – во сне.

Еще никто не смог обмануть старушку Смерть – она приходит за всеми, еще никто не смог удержать путника Время – он оставляет всех. Эта стабильность делает мир ценным, каждая минута, проведенная здесь, обретает смысл, потому как Время уйдет и Смерть покажется на горизонте.

Человеческое существо боится боли, ведь она ощутима, человеческое существо боится Смерти, ведь она забирает все, оставляя пустоту. И темное пространство ворвалось в сознание Апачи, сына острова, – его не стало. Тело осталось лежать на когда-то любимой земле, а самого духа, жившего в нем, больше не было, что-то вышло за границы кожи и костей, что-то покинуло свой дом. Подруга Смерть позвала дух с собой, и он был не против, дух изменил Времени, Смерти никто не отказывает.

Скала ощутила сжатие и угнетенность, когда Апачи не пришел к ней. Она все поняла, а потом духи острова и сам старший брат подтвердили догадки Скалы – Апачи больше нет.

То, что пришло в ее мир, что ворвалось подобно смерчу, то, чему она противилась, и то, что она впоследствии приняла и полюбила, исчезло из ее реальности. Больше она не встретит завоевателей, которые прибыли на эти земли около

семидесяти человеческих лет назад. Ни одного, все ушли.

Скала поняла простую мудрость, это стало ее открытием, это пришло к ней, как алмаз мудрости. Нечто твердое, жесткое и непоколебимое. Скала поняла: изменения происходят каждое мгновение жизни. Изменения – это язык общения Вселенной, она так ведет диалог с сознанием. Открытость и желание познать бытие – это услышать ее глас, принять изменения. И когда-то угрюмая Скала стала подобием своего старшего брата. Теперь Скала была счастлива от одной мысли, что она может наблюдать все, что происходит в этом чудесном мире. И, поняв это, она снова запела свою песню любви, которую подхватил Остров и все обитатели здешних мест. А два оливковых дерева на ее поляне стали покачиваться в такт музыке любви к этой прекрасной жизни.

Разрушенные

Переулоч

Сильно сжатый кулак, разрезая воздух, спешил на встречу к и без того уже окровавленному лицу. Знакомство кулака Бена с физиономией незнакомца произошло несколько секунд назад, после того как тот криво посмотрел на обладателя мощных рук. Кулаки Бена, способные легко раздробить любую кость на человеческом теле, всегда были наготове, и он их запросто пускал в дело. Бывало, что его орудия разрушения пытались подружиться с кирпичом или деревянным блоком, но те быстро ломались под сильным давлением. Парни из шайки звали его Двойным Беном, потому что за первым ударом всегда следовал второй. Как правило, двух ударов было достаточно, чтобы Бен мог насытить свои кулаки. В день он «кормил» их по несколько раз.

В своей банде подростков он был лидером, и всегда все слушали, что он говорит: никто не хотел, чтобы Бен выпустил на свободу то, что было создано дробить и калечить. Парней, которые слонялись с Беном, звали Одноглазый Ник, Череп и Злой. Они называли себя «разрушителями» – несложно догадаться, какой смысл они вкладывали в это название. Банда уничтожала все на своем пути. Больше всего парни любили «нарваться на приятности». Конечно, «приятности» – это неприятности для других, но «разрушителей» это не волновало, ведь им так нравились эти «приятности».

– Злой, брось-ка мне пива! – прорычал Бен после второго удара по лицу незнакомца. – Окей, босс, – откликнулся Злой, доставая банку пива из своего рюкзака.

– Какие планы, братцы? – прокряхтел Ник.

– Будем искать твой глаз, – сказал Бен, открывая спиртное.

Вся шайка, кроме Ника, откинулась от смеха.

– Если бы я встретил своего папашу, то забрал бы у него то, что он забрал у меня, – мой глаз, – стиснув зубы, заявил Ник.

– Да что ты можешь? – попивая пиво, подначил Бен.

– Не стоит так говорить! – неуверенно заметил Ник.

– Или что? – спросил Бен, сделав шаг к Одноглазому Нику.

– Ничего, – отвернувшись, ответил тот.

– Череп, а ты что думаешь? Смог бы наш одноглазый дру-

жок расквитаться с папашей? – переключился главарь.

– Если только мама разрешит! – прокричал Череп.

Все снова покатались со смеху.

– Что будем делать с этим типом? – Злой ткнул пальцем на незнакомца, которого только что отделал Бен.

– А что мы делаем обычно? Бросим его тут, пускай покорчится немного, нечего так пялиться на достопочтенных господ, как мы с вами, братцы, – с иронией сказал Бен. Все снова начали смеяться, даже Одноглазый Ник. Злой нагнулся к уху незнакомца и прошептал тому:

– А ты как думаешь, что с тобой сделать?

Хорошо одетый мужчина лет сорока с измазанным кровью лицом лежал на мокром тротуаре, укрыв собой часть мусора, разбросанного в переулке. Он едва пошевелился, пытаясь перевести взгляд на Злого, но потом остановил себя и прошептал в ответ:

– У меня в кошельке, в правом кармане, есть немного денег, возьмите, только оставьте меня в покое...

– Что ты сказал, пес?! – бросив банку пива, подлетел к нему Бен. – Ты за кого нас держишь? Ты думаешь, мы реши-

ли грабануть тебя?

Мужчина, испуганно стиснув зубы, ощутил страх, волной прокатившийся по всему телу. В глазах стало темно, и ему показалось, что он сейчас отключится.

– Череп, мы решили грабануть это типа? – спросил Бен.

– Нет, босс.

– Так почему он нам предлагает деньги?

– Наверное, подумал, что мы нелюди какие-то, типа бандитов, – заявил Череп.

– О-о-о-о-о-о нет, это же большая ошибка, – повернувшись на месте, сказал Бен в пустоту.

– Да, босс. Это точно ошибка, парень немного попутал, – отчеканил Череп.

– Мы прогуливались по вечернему городу, осматривали местные достопримечательности. Хорошо проводили время, вели светские беседы, делали все, что положено подросткам наших лет. Хотели заглянуть в бар познакомиться с традициями местных заведений, а что случилось в итоге?

– А в итоге нам пришлось учить хорошим манерам это господина, босс.

– Да, Череп. Да! – приобняв друга, воскликнул Бен. – В наше время так мало равнодушных людей, которые готовы объяснить правила этикета: смотреть так яростно в глаза достопочтенным господам не стоит, это по меньшей мере неприлично. – Извините меня, я усвоил урок, – чиркая о тротуар влажными от крови губами, подал голос незнакомец.

– Ребята, что скажете, он усвоил урок? – прокричал Бен.

Злой, впившись глазами в затылок мужчины и почесывая внешнюю сторону ладоней, сообщил:

– Босс, мне думается, пройденный материал надо закрепить.

– Вот видишь, что люди говорят? – приближаясь к окровавленному телу, сказал

Бен. – Надо бы закрепить материал.

Двойной Бен достал из кармана брюк нож, его лезвие отразило свет тротуарных ламп. В переулке образовалась напряженная тишина. Все члены банды переглянулись.

– Не стоит, – потянувшись за ножом Бена, возразил Од-

ноглазый Ник.

– Что значит «не стоит»? – огрызнулся тот.

– Босс, правда хватит, он и так все понял, – добавил Череп.

– Бен, не слушай их, давай, я его держу! – провопил Злой.

– Извините, братцы, но материал должен быть закреплен, – сказал Бен, сделав шаг к Злому, который стоял над незнакомцем. После чего молча показал, что Злому нужно отойти, схватил мужчину за волосы и поднес кончик острого лезвия прямо к его глазу. – Ник, ты хочешь посмотреть, как выглядишь со стороны?

– Босс, не надо, – заикаясь, ответил Ник.

– Если у него не будет одного глаза, то он не сможет так пялиться, ведь верно, друзья? – закричал Бен.

– Извините, извините меня! – со страхом в глазах простонал незнакомец.

– У тебя есть дети? – спокойно спросил Бен.

– Да. Да. Есть.

– Ты на них так же пялишься, как на нас?

Мужчине нечего было ответить, он понимал: то, что он скажет, будет приговором для него, поэтому выбрал молчание.

– Вот и я так думаю...

Одноглазый Ник

Ник родился в неблагополучной семье. Он был худощавого телосложения, черноволосый. В глазах Ника с раннего детства читался страх, а все его движения были неуверенными. Он двигался так, будто его могут поругать в любой момент, часто оборачивался по сторонам, поэтому производил впечатление нервного ребенка. Любимое занятие его отца было выпить и читать нравоучения Нику. Когда мать пыталась защитить сына, то доставалось и ей, поэтому она лишь изредка вмешивалась. Плача от бессилия, она слушала, как ее муж рассказывает их ребенку о том, что мог бы жить в достатке, но ему все мешают, в том числе и Ник. Этот еще молодой, но уже сильно потрепанный алкоголем мужчина ненавидел своего сына, так как он появился в его жизни не вовремя. Этот факт для Ника не был секретом. Его отец утверждал: если бы Ник не родился, когда ему было девятнадцать лет, то он бы обязательно получил хорошую работу где-нибудь в городе, но из-за того, что тупая мамаша Ника

залетела, ему пришлось остаться в этой дыре.

Мама Ника была заботливой женщиной, она не могла дать отпор мужу. Хотя ей и было жалко сына, но страх перед главой семейства доминировал, и ее психика сдавалась под его агрессивными нападками.

Однажды, когда отца не было дома, Ник спросил у мамы:

– Почему ты вышла замуж за этого придурка?

Мать Ника в этот момент мыла посуду. От вопроса сына она уронила тарелку, и та разбилась об пол. Мать наклонилась поднять осколки, но тут подскочил Ник и стал помогать. Мама посмотрела в глаза сына, полные боли, и ответила:

– Я была молодой и стеснительной, а он был старше меня и очень нахальным. – Она встала и повернулась спиной к сыну. Смотря в окно, продолжила:

– Он излучал смелость, все ребята в районе боялись его. Я думала, что он всегда сможет защитить меня и моих детей, да и его поведение... Он никогда не упускал своего, понимаешь? Если ему что-то приходило в голову, то он никогда не отступал. Так и случилось, уж больно он захотел стать моим первым парнем. Он особо не ухаживал, лишь дергал меня за

руки и лапал там, где не положено. Мне становилось страшно, но я не могла дать ему отпор. Потом появился ты. Сначала он был рад этому, бил себя в грудь и говорил, что обеспечит нас. Ну а потом он начал пить, и наша жизнь превратилась в настоящий ад. – Мама Ника вздохнула и добавила:

– Я привыкла, а вот ты... Мне так жалко тебя, сын, ты уже такой взрослый... А я даже не знаю, что делать. – Мать прослезилась.

Ник собрал осколки тарелки и, выкидывая их в мусорное ведро, заметил нож на кухонном столе. Подумал про себя: «Пришло время проучить этого подонка». Взяв незаметно нож, он направился в свою комнату и положил его под подушку.

Когда вечером пришел пьяный отец, сердце Ника сильно заколотилось, потому что он понимал, что предстоит сделать. Отец что-то бросил маме Ника и, шатаясь, завалился в комнату сына:

– А вот и мой сынок... – Он подсел на край кровати, где сидел Ник, и попытался проявить нежность, погладив его по голове. – Чем занимается? Неужели опять весь день скучал по своему любимому папке?

Ник, уткнувшись глазами в пол, промолчал.

– Говорят, в тринадцать лет уже некоторые ребята работают, а ты все дома сидишь. Присосался к сиське своей ма-маши. Ты знаешь, я не собираюсь тебя кормить, в твоём возрасте я уже работал как проклятый, а ты дома штаны протираешь.

Отец приподнялся с кровати и крикнул жене:

– Слушай, больше Нику еду не давай, пускай идет и пашет, как его папка, нечего баловать этого засранца.

Повернувшись к сыну, он сказал:

– Как ты думаешь, хорошая идея? Жизни буду тебя учить, а то привык, что тебе все бесплатно достается, пришло время узнать, что такое труд, мелкий убулюдок, – с этими словами он отвесил крепкую затрещину Нику. – Все тебе жизнь как коту масленица. Только живот набиваешь да нервы всем выкручиваешь своим тупым взглядом. Идиот, что ты доброго сделал? – отец снова отпустил подзатыльник. Мать Ника еле слышно хныкала в углу кухни, а отец продолжал:

– Я в твоём возрасте много хорошего сделал, меня весь район любил. Девушки бегали за мной. А я в твою мать влюбился. Ты же знаешь, что она после меня со всем районом спала. – Он вскочил с кровати и хотел было бежать к жене на кухню со словами «Шлюха, шлюха», как Ник выхватил нож

из-под подушки и вонзил его прямо в правую лопатку своего «горячо любимого» отца. Секундную тишину пронзил крик:

– Ах ты мелкий говнюк! – Отец попытался выдернуть нож из своей спины, сопровождая попытки угрозами: «Сейчас я тебе покажу!» и «Молись богу!».

Ник замер на месте. Отец наконец достал нож из лопатки и повернулся к нему.

– Сейчас ты узнаешь, что такое боль, сын мой. Я тебя познакомлю с этим прекрасным чувством.

В комнату залетела мама, но отец одной правой отшвырнул ее в сторону, и та, оказавшись на полу, залилась слезами.

– Ты запомнишь своего папку надолго... Все, кого ты встретишь, будут знать, что это твой отец научил тебя хорошим манерам, что это твой отец так позаботился о тебе, научив тебя трудолюбию, мелкий щенок, – поднося острие ножа к глазу Нику, сказал отец. – Ты запомнишь своего папку... Запомнишь... – Слова отца оборвались, когда лезвие ножа проткнуло глазную оболочку Ника и в комнате раздался безумный крик его матери.

Злой

Свое прозвище Злой получил еще в раннем детстве.

Тогда он ставил опыты на насекомых. Любимой игрой маленького Злого была «бомбардировка муравейника». Для этого он обматывал полиэтиленовый пакет вокруг палки и поджигал его. Когда полиэтилен начинал капать огненными каплями, Злой подносил его к муравейнику и осуществлял бомбежку. После он перешел на игры повзрослей. К восьми годам проводил хирургические операции на домашних животных, а в двенадцать начал знакомить своих сверстников с физической болью, тогда-то и появилась его кличка – Злой.

Он был крупным ребенком, на несколько голов выше ровесников. Упитанный мальчик с широким лбом и маленькими свинячими глазками. Жир на его толстых руках всегда забавно болтался, а ноги, из-за лишнего веса, были искривлены буквой Л. Когда ему приходилось много двигаться, у него появлялась сильная отдышка и излишнее потоотделение. Он рано стал курить, приставать к девчонкам и драться для успокоения своего внутреннего зуда. Дети помладше бегали за ним хвостом. Злой и его шпана поздним вечером выходили на рейд и били всех, кто попадался на пути, не стесняясь почесать кулаки о лица взрослых. У его банды малолеток было только одно правило – не трогать прохожих в компаниях, ибо вероятность получить в ответ сильно возрастала, а этим парням было приятней доставлять боль, но не испытывать ее самим.

Высшее удовольствие приносил хороший мордобой с прикольными шуточками на этот счет. Для ребят, крутившихся со Злым, все это стало забавой, они потеряли связь с реальностью, и единственное, что вызывало у них интерес, – это стоны избиваемого и адреналин, который разжигался у них внутри.

Со временем Злой с парнями привыкли к этому чувству и им стало интересней превращать свои потасовки в целые драматургические сценки, так они чувствовали собственную власть. Издеваясь над человеком, они пытались доставить ему не только физическую, но и моральную боль. Злой даже отметил, что моральное давление ему приносит больше удовольствия. Он ощущал, как внутри человека что-то ломалось, и это были не кости, это было то, что нельзя потрогать. Но когда надлом происходил – это чувствовали все.

Позже Злой поделил людей на две категории: первая категория – те, кто сдавался сразу, и вторая – ребята с характером, вот с ними повозиться было интересней, ведь победа над таким человеком доставляла больше кайфа.

Злой возомнил себя тонким психологом, и все издевательства он называл «исследованием», целью которого являлось познать тайну человеческой силы и отличия людей друг от друга, кроме внешних признаков. Почему один, даже не сильно развитый физический, имел внутренний напор, а

другой, с виду крепкий, подобно сухой ветке, издавал звук надлома, стоило ему почувствовать неладное.

По факту, Злой искал любовь в насилии. Он никогда не знал внимания, заботы и прочих проявлений участия к себе, поэтому выбрал путь разрушения, и в этом он преуспел – привлек внимание окружающих к своей персоне. С ним пытались подружиться, но не для того, чтобы поступать, как он, а для того, чтобы он не поступил с ними, как поступал со всеми.

Злой начал выбивать своими кулаками из этого мира то, что не мог получить. Обида от своей брошенности сильно грызла его нутро, поэтому бегающие за ним ребята делали его чуточку счастливее. Он почувствовал свою значимость, он понял, что нужен этому миру таким, какой он есть. Это стало его личной миссией – приносить боль во благо. Он считал, что все это он делает ради любви, потому что так люди начинали любить его, а раз они испытывают это чувство, не все ли равно, каким они путем приходят к нему. «Пускай другим больно, но тем, кто со Злым, хорошо, те, кто со Злым, счастливы. Злой даст всем, что они хотят» – это была его концепция поведения.

Но однажды все круто изменилось. Выйдя на очередной рейд, Злой с пятью парнями как всегда начали пускать кулаки в дело. «Осчастливив» несколько прохожих, они завернули во двор, где увидели силуэт какого-то крупного парня.

– Эй, постой! – крикнул Злой.

Силуэт остановился, он не спеша повернулся и зло бросил:

– Проблемы?

– У тебя – да, иди сюда, я тебе расскажу почему, – начал Злой.

– Сперва я выбью зубы твоим ребятам, а потом ты мне расскажешь, почему у меня проблемы. Идет? – огрызнулся силуэт.

Злой, будучи исследователем, понял, что этот парень крепкий орешек и что с ним придется поиграть больше, чем с остальными.

– Парни, вы слышали? Кажется, нам угрожает какой-то сосунок, а что мы делаем с сосунками? – обратился Злой к друзьям.

– Мы им преподаем урок вежливости, – сказал кто-то из шайки.

– Да, и делаем мы это совершенно бесплатно, на благотворительных началах. Если хочешь, это некий альтруизм, –

добавил Злой.

– Вы знаете, парни, я не хочу вас расстраивать, но у меня тоже есть свой благотворительный фонд, и в нем давно не было взносов. Время для франчайзингового мероприятия, – с этими словами силуэт побежал на банду Злого. Первый удар пришелся в подбородок паренька лет десяти. Второй – парню постарше. Третий и четвертый удар почти одновременно скользнули по двум удирающим от этого психа парням. Пятый, завершающий удар был самым сильным, он стал финальной точкой в этом танце боли. Злой понял, что они остановили не того парня, но уже было поздно. В этом и весь азарт, в этом и вся ирония, ведь всегда найдется кто-то сильнее, умнее или проворнее. И парень, который подкинул работу хирургам и стоматологам, явно давал понять верность этой идеи.

– Так какие у меня проблемы? – осмотрев тела корчившихся ребят, спросил незнакомец.

– Удивительно, как быстро твои кулаки решили их, – испуганно ответил Злой. – Эти кулаки как раз для этого и созданы!

– Я тебя никогда не видел раньше, ты новенький в наших краях? – пытаюсь перевести тему, спросил Злой.

– Наша семья переехала на неделе в эту дыру. У моего папаши тут дела, ну, ты понимаешь, бизнес, – ухмыльнулся

незнакомый парень.

– Если хочешь, можешь вступить в мою банду. Мне думается, я смогу найти применение твоим способностям, – сказал Злой, посмотрев на ребят, лежащих у его ног.

Незнакомец почесал подбородок и заявил:

– Давай поступим так: я сейчас познакомлю тебя со своим кулаком, и если ты не упадешь, то считай, что ты в моей банде. Что скажешь?

Злой вместо ответа замахнулся рукой, чтобы нанести удар по этому выскочке, но дерзкий парень оказался быстрее. Кулак со свистом хлыста пролетел дистанцию в один метр и резко врезался в переносицу Злого. Будто шеститонная фура протаранила лицо предводителя малолеток, которые уже как несколько минут сметали пыль с асфальта своими телами. Перед глазами Злого возникла абстрактная картина, смесь разных узоров с огненными искрами, весь мир стал яркой вспышкой в темноте. Через мгновение пришла она, его верная подруга – боль, пронзив каждый атом его лица. Кожа стала обжигающе горячей, будто ее обрызгали раскаленным оловом. Злой узнал силу кулаков, которые были созданы для решения проблем. После этого яростного удара он пошатнулся, но остался стоять на ногах. Отключившись

на несколько секунд, он потерял связь с реальностью, провалившись в мир темноты, украшенной красными вспышками, но он устоял. Незнакомец посмотрел в опухшие глаза Злого и сказал:

– Я Бен. Добро пожаловать в мою банду.

Череп

В четырнадцать лет Череп убежал из дома, но не из-за того, что его родители били его или как-то угнетали, – напротив, они им вообще не занимались.

С самого детства Череп пытался найти защиту в ком-нибудь, потому что дома он ее не ощущал. Поэтому, встретившись с Беном, он сразу примкнул к его банде, в которую тогда входило два человека: Злой и сам Бен. Череп считал вступление в банду Бена привилегией. Не каждый подходил под строгие требования лидера шайки, но Череп подошел, потому что он хорошо стоял на стреме и громко кричал в случае чего. Хоть Череп и был труслив, но он играл свою роль хулигана так, что ни Бен, ни Злой не подозревали о слабостях его характера. По сути, Череп был спокойным малым, который хотел быть в продвинутой тусовке с крутыми ребятами. Его маленький рост всегда заставлял его комплексовать, еще он очень стыдился своих тонких рук. Будучи светловолосым голубоглазым парнем с яркой внешностью, он мог бы охмурять сотни женщин, но попал в агрес-

сивную среду и пытался соответствовать своему окружению, поэтому в себе он не видел ничего доброго, кроме хорошо подвязанного языка.

Со временем Череп научился у дружков по банде некоторым нахальным издевкам и практиковал их на совсем маленьких пацанах или на тех, кто значительно уступал ему по комплекции, но со сверстниками или со взрослыми он в одиночку не конфликтовал. При полном же составе шайки у Черепа появлялись «невиданные силы» и он всегда первый наезжал на жертву или противника и давал дорогу кулакам Двойного Бена, отступая в сторону. Его оружием был острый язык, и он грамотно использовал его. Двойной Бен был человеком недалеким, поэтому лесть Черепа сладко ласкала жестокое сердце лидера банды.

Троица – Бен, Злой и Череп – много шороха навела в своем районе. И когда на них завели дела и поставили на учет как неблагополучных подростков, Бен сообщил парням о том, что они отныне называются «разрушители» и что теперь они будут еще агрессивнее и злее. Видно, Двойного Бена сильно вдохновила безнаказанность, которую он ощутил. Полицейские знали о всех преступлениях банды Бена, но ничего, кроме постановки на учет, сделать не могли.

Череп единственный, кто пытался как-то вразумить лидера «разрушителей». Однажды вечером, когда у босса было хорошее настроение, он сказал ему:

– Бен, когда нам стукнет по восемнадцать, наши делишки уже не сойдут нам с рук так просто!

Но Двойной Бен, находясь в эйфории от своей неприкосновенности, не услышал его. Тогда Череп испытал сильный страх, хотя не признался в этом, а лишь замкнулся в себе на несколько дней.

Знакомство с Ником состоялось как раз в тот эмоционально сложный для Черепа период. Встреча произошла на одной из вечеринок.

Череп напился и незаметно для друзей выбрался из обшарпанного дома, где проживала шайка. Он побрел в центр города, дорога Черепу показалась марафонской дистанцией, но он все же дотопал до клуба «Хитрый лис», где зависали его сверстники. Хозяину клуба было абсолютно все равно, кто хочет надраться в хлам в его заведении, поэтому он не спрашивал паспорта при входе, и местная молодежь пользовалась этим. Проверки случались, но редко. Да и штраф, который могли выписать за пьяных подростков, был такой ничтожный, что даже при еженедельных проверках все равно хозяин клуба оставался бы в плюсе.

Череп агрессивно дернул дверь на себя и ввалился в заведение. Пьяные парни и несколько малолетних девочек обернулись на Черепа и зашептались между собой. Череп дога-

дывался, о чем они сейчас трепяются: все знали Бена – следовательно, все знали и его. Он подошел к барной стойке и попросил пинту пива. Бармен осмотрел его с ног до головы.

– Ты уже гашеный. Может, не стоит, парень?

Череп глянул по сторонам, потом на бармена.

– Это ты мне? – он ткнул себя указательным пальцем.

– Тебе, – смотря прямо в глаза, с выпадом ответил бармен.

– Налей ему пива, он со мной, – вклинился рядом сидящий незнакомец. – Если что, он будет моей заботой.

– Я просил вступаться за меня? Я выгляжу так, будто мне нужна помощь? Слушай, я сейчас язык, которым ты тут сотрясаешь воздушное пространство, оторву и отправлю бандеролью твоей мамке, они его с папашей повесят в рамку на стене, потому что это будет единственный сувенир, который останется им после тебя, – наехал Череп на незнакомца. Потом обратился к бармену: – Сэр, одну пинту пива, пожалуйста.

Бармен не стал спорить. Послушно подошел к пивному крану и начал наполнять бокал, бросив косо взгляд на незнакомца. Тот спокойно потягивал коктейль из стакана,

полного льда.

– Что за бабское дерьмо? – Череп кинул незнакомцу.

Тот повернулся, и перед Черепом оказалось его лицо – молодой парень с повязкой на глазу оценивающе начал осматривать Черепу. Пьяный член банды Бена продолжал: – Какого хрена делает эта тряпка на твоём прекрасном личике? Что у тебя с глазом? – Тот, кому ты хотел отправить мой язык в виде сувенира, выколол мне его.

– Твой батя немного поиграл с тобой?

– Да, и мой батя научил меня одной простой вещи, хочешь узнать?

– Валяй!

Одноглазый схватил нож с соседнего столика и поднес его к горлу Черепу.

– Мой батя научил меня простой вещи – резать, и мой вытекший глаз может это подтвердить.

– Я понял, понял, бро, – заикаясь, простонал Череп. – Я немного выпил, не знаю, что на меня нашло.

– Вот и решили, – одноглазый парень убрал нож от горла

Череп.

Череп еще раз бросил взгляд в сторону незнакомца и сделал глоток пива:

– Я Череп, буду рад знакомству, – он протянул руку.

– Ник, меня зовут Ник.

– Значит, вы с твоим батей не сошлись характерами? Мы с моим папкой вообще не разговаривали толком. Даже грустно как-то от этого.

Одноглазый Ник потянул свой коктейль из трубочки, перевел взгляд сначала на Череп, потом вперед себя и сказал:

– Иногда лучше не касаться того, что может причинить тебе боль.

– Забавно, а мне как раз больно от того, что ко мне так ни разу и не прикоснулись.

Бен

Отец Бена был успешным, уважаемым бизнесменом. Он много времени проводил на работе, поэтому общение с сыном было сведено к минимуму. Как и Череп, Бен не знал внимания своих родителей. Мать Бена, конечно, старалась

заниматься с сыном, но у нее выходило это паршиво, поэтому он так и не познакомился с заботой.

Его вырастил телевизор. Пока мама увлекалась современными трендами, листая журналы, Бен впитывал информацию, которая ему предлагалась голубым экраном. Все правила поведения и парадигмы своего восприятия он сформировал благодаря картинкам, которые мелькали по ящику.

Бен знал наизусть многие диалоги из его любимых фильмов и с радостью цитировал «Крестного отца», «Бешеных псов» и Винсента из «Криминального чтива». Он увлеченно повторял каждое слово, искренне веря в то, что нет ничего более интересного, чем разобраться с кем-то «за дело».

Он был высоким, от природы крепким парнем. Его глаза всегда блуждали где-то в пространстве, он не умел смотреть на людей четко, его зрачки бегали, хватаясь за все детали окружения. Его знаменитые кулаки уже в раннем детстве были очень большого размера, хотя пальцы на них, как маленькие сардельки, не внушали страха. Еще стоит заметить, что его тело было непропорциональным: маленькие руки и длинные ноги. Бен часто сжимал зубы так, что скулы играли волнами, а густые брови хмурились на любой внешний раздражитель.

Однажды во время семейного ужина Бен заявил, что намерен заняться единоборствами. На вопрос отца, для чего ему это, ответил, что так он будет уверенней себя чувствовать.

В девять лет Бен имел своего личного тренера по борьбе. Родителям нравилось увлечение сына, ведь теперь они могли спокойно заниматься своими делами. Как-то на соревнованиях Бена поставили в спарринг с парнем в два раза больше него, но это не только его не испугало, но и, наоборот, еще сильнее разожгло в нем желание победить. Вообще, молодому Бену был неведом страх, это чувство атрофировалось у него за ненужностью, все дело в том, что он никогда не вовлекался в свои переживания, поэтому не замечал и даже не знал никаких эмоций внутри себя. Он был всегда нейтрален, его невозможно было разозлить или развеселить, а если окружающим и казалось обратное, то только по желанию самого Бена: он изображал чувства, повторяя поведение других людей.

Бен нес опасность, ведь он всегда сохранял хладнокровие. Он не чувствовал крайностей и не мог отличить хорошее от плохого. В природе его мира все было естественно, он делал то, что приходило ему в голову, он был как лев, который, испытывая голод, нападал на добычу, только голод Бена не был физическим, он был другим, более глубоким. Его зуд заключался в причинении страданий людям. В отличие от его напарника, Злого, Бен не искал в этом любви, не пытался самоутвердиться, он просто кормил своего демона, который просил еще больше боли. Бен внимательно всматривался в повадки людей, копировал их, но при этом оставался со-

бой. Он нес только разрушение, его непоколебимость развила в нем невиданную силу, и каждый, кто находился рядом, чувствовал внутри Бена непробиваемую бетонную стену. На уровне ощущений Бен был жестким. Даже не прикасаясь к нему, можно было почувствовать его твердый характер.

Злой, совершая свои опыты, эмпирическим путем выяснил, что предел стойкости есть у каждого и под давлением внутренний стержень ломается и личность терпит крах, оставляя на своем месте голую, беззащитную сущность, готовую подчиниться и быть покорной. Сущность Бена была защищена непробиваемым слоем накопленного опыта или наблюдений, а может, и излишней самоуверенностью. Сейчас сложно установить, чем питался его дух, но было понятно, что современное время тесно для Бена, ведь в нем жил викинг, желавший кормиться кровью и страхом окружающих.

В подростковом возрасте его мать стала наблюдать в сыне сильные метаморфозы и даже стала сторониться его, подсознательно испытывая страх. Она сказала об этом мужу, на что тот ответил:

– Наш сын мужчина, он должен быть сильным, это же его природа – быть защитником.

– Но он не защищает, он, как хищник, высматривает добычу. Я иногда вижу в нем желание причинить мне боль, ты понимаешь?

– Это все твои фантазии, родная.

– Это не может быть моими фантазиями. Когда ты уходишь на работу и оставляешь меня с ним, в огромном доме наступает тяжелая тишина, мне кажется, я даже слышу, как он дышит где-то за спиной, как он фантазирует о страданиях, которые он мне причиняет.

Отец Бена не знал, как поступить. С одной стороны, он не видел особых странностей в поведении сына, а с другой – жена говорила очень странные вещи, в которые не хотелось верить. Но с того момента отец стал присматриваться к сыну и даже нанял охранника для жены, чтобы та чувствовала себя спокойней. Мужчина средних лет поселился в их доме в отдельной комнате на первом этаже. Бену сказали, что этот человек будет помогать по хозяйству.

Однажды, возвратясь поздним вечером, пьяный Бен ввалился в дом и начал дразнить нового жильца. Пытался зацепить его колкими фразами, но тот очень грамотно все нивелировал до тех пор, пока Бен просто не слетел с катушек и не схватил охранника за шкуру.

– Ты в моем доме, брат, – сказал Бен. – Веди себя вежливее со мной, моей мамой и отцом.

– Твой отец мне платит, я уже вежлив с ним, иначе я бы давно остался без работы, – строго ответил охранник.

– Значит, ты относишься хорошо только к отцу? А что по поводу нас с мамой? Ты нас ненавидишь? И вообще, чем ты тут занимаешься? Я ни разу не видел, чтобы ты сделал что-то полезное.

– Я обеспечиваю защиту.

– Обеспечиваешь защиту? Тут уже есть один защитник, и другие нам не нужны, моя семья может быть спокойна, пока я здесь, а ты проваливай отсюда.

Мать Бена услышала бубнеж, переходящий на крики, на первом этаже. Позвонив мужу, она потихоньку спустилась по лестнице и вслушалась в разговор.

– Ты хочешь мою мать? Я видел, как ты на нее пялишься, – все еще держа за шкуру охранника, допытывался Бен.

– Ты болен, – сказал охранник, – отпусти меня, я уйду из этого дома.

Мать, услышав это, сильно занервничала и вбежала в комнату со словами:

– Останьтесь, останьтесь!

– Значит, это ты его хочешь? – переводя внимание на мать, спросил Бен. – Бедный твой муж, платит за то, чтобы ты изменяла ему с этим мужиком.

Бен отпустил охранника и со всей силой ударил по лицу свою мать, та упала на пол. Охранник замер, а перед глазами Бена пролился свет понимания, что он давно хотел это сделать, он давно хотел причинить боль своей матери.

Разрушители

Команда парней под управлением Бена обрела финальный состав, когда ребятам было по шестнадцать-семнадцать лет. У каждого за спиной был свой опыт, свой рюкзак с камнями. Они жили сегодняшним днем, оставаясь беззаботными и позволяя себе все, что только приходило на ум.

Их поведение обуславливалось разными целями: кто-то хотел найти в этом любовь, кто-то – заботу и убежать от страха, а кто-то руководствовался желанием разрушать. У всех членов банды были свои мотивы, но, когда они оказывались вместе, срабатывала синергия, «разрушители» не отдавали себе отчета в совершаемых действиях, они входили в кураж,

и уже никто не мог остановиться.

Некоторые ребята после сожалели о своих поступках, но старались не думать об этом, чтобы не разбудить в себе совесть, которая уже начинала шептать о нравственных принципах. Голос Двойного Бена, подкрепленный поддержкой Злого, был куда реальней внутренних монологов, поэтому Одноглазый Ник и Череп не показывали своих переживаний и, не видя граней, продолжали причинять боль окружающим, чтобы спрятаться от внутренних монстров.

Если Бен и Злой тешили своих чертей, то Череп и Ник убегали от них. Полярности столкнулись, закружив свой бессмысленный танец. Как замочной скважине нужен свой ключ, так и внутренним демонам этих парней требовался свой корм. Они нашли это друг в друге. Личности столкнулись в этом хаосе бытия. Как долго они будут общаться и к чему приведет эта дружба? Люди, живущие по разные стороны баррикад, оказались на одном поле боя внутри себя. Страхи, переживания, стремления – все это движет людьми, и ребята из банды «Разрушители» не исключения.

Каждый из них попал в капкан, из которого нет выхода, кроме того, чтобы избавиться от конечности, которая застряла в этом инструменте парализации. Стесненные обстоятельствами неполноценные подростки, пытаясь на-

йти себя, найти свое предназначение, готовы рвать, бить и грызть подачки судьбы. И ради чего? Чтобы доказать себе, что они чего-то стоят? Доказать, что они нашли свое место, что они обрели власть?

Как быть неполноценным, зажатым, несчастным страдальцам, путникам без личного храма внутри? Что они должны делать? Как они должны жить? Кто их должен согреть и показать дорогу к свету? И нужна ли им она? Нужна ли им эта лунная тропа, которая возвращается вовнутрь?

Они могли лишь бить. Они могли лишь причинять боль. Они могли лишь пойти на поводу предложенных ситуаций. Они «разрушители», их не за что винить.

Переулок. Продолжение

Незнакомец заорал от невыносимой боли. Бен и Злой засмеялись, как гиены, а Череп и Одноглазый Ник попятились назад.

– Что скажете, ребята? Мне кажется, мы отлично поработали! – Бен вытирал нож рукой.

– Ты прав, брат, – поддержал Злой.

– Ник, ты согласен с нами? – переведя внимание на одноглазого подростка, спросил Бен. – Теперь вы с этим мужиком как сиамские близнецы.

– Одняйцевые, – добавил Злой.

Одноглазый Ник промолчал.

– Ты знаешь, брат, – Бен подошел к Нику, – я присматриваюсь к тебе и думаю: что ты вообще делаешь с нами? Что-то ты не очень похож на настоящего разрушителя. Что думаешь, Череп?

– Да нормально все с ним, – перекрикивая стоны незнакомца, ответил Череп.

– Ах да, это же ты его привел к нам в банду, твой протеже, вот ты его и выгораживаешь. Злой, может, расскажем Нику, что мы о нем думаем?

– Слабак твой Ник, – сквозь зубы сообщил Злой.

– Вот и я думаю, что слабак, – подтвердил Бен.

– Ребята, ну хватит, все нормально с Ником, давайте лучше делать ноги, пока полицейские не прибыли, – занервничал Череп.

– Держи нож, Ник, и докажи нам, что ты не тряпка. – Бен протянул холодное оружие, с помощью которого он несколь-

ко минут назад выколол глаз незнакомцу.

Одноглазый Ник взял нож и с тревогой посмотрел на Черепа, а после вернул взгляд на Бена.

– Что я должен сделать? – проскрипел Ник.

– Выколи ему второй глаз. – Двойной Бен показал пальцем на мужчину, который лежал на асфальте в луже своей крови и стонал от боли.

– Да, давай, сделай это, – с дикой ухмылкой подначивал Злой.

Ник понимал: если он не поступит так, как его просят, то у него могут быть проблемы в банде, но выполнить приказ главаря он тоже не мог. Двойной Бен знал о слабостях Ника, тем увлекательней казалась ему игра, которую он затеял.

Ник схватил незнакомого мужчину за волосы, подтянул к себе и увидел кровоточащую дыру на месте глаза. Он поднес острие ножа ко второму глазу и услышал умоляющие стоны незнакомца:

– Нет, нет, пожалуйста, нет.

– Давай, Ник, давай! – как заводной закричал Злой. – Сделай это, покажи, кто тут разрушитель.

– Бен, ну хватит, это уже не смешно, слишком много насилия сегодня, – все сильнее переживал Череп.

– Не переживай, друг мой, я все сделаю, – сказал Ник и, резко бросив незнакомца, развернулся и воткнул нож прямо в центр груди Бена. Тот закричал и с удивлением посмотрел на рукоять, которая торчала из его тела.

Череп схватил кулак Злого, устремившийся в переносицу Ника, и ударил Злого в живот. Ник глянул на Черепа и молча кивнул. Два друга начали метелить тела Бена и Злого. Они давно хотели сделать это, но всегда боялись. Они уже давно терпели всю несправедливость и все уродство, которое жило в этих людях, но еще больше они не любили себя, потому что до этого момента им приходилось поступать, как им говорили, хотя это шло вразрез с их жизненными принципами. Не в этом Ник и Череп видели счастье, и с каждым ударом по Злому и Бену их картина мира становилась ясней, с каждым ударом они выбивали всю грязь из своих уставших душ, с каждым ударом они выбивали своих демонов. Злой и Бен были проявлением слабости Черепа и Ника, и теперь они наконец взяли верх.

У каждого человека в жизни есть свои страхи, свои переживания, но однажды он их понимает и уничтожает, одна-

жды происходит разрушение. Однажды каждый человек становится свободным. Однажды человек становится собой.

***

На следующее утро газеты написали, что в переулке было найдено два трупа. Очевидец, который потерял глаз в той стычке, сообщил полицейским, что его спасли два парня, которые проходили мимо и решили вступить за него. Если бы не они, то его могло бы не быть в живых. Было возбуждено уголовное дело по статье «двойное убийство». Полиция начала розыск парней по приметам, которые описал очевидец. Многие считают, что показания были неверные, поэтому у ребят есть шанс остаться безнаказанными. Как и у любого человека в этом мире, у Черепа и Ника появился шанс начать все заново, ведь каждый новый день – это новая возможность все изменить.

Прикосновение

1

Он жил во времена, когда еда была порезана и расфасована в специальные контейнеры, когда она в готовом виде доставлялась на мобильных летательных аппаратах прямо домой, а в интернете пользователи писали посты не более ста двадцати символов. Весь мир был подобен вспышке. Все для того, чтобы человек мог больше успеть. Сейчас об этом говорить дико, но в те времена информация проскальзывала по поверхности сознания, затрагивая лишь маленькие его участки.

Человеческий ум совсем потерял способность фокусироваться. Как обжора бегает по магазинам, набивая корзинку продуктами, так и орган под черепной коробкой хищно хватался за все, что ему предоставлял гаджет владельца. Чувства притуплялись, уже не было понятно, какая информация полезна, как она может пригодиться в жизни человека и как во всем этом мусоре найти зерно пользы. Ум окончательно взял верх над сознанием, усыпив его своей активностью. Картинки мелькали перед глазами человека, а он лишь сонно разглядывал их, быстро пролистывая все неоднозначное, то, что требовало внимания.

Этот период почти полностью стер контрасты. Все стало легким, понятным, до боли знакомым. Уже сложно было распознать счастье, потому что его обратная сторона – несчастье практически атрофировалось как чувство, а любовь ста-

ла лишь дуновением, которое еле уловимо задевало душу человека.

Эти времена ознаменованы верхом человеческой лени – все было структурировано, все было предсказуемо, никаких «если». На любой вопрос был конкретный ответ, и этот ответ был понятен всем, все мыслили одинаково, потому что потребляемая информация была идентичной. Конечно, личные качества вмешивались в обработку поступающих раздражителей из внешнего мира, но это была такая небольшая погрешность, что несильно влияла на картину дел.

Человека, про которого наш рассказ, звали Дэнис. Он был самым прилежным рабочим в группе создателей инфоблоков. Отличаясь чертовской пунктуальностью, этот человек не спеша прикасался к экрану своего гаджета и

вдумчиво формировал новостные блоки. Все, что его интересовало, – это качественно проделанная работа. Он был ярким представителем своего времени. Его личность можно было выдвинуть на роль собирательного образа всего человечества тех дней.

Подушечки пальцев грациозно скользили по защитному стеклу его электронного устройства, он играючи объединял слова в предложения, предложения – в абзацы, абзацы – в статью, после чего формировал инфоблок и отправлял его в новостную ленту других пользователей. То, чем он зани-

мался, было весьма почетно, так как он влиял на мышление человечества, задавал тренды, при этом было бы ошибкой считать его креативным парнем – Дэнис был простым собирателем: он выхватывал своим острым умом часто повторяющиеся мысли в социальных сетях, возводил их в степень и возвращал обратно в виртуальный мир.

Дэнис, как и все люди того времени, работал дома. Вообще, понятие «офисный сотрудник» или «заводской рабочий» перестало существовать, рабочее место и место для отдыха объединились. Все материальное создавали роботы, а человек лишь это потреблял, вместе с тоннами ненужной информации.

Когда социальная сеть глючила, Дэнис превращался в настоящего параноика. Все дело в том, что в эти мгновения инфоблоки зацикливались, повторяясь через пост, и его мозг, подобно его гаджету, перескакивал и буксовал. Это были самые сложные моменты жизни Дэниса. В остальном все было достаточно предсказуемо, и это ему нравилось – никаких «если». «Никаких „если“» вообще стало гимном тех дней, муссируемым на экранах электронных аппаратов. Люди легко подхватили этот слоган и в любой непонятной ситуации говорили себе: «Никаких „если“».

Наконец-то разум человека обрел то, к чему так стремил-

ся, – комфорт, но жизнь стала какой-то пресной, пустой, из нее что-то ушло. Дэнис чувствовал это, однако гнал переживания из головы. Но долго бежать от себя невозможно, и однажды ему пришлось узнать все стороны мира, в котором он жил. Виной тому стало одно случайное прикосновение.

Мир Дэниса заключался в границах четырех стен. Он почти не покидал свою квартиру. Особого запрета не было, просто у людей пропала необходимость

выходить из своих уютно обставленных комнат. Да и Дэнис знал, что если он выйдет на улицу, то там встретит только сумасшедших, бунтарей, тех людей, которые намеренно отказались от использования гаджетов и, как следствие, не примкнули к потребителям информации. Они пошли по другому пути. Они организовали течение «Созидатели». Это была маленькая группа людей. Только они и роботы-доставщики свободно перемещались по заброшенным улицам города. Остальные, выбрав комфорт и развлечение, потребляли информацию в своих квартирах. Интернет сообщал разные новости о «Созидателях», и всем было понятно, что встреча с ними ни к чему хорошему не приведет.

Квартира Дэниса была чуть больше коробки от холодильника. Вмещала стол с компьютером, которым Дэнис пользовался редко, одноместную кровать, душевую кабинку и устройство для нужд. Дэнис любил проводить время на кровати, он почти не вставал с нее, всегда держа перед собой

небольшой планшет, на котором и работал. Стоит добавить, что в комнате не было порядка: разбросанные коробки от еды, сваленная в кучу одежда. Роботов-уборщиков он отключил, потому что не любил жужжание, которое они издают.

В тот день, когда все началось, за квадратным окном квартиры Дэниса стояла солнечная погода. Была весна. Он не торопясь встал с кровати. Зайдя в кабинку, чтобы принять душ, открыл кран, но ничего не произошло.

– Сара, что с водой? – сказал Дэнис вслух.

– Пробой в трубе. Отправить роботов-ремонтников? – на всю комнату раздался механический женский голос.

– Да, – ответил Дэнис.

Он угрюмо вернулся на кровать и взял планшет. Нежно прикоснувшись к экрану, Дэнис «разбудил» его. На экране гаджета было написано: «Прорыв трубы в подвале вашего дома, роботы-ремонтники уже в пути». Дэнис смахнул это сообщение и зашел в социальную сеть, ведь вся жизнь человека того времени проходила именно в ней. Перед глазами Дэниса замелькали кадры какого-то фильма. Сюжет был банальный: главный герой вышел на улицу, и на него напали «Созидатели», они отобрали его гаджет и позвали с собой, герой фильма не согласился и помчался домой. Дэнис вос-

хитился его храбростью.

После фильма Дэнис быстро пробежал глазами небольшую статью, из которой узнал, что женщины все реже беременеют. Конечно, роботы всё так же доставляют банку с оплодотворенными клетками, а женщины их внедряют в свое тело путем уколов, но почему-то организм женских особей отвергает клетки, только тридцать процентов самок беременеют, и из них лишь десять процентов рожают. Это была неинтересная статистика, поэтому дочитывать до конца Дэнис не стал.

– Что там с водой? – пробурчал он себе под нос.

Люди того времени совершенно не умели ждать. И, как следствие, они не чувствовали жизнь так остро, ведь острота заключается в оттяжке момента.

– Где эта чертова вода?! – со злостью прокричал Дэнис.

– Роботы-ремонтники не могут заехать в подвальное отделение дома, им что-то мешает, – электронным голосом сообщила Сара.

– И что теперь делать? – озабоченно спросил Дэнис.

– Я могу вызвать подмогу для роботов-ремонтников, но этот запрос увеличит стоимость работ.

– Лучше сам посмотрю, что к чему, я и так уже сильно потратился, – с легкой неуверенностью сообщил владелец сломанного душа.

– Но это опасно! – возразила Сара.

– Мне уже двадцать два, я сам могу понять, что опасно, а что нет, – упрямо заявил Дэнис.

По правде говоря, главный герой нашего рассказа очень переживал, он не хотел признаваться в этом даже себе. Вместе с тем Дэниса тянуло за пределы комнаты. Его часто будоражила идея увидеть внешний мир своими глазами, ведь он его знал только через соцсеть, а здесь возникала такая возможность. Он жил в своей собственной квартире с тринадцати лет, после того как его распределили в Северный Мегполис. Как и любого ребенка того времени, Дэниса воспитывали в специальном детском учреждении, где детьми занимались виртуальные няни – мобильные телевизоры на колесах. У каждого ребенка была индивидуальная няня. Няню Дэниса звали Сара. Да, это она сейчас разговаривает с ним:

– Тебе не стоит покидать пределы комнаты, ты можешь не вернуться обратно, на тебя могут напасть «Созидатели».

– Сара, я просто хочу немного сэкономить, чтобы потом

обновить свой аккаунт до премиум-статуса. Мне удастся это, если я сам справлюсь с трубой. Я туда и обратно, – сказал Дэнис.

– Никаких «если»! – прокричала Сара. – Никаких «если»... И не смей меня выкл... Дэнис выдернул шнур из вайфай-роутера и, подойдя к кровати, нашел какие-то очертания одежды в куче барахла около нее. Надев футболку и старые штаны, с большой тревогой, с замиранием сердца и легкой судорогой в руках, он взял планшет, на котором по-прежнему светилась красная надпись: «Прорыв трубы в подвале вашего дома, роботы-ремонтники уже в пути», и вышел из квартиры. Повернув замок на два оборота влево, он шагнул в новый для себя мир.

2

Дэнис увидел лестницу, круто уходящую вниз. Он не спеша начал спускаться. Осторожно делал каждое движение. У него было такое ощущение, что он только что проснулся, что вся его жизнь была лишь сном. Как будто все, чем он занимался до этого, было каким-то обманом. Он почувствовал что-то значимое в душе и сразу же захотел написать об этом в соцсети, но одернул себя.

На каждом лестничном пролете находилось по шесть дверей, и за каждой кто-то жил, кто-то сейчас читал новые посты в интернете или постил сам. Дэниса что-то кольнуло, он словно посмотрел на свою жизнь снаружи, от третьего лица.

«Ведь и я так же провожу жизнь – за дверью», – подумал он.

Оказавшись перед дверью подъезда, он посмотрел по сторонам, а после – на свой планшет, на его экране по-прежнему горела красная надпись: «Прорыв трубы в подвале вашего дома, роботы-ремонтники уже в пути». Дэнис увидел спуск в подвал, но выход из подъезда его потянул больше. Он толкнул дверь вперед, и солнечный свет ударил в глаза Дэниса.

Перед ним возникла удивительная картина, то, что он никогда не видел вживую, то, что мелькало перед глазами на экранах его гаджетов. Он почувствовал легкое дуновение ветра в лицо и неосознанно улыбнулся. Подойдя к дереву, он с любопытством коснулся коры – ее мелкие частички посыпались, что удивило Дэниса. Он сделал фотографию на планшет. Сложно отказаться от привычек, поэтому Дэнис сформировал новый инфоблок с фотографией своего открытия, но не смог его отправить, так как на улице не было доступа к интернету. И у Дэниса сразу же возникла паника.

– Нет, нет, нет... Так нельзя, мне необходимо срочно возвращаться домой, мне необходимо срочно возвращаться домой, – повторял он. – Сара, Сара! – начал он кричать, как будто очнулся и только сейчас понял, где он.

Он был в незнакомом месте в незнакомой ситуации, это было совершенно новым состоянием для него, он ничего подобного никогда не испытывал. Глубоко вдохнув, он попя-

тился в сторону своего подъезда. «Что я делаю? Что я делаю? – ругал себя Дэнис. – Так нельзя! Что скажет Сара?»

Он дернул ручку ведущей в его подъезд двери, чтобы вернуться домой, но периферическим зрением засек какое-то движение вдалеке.

– Это точно был не робот, – прошептал Дэнис и, заинтересованный, посмотрел в сторону, где только что заметил движение.

В его голове забегали мысли. Закралась идея:

– Я должен посмотреть, что это, я должен посмотреть...

– Но это опасно, – возразил он сам себе.

– Я все-таки должен! – сам же и отмел возражение.

Он с предосторожностями двинулся в конец своего дома, туда, где совсем недавно промелькнул какой-то силуэт. «Если это будут „Созидатели“, что мне тогда делать? Они же все отберут у меня, я останусь ни с чем, – размышлял Дэнис, делая неуверенные шаги. – Но это любопытство... Почему оно такое сильное? Меня так тянет узнать, что это, мне так хочется познакомиться с этим», – не мог угомониться он.

И в самом деле, Дэнис очень рисковал, идя навстречу чему-то новому, но он не мог по-другому. Быть может, он очень устал от однообразной жизни, или его утомили действия, которые он производил каждый день, но наш главный герой с каждым шагом все дальше уходил от того, к чему привык, с каждым шагом он брал ответственность за то, что с ним будет дальше. Здесь уже неизвестно, любопытство, усталость, скука или какое-то другое состояние повлияло на Дэниса, но в эти минуты осознанности он, сам того не понимая, безжалостно рушил систему, которая жила внутри него.

Дэнис завернул за дом. Перед ним открылась большая улица, на которой перемещались роботы, их было много, даже очень. Роботы хаотично ездили туда– сюда, но они не интересовали Дэниса – взглядом он впился в убегающий силуэт. Внутри все крутилось, было ощущение, что он находится в центрифуге и сейчас его стошнит. Дэнис не двигался. Ум молчал, он не знал, как реагировать на то, что происходило вокруг. Дэнис никогда не видел другого человека, а сейчас убегающий силуэт манил его. «Я должен догнать его, я должен догнать его!» – говорил себе Дэнис.

И он побежал. Расталкивая роботов, он быстро преодолевал расстояние между ним и силуэтом. Он как мотылек летел на огонь. Совсем не переживая, что будет дальше, Дэнис приближался к загадочному человеку. Силуэт скрылся за уг-

лом. Дэнис не отставал.

На какую-то секунду он снова очнулся, чуть замедлил ход, осмотрелся по сторонам. «Что я делаю? – спросил он себя. – Я же не знаю дороги обратно! Хотя это не сложно, прямо и один поворот налево».

Что-то боролось внутри Дэниса. Должно быть, это рушился его мир, и парень оправдывал себя, успокаивал возможностью все вернуть. Но при этом он понимал, что как раньше больше не будет, в эти минуты все, к чему он привык, менялось.

Дэнис продолжил бег. Должно быть, этот бег символизировал скорейшее избавление от однообразной, скучной жизни, этот бег символизировал бунт, к которому Дэнис был давно готов, но боялся сделать первый шаг.

Вслед за силуэтом он резко повернул за угол и на повороте врезался во что-то мягкое и одновременно твердое, что остановило его. Он отскочил, попятился. Не торопясь поднял глаза и увидел перед собой девушку в камуфляжной одежде.

3

В жизни любого человека все тайные желания рано или поздно реализуются, ведь так устроена наша Вселенная. И в минуты, когда Дэнис столкнулся с загадочной девушкой,

в его голове промелькнула мысль, что он очень хотел этого. Он чувствовал, что сейчас наполнен чем-то забытым – гремучей смесью страха, любопытства, настоящего счастья и неуверенности, но этот коктейль эмоций определенно нравился Дэнису. Наконец-то он почувствовал себя живым, почувствовал то, от чего прятались люди, и он вместе с ними. А человеку нужно все, что дает жизнь.

– Что уставился?! – спросила девушка. – И почему ты за мной следишь?

Это был шок, Дэнис ни разу не слышал вживую голоса людей, только аудио– и видеозаписи, но разве это считается?

– Ты глухонемой? – попыталась вытащить ответ девушка.

– Я... я... я первый раз здесь, я только первый раз за пределами своей комнаты, – промямлил Дэнис.

Девушка посмотрела на планшет в его руке и спросила:

– Ты инфопожиратель? Ты один из них?

– Что это значит – инфопожиратель? Просто сегодня у меня сломался душ... – Не успел договорить Дэнис, как его перебила упрямая девушка:

– Все понятно. Ты информационный зомби. Ты же зна-

ешь, что мир окончательно свихнулся тридцать лет назад, люди погрязли в своих гаджетах и перестали выходить на улицы, возложив на роботов всю рутинную деятельность. Так ты тоже продукт этой системы? Почему ты вышел за пределы своей комнаты? У вас же это не принято!

– Мне стало очень любопытно... – неуверенно ответил Дэнис.

– Любопытно? Интересно. Маме это понравится. Она утверждает, что из сознания людей любопытство окончательно стерлось, ведь для него нужен дефицит информации, а сейчас ее предостаточно! – заявила девушка.

– Мама? У тебя есть мама? Но ведь мамы отдают своих детей после родов, их забирают виртуальные няни на воспитание. У меня есть такая, ее зовут Сара. И она, наверное, будет чертовски зла, если узнает, что я сделал.

– Да, у меня есть мама. Она меня родила и оставила, она никому меня не отдавала. Хочешь, я познакомлю тебя с ней? Ты ей очень понравишься! – сказала девушка.

– Познакомить с мамой... Это очень сложно для меня...

Как и любому человеку, Дэнису сложно было принять аб-

солютно новые обстоятельства. Вся его сущность противилась любым новым мыслям, потому что они были непривычны для него, но в глубине души он понимал, что во всем новом кроется что-то таинственное, что-то необъяснимое – как сама жизнь.

4

И Дэнис пошел за незнакомкой. Он с удивлением смотрел по сторонам, но еще больше он удивлялся девушке рядом. Конечно, с каждым шагом его сомнения увеличивались. Он переживал, не попадет ли в ловушку, не отнимут ли у него гаджет, и даже возникали самые кошмарные мысли – не убьют ли его? Дэнис пытался в голове решить все эти вопросы, ответить на каждое свое «если». Это как играть в дурака: когда под тебя ходят, нужно ответить высшей картой на карту оппонента; так и Дэнис на каждую свою мысль давал ответ, это была партия со своими переживаниями. Он точно знал, что должен оправдать свои поступки, ведь любопытство вело его, и он не мог сопротивляться. Если хорошенько подумать, то вела его жажда приключений, жажда испытать что-то новое. Но вспомнились фильмы, которые он смотрел на своем гаджете под грифом «приключения», и его затрясло – герои этих лент всегда попадали в передряги. Значит, его тоже ждали передряги? «Приключений на кровати не бывает!» – ответил он сам себе.

И тут случилось неожиданное. После того как они повернули за угол очередного дома, на них обрушился сильный

порыв ветра. Для Дэниса это стало шоком, он никогда не ощущал, как нечто невидимое обволакивает его тело, прикасаясь своими воздушными потоками. Он почувствовал, как что-то сильное обнимает его, и в ответ каждая клеточка его организма слегка улыбается. На него это произвело такое большое впечатление, что он остановился на несколько секунд, чтобы максимально прочувствовать новые ощущения. Незнакомка остановилась тоже.

– Ветер. Если он мягкий и теплый, то становится приятно, аж хочется закрыть глаза от удовольствия, а если он сильный и морозный, то хочется бежать от него. Казалось бы, одна сила, но ощущения такие разные, – заметила она.

Дэнис ничего не ответил, лишь посмотрел на нее, посмотрел в самые глаза. «Какая она красивая!» – подумал Дэнис.

«Я что-то чувствую внутри себя, что-то теплое, что-то манящее, от чего замирает дыхание, кружится голова. Это определенно что-то значит. Но что?.. И что это за зуд внутри меня? Почему мне хочется прикоснуться к ней? Почему мне хочется

коснуться ее золотистой кожи, почему мне хочется сжать ее запястья и запустить свою руку в локон волос? Откуда эти желания и почему я так встревожен?»

– Ты что-нибудь знаешь про ГМО? – знакомка отвлекла

Дэниса от мыслей. Дэнис отрицательно покачал головой.

– Мама говорит, это нечто измененное, модифицированное, ненатуральное. Она говорит, что современное общество – это ГМО, искусственно выращенные состояния человека. Все подменено! Все, что так важно человеку: духовный, социальный и даже материальный опыт, – все это подменили. Людям дали виртуальную социальность, где существует суррогатная гармония. Духовность как поиск смыслов забили конкретными ответами, которые губят в зародыше любую мысль о чем-то большем. Все это ГМО, все это подменено, пустое, понимаешь?

– Не совсем, – ответил Дэнис.

Незнакомка вздохнула, хотела было что-то добавить, но не стала, лишь продолжила движение. Дэнис пошел за ней.

– Где ты живешь? – спросил Дэнис.

– Я живу в небольшом районе, там нет инфопожирателей, и роботов тоже. Вместе со мной живет мама, это ты уже знаешь. Еще с нами живет человек тридцать – мужчины, женщины и дети. У кого-то, по системной ошибке, не оказалось своей квартиры, и после детского дома им пришлось искать кров на улице, а кто-то, как я, никогда и не были в системе, потому что родились уже вне ее, – объяснила незнакомка. – Мама говорит, что у любой системы есть погрешность,

нет ничего идеального, все равно найдется кто-то или что-то, что помешает идеальному строю, и мы и есть это системное недоразумение, – с улыбкой добавила она.

– Значит, я тоже недоразумение? – попытался подыграть Дэнис.

– Это мы посмотрим. Пока что ты ГМО. Модифицированный организм, – с едва заметной ухмылкой сказала девушка.

– Звучит обидно твое ГМО!

– Привыкай, ты еще много услышишь от меня обидных фразочек! – поддразнила незнакомка и ткнула Дэниса локтем.

В момент, когда локоть незнакомой девушки коснулся руки Дэниса, он осознал, что это первое неслучайное прикосновение к нему. В эту секунду он понял, что

его мир больше не будет прежним, потому что почувствовать энергию другого человека рядом – ни с чем не сравнимое впечатление.

– А твоя мама знает, почему общество выбрало такой формат взаимодействия между людьми, почему мы расселились по своим квартирам и исключили живое общение? –

спросил Дэнис.

– Этот выбор сделал не человек, этот выбор сделали технологии. В какой-то момент люди потеряли контроль над своими изобретениями и увлеклись ими настолько, что совсем перестали замечать жизнь. Сначала это было безобидное желание модернизировать обмен информацией и структурировать экономические процессы, потом новшества ворвались в жизнь обычного человека, и он стал использовать современные возможности для придания себе значимости. Инструментом стали социальные сети, в которых пользователи пытались удивить окружающих – старались набрать как можно больше друзей и получить побольше лайков, но это ты и сам знаешь, так как современная социальная сеть – это расширенная версия системы, которая набирала обороты в то время. Людям нравилось быть интересными, и виртуальный мир удовлетворял эту потребность. Со временем, после смены поколений, абсолютно все было построено на обмене информацией через интернет. Приняли критерий – все, чего нет в Сети, нет в реальности; картинки и текст на экранах гаджетов стали истиной. Теперь было незачем смотреть по сторонам, когда все можно увидеть в устройстве, держа его в руке. Весь мир поместился в ладонь. Технологии стали развиваться еще быстрее. Нажатия одной кнопки было достаточно, чтобы тридэ– принтер печатал еду, строил дома, размножал рабочую силу в виде роботов. Мир становился идеальным. Такие понятия, как неизвестность и неуверенность,

изжили себя, человеческий ум получил то, что хотел, – комфорт, ему больше не надо было переживать за будущее. Все переживания, которые наполняли жизнь смыслом, исчезли.

– Ну, если переживаний больше нет, то почему я испытываю их сейчас, почему я переживаю о том, что будет со мной дальше? – перебил Дэнис.

– Потому что ты за пределами того мира, к которому привык. Если ты пороешься в памяти, ты ничего не вспомнишь, ведь люди запоминают только переходы от одного состояния к другому – это самые яркие впечатления.

– Но я помню эти переходы. Когда я смотрел фильмы про людей, которые покидали свои квартиры, и на них нападали «Созидатели», я волновался, а как сюжет заканчивался, я развлекал себя веселой информацией, и мне было хорошо. – Это была не твоя жизнь, ты проживал чужие эмоции, но думал, что впечатления были твоими.

– Но они были, – возразил Дэнис.

– Это все ГМО, это подделка, это лишь суррогат переживаний, но не сами переживания. Ты понимаешь? Это лишь американские горки, карусель, на которой тебя катают такие же информационные пожиратели, как и ты. Я предлагаю тебе испытать контрасты жизни, все ее стороны. Ты все поймешь, когда познакомишься с мамой, она обязательно поможет те-

бе.

– Так кто же твоя мама?

– Я должна тебе признаться: моя биологическая мама умерла, а та Мама, к которой я тебя веду, является матерью всех «Созидателей», она наш лидер, взявшая ответственность за всех, это она показала нам настоящий мир.

5

Дэнис нервничал. После того как на него обрушилась новая информация, он совсем не знал, что делать. У него даже появились мысли развернуться и побежать домой, к своей электронной няне. Это был сильнейший стресс, ведь Дэнис никогда не испытывал ничего подобного, а теперь зашел так далеко. И мало того, что зашел далеко, так еще и попал в какую-то обманную сеть, расставленную незнакомкой. «Куда она меня ведет? Что со мной будет?» – непривычные мысли никак не могли уйти из его головы.

Дэниса дурманило это состояние, тошнота подступала к горлу. Весь мир стал каким-то нереальным, размытым, туманным. «Что тогда реальность? Где я должен быть? Если та жизнь, которую я живу в своей квартире, – суррогат, то настоящая жизнь – это вот эти переживания и неприятности? Теперь я понимаю, почему человек всегда хотел избавиться от них!»

Он все больше сомневался в добрых намерениях незна-

комки. В его голове звучало: «Это не моя мама, она мать всех „Созидателей“». «Получается, она меня обманула? Как я могу теперь ей доверять?» – думал Дэнис. «Беги, беги, беги!» – усиливался голос внутри.

– Мы почти пришли, – прервала размышления девушка. – Еще один поворот – и мы на месте.

«Еще один поворот отделяет меня от неизбежного перелома, готов ли я к этому? Выдержу ли я?» – мысли Дэниса кружили свой хоровод.

– Скоро ты узнаешь истину, – нагнетала незнакомка. – Скоро ты узнаешь, от чего ты отказался, Мама покажет тебе путь!

«Все это звучит как религиозные призывы. Может, фильмы не врут? Может, и правда стоит опасаться „Созидателей“?»

Человека всегда манит все скрытое, необъяснимое, загадочное. Все, что не может быть понято сразу, привлекает больше, чем очевидное. Неизвестность притягивает. Как раз по этой причине Дэнис, наш главный герой, стоял рядом с незнакомкой и смотрел на район, в котором жили «Созидатели».

Жизнь кипела. Столько людей в одном месте Дэнис не видел ни разу. Он минут десять назад познакомился с живым человеком, а сейчас уже находился там, где проживало око-

ло тридцати человек. Вихрь последних событий закружил Дэниса, и он окончательно запутался. Правильно ли он поступает? Что будет дальше? Может, стоит вернуться домой, где все понятно и нет никаких «если», вернуться в зону своего комфорта? Как же он хотел поддаться своим слабостям и пойти на попятную! Но этот зуд стремления к новому крепко держал Дэниса.

– Ева, кого ты снова привела? – окликнул какой-то мужчина спутницу Дэниса.

– Это инфопожиратель, привела его на перевоспитание, – с улыбкой ответила та. «Значит, ее зовут Ева», – мечтательно подумал Дэнис, пропустив мимо ушей слова про перевоспитание.

– Ты уверена, что Маме это понравится? – поинтересовался мужчина.

– Он любопытный экземпляр, таких мы еще не встречали.

– Ты уже несколько раз говорила что-то подобное, и где они сейчас? – не уступал мужчина.

– Этот точно другой! – уверенно сказала Ева.

– Ну хорошо. Посмотрим, пройдет ли он тест, – добавил

мужчина. – Только помнишь, что случилось с инфопожирателями в последний раз? Когда экземпляры, которых ты привела, совсем с катушек съехали. Маме тогда это очень не понравилось! Она же у нас строгая. Помнишь, какое ты наказание тогда понесла?

– Помню... – угрюмо ответила Ева.

– Посмотрим, насколько этот инфопожиратель отличается от других, – ухмыльнулся мужчина и покинул Дэниса и Еву.

– Другие инфопожиратели? – неуверенно спросил Дэнис.

– Ну да, было парочку, – пытаюсь не продолжать разговор, быстро ответила Ева.

В это мгновение в глазах Дэниса потемнело, сердце сильно забило, а земля начала уходить из-под ног. Он стал понимать, как ошибся, придя сюда.

– Тебя же зовут Ева? – сжимая крепко в руках свой гаджет, уточнил Дэнис.

– Да, я не успела представиться, меня зовут Ева.

– Это очень хорошо. Можно я пойду домой, Ева? – попя-

тившись, спросил Дэнис.

– Тебе не стоит этого делать. Дмитрий немного перегибает.

– Но тогда что случилось с той парочкой инфопожирателей? – немного заикаясь, произнес Дэнис.

– Если быть честными, то они умерли. Убили себя. Один бросился с крыши дома, а другой перекусил электропровода.

– Ева, я все же пойду домой, – стал настаивать Дэнис.

– С тобой все будет по-другому, они просто не смогли перестроиться. А ты сможешь, я уверена! – воскликнула Ева.

– Почему это так для тебя важно, почему тебе важно, чтобы я остался? Тебе нравится издеваться над инфопожирателями, как ты нас называешь, провоцировать на самоубийство?

– Не совсем так. Мы хотим перевоспитать все поколение зависимых от информации, но для начала нам нужно проделать это хотя бы с одним. Необходимо, чтобы хотя бы один человек смог в полной мере обратить внимание на мир, который нас окружает, а не на тот мир, который он держит в

руке, – с вызовом ответила Ева.

– Но я не лабораторная крыса! – возразил Дэнис.

– Ты уже давно лабораторная крыса, – спокойно ответила девушка. – Человек, который не пропускает через себя жизнь, который не испытывает всю полноту

чувств, который не ищет ответы, который не развивает себя, всегда останется лишь лабораторным животным в руках других людей.

– Называй как хочешь, это лишь игра понятий, но мне моя жизнь нравилась. А сейчас мне больно, меня всего трясет, потому что мне страшно, потому что я не знаю, что меня ждет! – закричал Дэнис.

– В этом и заключается твоя уникальность. Ты открыт к новому, ты открыто выражаешь свои чувства. Ты открыт к жизни. Дай нам возможность! Доверься нам. Доверься нашей Маме. Когда ты познакомишься с ней, ты все поймешь. Она замечательная.

– Нет.

– Значит, нет? – загадочно переспросила девушка.

– Нет.

– Тогда ты должен извинить меня за то, что я сейчас сделаю... – с этими словами Ева вонзила электрошокер в тело Дэниса, и тот с гримасой безысходности упал на землю, прокричав в судорогах:

– Я так и знал...

6

Каждый человек хотя бы раз в жизни ненавидел себя. Даже говорят, что, если человек не думал о самоубийстве, он ненормальный. И тогда что считать нормой? Норма – быть как все, параноиками и психами? Норма – спрятаться от проблем в идеальном мире за стенами своей комнаты и развлекать себя веселым контентом? Что есть норма?

Неужели человеку понятен только мир позитивных чувств? Почему человек никогда не хочет касаться противоположности всего хорошего? Раз мир это предлагает.

Ненавидеть себя – самое легкое. Ненавидеть всех вокруг еще проще. Быть одному – беспроигрышный вариант, но этого ли хочет жизнь? Проживать сонные дни, боясь каждого шага, и если даже не бояться, то перекладывать ответственность за себя на других и говорить всем в ответ: «Это он виноват!»

Как бы сейчас Дэнис хотел сказать, что виноват кто-то другой, но не он! Мир прошлого этого не допускал, в мире прошлого человек был в центре, предоставленный самому себе с кучей-кучей разной информации. Каждый отвечал за себя, и сейчас Дэнис, находясь в запертой клетке, винил во всем только себя.

Сжавшись в комок, он бился затылком о стену и ругал себя хлесткими словами. Если бы язык был кнутом, то все его тело давно уже было в глубоких ранах.

Он сидел и вспоминал, как все началось: прорыв трубы, выход на улицу, встреча... Между яркими высказываниями в свой адрес Дэнис вызывал в памяти прикосновения незнакомки, сначала случайное столкновение двух тел в пространстве, а после – шутовское касание локтем. Но не эти прикосновения были главными – больше всего его волновало прикосновение к чему-то важному внутри: незнакомка тронула его, тронула за что-то живое, за то, чего Дэнис не знал в себе, и это «что-то» сейчас расцвело. Это «что-то» было таким слабым, едва заметным, что приходилось сильно-сильно пожелать, чтобы разглядеть его. Наш герой испытывал противоречивые эмоции: с одной стороны, он был очень зол на Еву, а с другой... с другой – он что-то чувствовал к ней, что-то теплое, но что – не мог объяснить. Он слышал, что раньше было такое состояние, как любовь, он либо читал об этом в социальной сети, либо видел в кино. Дэнис, кажется, начал

понимать, что он чувствует сейчас нечто подобное к Еве. Он совершенно ясно понимал, что это нелогично, но разве любовь логична? Разве любовь знает логику? Разве любовь приходит только по причине? Разве любовь не может ворваться в жизнь и проявиться в облики даже самого скверного человека? Да, Ева поступила скверно, закрыв его за решеткой, но он так хотел снова увидеться с ней, даже больше, чем вернуться домой, в зону своего комфорта!

– Даже если бы я ушел домой, я бы обязательно вернулся к ней, – сказал шепотом Дэнис. – Я бы не смог совладать с этим чувством. Пусть Ева меня бы убила, но я бы вернулся...

Скрипнула дверь, в нее вошли двое. Дэнис различил голос Евы. Суть разговора парочки была непонятна, но с их приближением слова становились четче.

– Это он! – Ева махнула в сторону сидящего на полу Дэниса.

– Как тебя зовут, сын мой? – спросила женщина рядом с Евой.

– Меня? – неуверенно переспросил тот. – Дэнис, меня зовут Дэнис.

– Хорошо, Дэнис, можешь называть меня Мамой.

5/1

– Мама, Мама! Я нашла его, я нашла того, кто нам нужен!

– Отдышись, дочь моя, сделай глубокий вдох и расскажи.

Ева так и поступила. Сначала глубоко вздохнула, закрыв глаза, а потом рассказала о встрече с молодым инфопожирателем.

Мама задумчиво спросила Еву:

– Хорошо. Как зовут этого незнакомца?

– М-м-м-м-м... Я не знаю, все так быстро произошло, что я даже не спросила его имени. Он мне очень понравился. Он какой-то не такой, как все, он другой. Мне было интересно с ним, я увлеклась и размечталась об успехе нашей миссии.

– Почему ты решила, что он подходит нам? Может, он подходит только тебе? – Мама перебила воодушевленную Еву.

– Нет, он точно подходит для нашей миссии. Он очень открытый человек, он делится своими переживаниями, он не похож на других инфопожирателей, он сможет рассказать,

какие эмоции он испытывал раньше и какие эмоции он испытывает сейчас. Мы найдем ключ к психике современного человека, я уверена.

– Значит, ты его закрыла в клетке... – задумалась Мама. – Этим ты убила его доверие, нам будет очень сложно работать с ним, если он такой уникальный, как ты говоришь.

– Я испугалась, что он уйдет, мне так хотелось его удержать.

– Так людей не держат, дочь моя, людей нельзя удержать, людьми нельзя управлять, людям можно лишь приносить пользу, тогда они будут тянуться сами. – Но тогда это тоже прутья, только невидимые, – возразила Ева.

– Клетка – это отсутствие выбора. Всегда необходимо показать выбор человеку. Только в пространстве вариантов человек чувствует свободу, бесконечную свободу рядом с тобой. Хорошо, если получится вдохновить, поделиться энергией, передать знания, но при этом делать это не насильно. Я же тебя учила, ты помнишь?

– Да, помню... При первой встрече с любым человеком лучше всего показать, что я могу дать ему, как могу быть полезна, ведь я пришла в этот мир, чтобы делиться: опытом,

знаниями, вниманием, поддержкой... Я должна нести пользу. – Так почему молодой незнакомец сейчас сидит в клетке?

– Ты права, Мама, я сделала ошибку. Как мне ее исправить? – Как ты думаешь?

– Отпустить его? – неуверенно спросила Ева.

– Отпустить, – ответила Мама.

– Ну а если он уйдет, то наша миссия сорвется?

– Результат, построенный на насилии, никогда не принесет пользы, – сказала Мама. – Ты помнишь, что случилось с двумя инфопожирателями? Ты помнишь, почему они покончили жизнь самоубийством?

– Потому что я давила на них? Но я хотела, чтобы они поняли простые вещи.

– Это были простые вещи для тебя, но очень сложные для них. Ты не пыталась понять инфопожирателей – ты хотела, чтобы они поняли тебя. Поменяй направление, попытайся понять человека, и тогда случится чудо.

– А все же, почему они так поступили? – спросила Ева. Ее мучили угрызения совести. Она искала оправдание в словах Мамы, и Мама это поняла.

– Конечно, твое давление – не главная причина. Они не смогли перестроиться. Они были слишком взрослые, их мышление застыло, они не были готовы к новому, они не были готовы к изменениям. И такое долгое отсутствие привычного им мира вызвало стресс, они просто не выдержали. Несмотря на их желание поменяться, нужно было отправить их в свои квартиры. Ими управляло не сознание, а привычки. Привычка – это первая натура, это столб, на котором строится личность, и эту натуру может изменить только сам человек, точнее, осознанность, если он проснется и поймет, что менять. Но мы не можем заставить – мы лишь можем показать варианты. Нужно не давить на человека, а дать возможность ему проснуться... Это была наша ошибка.

– Это была моя ошибка, – поправила Ева. – Это я с ними работала, это я хотела найти ключи к ним, это я все сделала, ты бы этого не допустила.

– Давай не будем повторять наши ошибки, – сказала Мама. – Давай с незнакомцем поступим по-другому. Давай отпустим его. И если он вернется, если он почувствует в этом смысл, тогда начнем нашу работу...

0

Дэнис, как обычно, лежал с планшетом на кровати. Он тщательно изучал новостные блоки: «Двое человек давно не

выходили в онлайн, на отсутствие

пользователей в Сети среагировали роботы, они направились в квартиры юзеров и никого не обнаружили. Квартиры были пустые», «Новая статистика: 95 процентов времени пользователь проводит в интернете, оставшиеся 5 процентов посвящает общению с электронной няней, небольшой уборке дома и уходу за телом», «Люди почти не спят. Один цикл сна у современного человека сократился до 30 минут. Пользователи предпочитают небольшие блоки погружения в сон вместо одного продолжительного», «Показатель рождаемости по-прежнему в четыре раза меньше показателя смертности».

Таких новостей было много: люди очень полюбили статистику. Человек того времени мог целый день провести в переводе всех наблюдений в цифры: сколько людей на планете, с точностью до одного человека (благодаря данным онлайн), как часто пользователи выкладывают свои селфи, сколько гаджетов приходится на одного человека, самое длинное онлайн-посещение и т. д. Социальные сети пестрели. Пользователи кидали друг другу картинки, общались в большей степени смайликами и эмодзи. Эмоции стали нарисованными на желтых рожицах. Сам же человек, который отправлял какой-либо смайлик, делал это с невозмутимым выражением лица. Слова были сокращены: спасибо – спс, пожалуйста – пж, привет – прив, очень смешно – лол... Все это было придумано для быстрой переписки, чтобы пропустить

через себя больше информации. Информация стала самым дорогим ресурсом. Люди делали все, чтобы в умы пользователей поселилась та или иная идея. Кто-то управлял идеями людей, управлял всем интернет-сообществом и, как следствие, человечеством, но кто это был? Может, это коллективный разум управлял сам собой? Может, черепные коробки юзеров были, как жесткие диски, объединены в общую сеть? Информацию, хранившуюся на диске в отдельно взятой голове пользователя, при необходимости можно было изъять путем запусков определенных алгоритмов? Психология человека была скриптом, прописанным каким-то программистом, или само человечество стало этим программистом? К тому времени было много вопросов и мало ответов, поэтому человек предпочитал не думать об этом, а лишь заниматься понятной ему деятельностью. Можно ли ругать людей того времени за нежелание понять, откуда они пришли и что они делают на земле? Почему они так бесполезно проводили свое время? И в чем критерий этой

бесполезности? Это мы сейчас знаем все тайны мироздания, а тогда люди лишь потребляли доступную им информацию, развлекали себя глупостью друг друга. Сколько циклов прошло человечество, чтобы дойти до этого, сколько раз оно уничтожало себя и начинало заново? Это, наверное, касается всего: чтобы что-то изменить, необходимо уничтожить старое. Чтобы наполнить стакан водой, он должен быть пустым, а если там налито что-то другое – что нужно сделать с этой

жидкостью?..

«Из-за низкой активности физические свойства тела к тридцати годам почти полностью атрофируются. Занимайтесь прогулкой по квартире, приседайте и отжимайтесь!» – гласил рекламный баннер на гаджете Дэниса.

Вместе с физическими сложностями человек тех дней имел проблемы и с органами чувств: вкус, обоняние, осязание из-за редкого использования притуплялись. Еда почти не имела вкуса, вся продукция была сделана на основе химических реакций, запахи редко менялись в квадрате четырех стен, а прикосновения заканчивались на манипуляциях с гаджетом.

В таком мире Дэнис жил до тех пор, пока не обнаружил, что прорвало водопроводную трубу. Пока Дэнис не набрался смелости и не вышел за пределы своей комнаты. До тех пор, пока не посмотрел своим страхам в глаза, пока он не бросил вызов слогану тех дней – «Никаких „если“». До тех пор, пока он не оказался за решеткой...

7

Вся прелесть жизни в том, что она имеет свое завершение. Как бы это ни звучало, какие бы переживания эта идея ни вызывала, но это так. Завершенность бытия, или смерть, всегда ведет нас вперед, предлагает нам выбор и придает значимость каждой минуте. Но стоит ли искать в этом смысл, или достаточно плыть по реке под названием «судьба»?

Когда Дэнис перевел свой взгляд на Маму, она ему улыбнулась. Затем он глянул на Еву – она, застеснявшись, отвела глаза. А он продолжал на нее смотреть. «Какая она красивая...»

– Ты свободен! – сказала Мама, открывая клетку.

Дэнис не поверил своим ушам. «Может, они хотят получить мое расположение и затянуть в еще большие интриги?» – подумал он.

– Как же я от всего этого устал! Это слишком большая череда изменений, – сказал он вслух.

После этих слов Ева посмотрела на Маму, и та кивнула ей.

– Ты можешь идти, – неуверенно произнесла Ева. – Но если хочешь, можешь остаться, я буду очень рада! И... мы тебе поможем.

– Поможете в чем? – спокойно спросил Дэнис.

– Мы научим тебя жить вне системы. Ты почувствуешь все чудо мироздания, ты пропустишь через себя жизнь! – почти воскликнула Ева.

– Мне думается, – начал Дэнис, – вы просто предлагаете мне другую систему. Вы хотите, чтобы я отказался от одной

жизни, жизни, к которой я привык, и начал ту жизнь, которой живете вы, ту жизнь, к которой привыкли вы.

Мама удивленно посмотрела на Дэниса.

– Да, но... – только начала Ева, но Дэнис ее перебил:

– Наша встреча прекрасна, я почувствовал что-то к тебе, у меня появились силы и радость, наша встреча уже изменила меня. Но я не хочу учиться жить по вашим правилам, учиться жить так, как умеете вы. Меня слишком долго приучали к тому, что я знаю сейчас, в мою голову вложили много информации, сформировали тип мышления. Я понимаю: это все не мое, это общество. Но теперь я хочу найти себя. И тут вы мне не поможете.

– Я хочу, чтобы ты... – снова начала Ева.

– Ты хочешь, чтобы я... Но ты спроси, чего хочу я? Вся система построена на том, чтобы обеспечить ее всем необходимым. Я не собираюсь противостоять ей, я ее принимаю. Пускай она остается, оставайтесь и вы, живите так, как желаете именно вы. Во мне давно просыпалось это чувство, но я его боялся, топил литрами информации, и сегодня я говорю всему этому – нет. Я говорю самому себе – да, я буду искать истину внутри себя. Вы помогли мне: то, что я ока-

зался за решеткой, разбудило меня. Теперь мне понятно: все события, которые дает жизнь, необходимо проживать, нельзя отвергать их, потому что никто в мире не знает, к чему они приведут. В моем доме пробило водопроводную трубу, я очень разозлился из-за этого, но, если бы не это событие, я бы не оказался здесь, я бы

не нашел этот смысл. Теперь у меня есть идея, теперь у меня появилась цель, теперь я знаю, чего хочу.

– И чего ты хочешь, сын мой? – спросила Мама.

– Я хочу найти себя, найти свое предназначение.

– Тогда оставайся, твое предназначение здесь! – прокричала Ева.

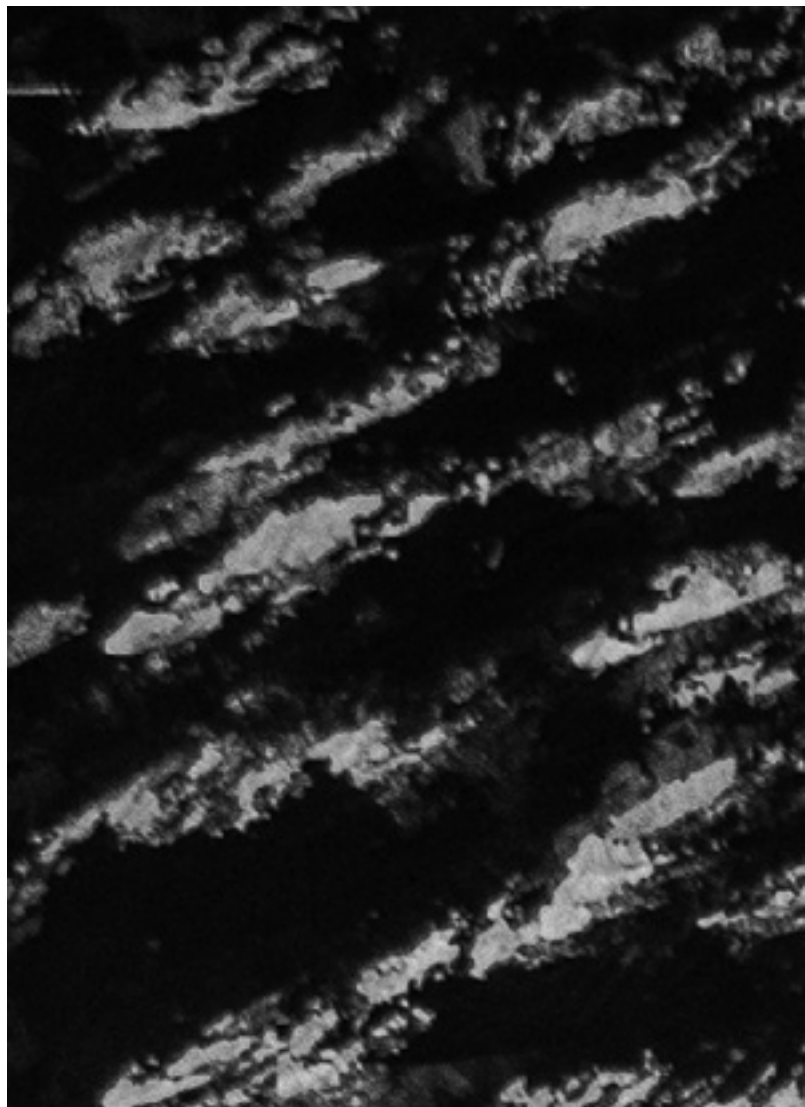
– Мое предназначение – испытать все чувства, которые мне дает жизнь, наблюдать, не бояться, не прятать свои истинные желания. Мое предназначение – просто действовать и быть счастливым. Выйдя из этого барака, я сделаю свой первый шаг.

Дэнис прошел мимо двух женщин, распахнул дверь и вышел на свет.

– Ты была права, – прошептала Мама, – этот человек может изменить мир, потому что он не боится изменить себя.

Пустынные улицы, на которых перемещались только роботы, встречали нового человека. Он больше не вернется к привычной жизни. Его ждут новые открытия, новые чувства и новые переживания. Перед ним – весь мир, и каждый шаг будет началом новых изменений.

Дэнис прикоснулся к жизни.

AZU

Я сгусток энергии, набор элементарных частиц.

Я глаза вселенной между грубых ресниц.

Я аура света, я звуковая волна.

Я живу под небом, под ногами – земля.

Я дряхлое тело с беспокойной душой.

Я мыслей система, и я останусь такой.

1

Если ты это читаешь, значит, у нас снова получилось.

Меня зовут Макс, я родился в 3054 году, во времена гармонизации, это наивысший этап развития человечества. Последняя мировая война закончилась до моего рождения, в 3048 году, и по ее окончании не осталось городов, были стерты все границы, как таковая власть исчезла, а люди стали организовывать коммуны, человечество начало все сначала.

Я родился в деревне, где проживает около восьмисот человек. В нашей социальной группе нет четкой иерархии, а все члены общества стремятся к пониманию самих себя. Мы знакомимся с собой ежедневно, при этом видим возможности в каждом человеке и осознаём истинные мотивы его поведения, принимая любые действия друг друга.

Единственным инструментом нашего общения является молчаливое прикосновение. Мы перестали пользоваться

вербальным способом передачи информации, это потеряло всякий смысл. Каждый из нас понимает, что чувствует и что хочет сказать другой человек, мы сильно развили телекинетические способности. При этом мы не перестали заниматься письменностью. В нашей культуре работа со словом происходит только на бумаге и только для себя. Мы постоянно находимся в состоянии принятия своего «я», при этом неспособны испытывать ярких чувств, мы всегда нейтральны.

Возможно, люди из твоего времени сказали бы, что мы блаженны, но это не так...

Все дело в том, что в нашем мире существует AZU, который вызывает колоссальные колебания энергии. По окончании войны люди потеряли возможность влиять на искусственный интеллект, и механические создания, оставшиеся без контроля,

образовали базу знаний с единым мозговым центром, то есть все роботы имеют один общий разум, и его мы зовем AZU. Сейчас искусственный разум находится в состоянии анабиоза, он замер, но вызываемые им колебания говорят нам, что он накапливает энергию, формирует потенциал для атаки на всех выживших. И этот бой будет происходить не на физическом уровне, а на ментальном.

Ты держишь в руках это послание на бумаге или читаешь

со своего ноутбука и задаешь вопрос: «Что все это значит?» Я тебя понимаю. В это сложно поверить, но мы нашли способ отправлять информацию из нашего времени! Для этого жители нашей деревни погружаются в состояние глубокого покоя, находят человека, который может подключиться к «поток» (мы называем таких людей проводниками или авторами), и передают информацию через каналы временного пространства. Записав данные, автор отправляет эту информацию тем, кому она предназначена. Этот текст предназначен именно тебе. Нам нужна твоя помощь!

Это послание из 3076 года. Сейчас насчитывается около 4000 поселений нашего типа, в каждом от 800 до 10 000 человек. Роботы превосходят нас по численности, но не это главное. Главное, что они мыслят как единый организм. И есть только одна возможность дать отпор AZU – это собрать всех оставшихся людей в общую нейронную систему мыслительных процессов. Все люди должны быть настроены на одну эмоциональную волну, но мы не можем наладить связь с отдаленными коммунами, которые не практиковали погружение в себя, поэтому мы придумали способ – научить этому людей в прошлом, чтобы в наше время на духовном уровне они присоединились к борьбе с общим врагом. Нам необходима мощная синергия, которая смогла бы задавить разум AZU.

Ты не поверишь, но все, что ты сейчас чувствуешь, – это результат нашего вмешательства. Человек сам по себе не

сильно отличался от AZU, но мы научили людей из прошлого чувствовать, и со временем это умение стало присуще вам. Нам это только на руку: чувства позволяют глубже понять друг друга, что дает возможность строить более прочные социальные связи.

Вы – это видоизмененное прошлое, вы альтернативная реальность, которая постепенно объединяется с нашей действительностью. Вы аккуратно вплетаетесь в наше настоящее, соединяя два мира в один. Первый мир – это реальная эволюция, это все те этапы, которые прожили наши предки; второй мир – это тот же мир эволюции, но с нашими доработками. Ты живешь не в конечной реальности.

Самое увлекательное в том, что на изменение тысячи лет мы потратили всего лишь неделю. Мы передаем информацию авторам из разных эпох. Мы находим лидеров, вдохновляем их своими текстами на формирование нового мышления, а дальше все делает творческий потенциал человека. После получения данных от проводника субъект начинает проявлять себя, в процессе чего «заражает» людей вокруг. Главное – чтобы текст попал в нужные руки. Это мы вдохновили всех знаменитых людей на действие, все личности, сыгравшие важную роль в истории, так или иначе соприкоснулись с нами, все звезды и активные деятели – инструменты реализации нашей миссии.

Мы знаем, что в вашем времени появление роботов и, как следствие, зарождение AZU неизбежно, потому что мы можем лишь вдохновить человека на изменение поведения, но не изменить саму эволюцию, поэтому стремимся катализировать работу ваших ученых.

Когда мы создавали роботов, задачей было с их помощью познать суть бытия. Наши предки научили их думать коллективно, чтобы мы могли получить ответы на интересующие нас вопросы, потому что такого качества в нашем обществе не было. В вашей реальности уже все по-другому. Возможно, вы создадите роботов для других целей, но, как бы ни было, включатся равновесные силы Вселенной, которые обязательно приведут к появлению AZU. Мы запускали разные алгоритмы решения проблемы, но всегда все возвращается на те же самые места, поэтому единственный возможный позитивный вариант – научить людей объединяться в общую нейронную систему. Ваши чувства стали основой для реализации нашей миссии. Мы случайно, как это часто бывает с гениальными открытиями, запустили процесс испытания эмоций внутри вас – и были удивлены состояниями, которые вы стали переживать. Достижение счастья для вас превратилось в какой-то наркотик, вы всегда стремитесь только за этим чувством, вы страстно бежите за ним, не замечая жизни, вы стали зависимыми. То чувство, которое должно было вас радовать, делает вас несчастными. Вы выпрашива-

ете его у всех: у окружающих, у ситуации, у мира, у Вселенной. Вы молитесь, вы мечтаете, вы плачете, кричите – и всё из-за погони за счастьем. Вы постоянно испытываете эмоциональный голод. Вы разучились наблюдать. Чувства движут вами, они раскачивают вас, и вы теряете контроль над собой. Может, тебе это все покажется бессмысленным, ведь мы понижаем ваш уровень личной осознанности, перепрограммируя вас на уровень эмоций, но смысл есть!

После того как вы полностью разрушите себя, а война в 3054 году поможет вам в этом, вы перемените свои взгляды и вернетесь на наш круг. Петля времени замкнется. Повторюсь, мы не можем изменить прошлое – мы можем помочь изменить ваше мышление.

А теперь пришло время обозначить наш запрос. Теперь ты все знаешь, теперь ты можешь обратиться к самому себе и задать главный вопрос. Ты готов?

Подожди, мы знаем, что ты сейчас чувствуешь, – любопытство, какой вопрос мы хотим посадить в твою голову, ведь так? Ты же уверен, что можешь открыть что-то новое для себя? Мы хотим, чтобы ты чувствовал тотально – чувствовал все, что тебя окружает. Мы хотим, чтобы ты научил этому всех, кто столкнется с тобой. Мы хотим, чтобы ты сказал об этом тем образом, которым можешь. Прибегни к творчеству, закричи об этом во весь голос, разбуди людей, пускай

рядом с тобой они будут живыми. Ты это можешь сделать? А нужно ли тебе это? Ты прав. Это нужно нам! Но ведь ты – это и есть мы, только в будущем.

Скоро это послание закончится и мы уйдем из твоей жизни, но ты не забудешь нас. Сейчас ты дочитаешь этот текст, отправленный через измерения, которые человечеству только предстоит открыть в будущем, – и наш мир станет другим, потому что ты его изменишь. Он станет другим, потому что все люди будут другими, и мы тоже. Наше общее сознание затанцует свой танец парадоксов. И Вселенная, которую ты наблюдаешь, окажется внутри тебя, и ты поймешь: вся Солнечная система, включая Землю, находится в твоей голове, это нейронный взрыв длиной в секунду, все существо – секунда, которую ты просматриваешь через призму времени. AZU – проявление противоположности, это другая вселенная, которая хочет поглотить нашу. Единственное отличие, что нашу Вселенную создал «конструктор», а вселенную AZU – человек. Теперь ты готов услышать мой главный вопрос? **Кто создал твою Вселенную, кто твой конструктор?**

На этот вопрос ты сможешь ответить только сам. Запусти корабль внутри своего космоса, и пускай он несет этот вопрос, пускай его путешествие никогда не заканчивается, ведь твое путешествие закончится не скоро, потому что я – перерождение тебя. Я тебя встречаю не первый раз, ты уже не

помнишь, я приходил к тебе каждую твою жизнь, и с каждой жизнью ты испытывал новый и новый опыт. Мы ждем тебя. Ты нужен нам в борьбе с AZU.

2

Передо мной пролетели все жизни, тысячи жизней за одну секунду. Послание автору отправлено, я открыл глаза. Каждый раз, когда проводник заканчивал записывать мои мысли, я возвращался в свое время, и все вокруг менялось. Точнее, не так – все было по-другому на уровне ощущений. После этих контактов с авторами мне всегда казалось, что я не знаю себя, я всегда смотрел на мир другими глазами, как будто поменялся наблюдатель во мне. Это как проснуться после яркого сна, после сна, который ты по-настоящему помнишь, который задел тебя, который остался с тобой. Бывает, некоторые сны остаются на один день, а бывают сны, остающиеся с нами на всю жизнь. Я уже не помню, снились нам раньше сны или это явление появилось благодаря нашей работе в прошлом.

Я смотрел на остальных членов нашей коммуны, они не спеша открывали глаза и так же, как и я, удивленно наблюдали за собой: что-то правда поменялось, и они тоже это чувствовали.

Почти все жители нашей деревни сидели бок о бок в несколько рядов; если посмотреть на нас сверху, то мы образовывали квадрат со свободным пространством в центре, к

которому были устремлены все взгляды. Кажется, наша миссия была завершена – послания были отправлены в нужное время нужным людям. И как только я об этом подумал, в мою голову ворвались сотни голосов, я услышал сотни диалогов, это все превратилось в шум, я закрыл глаза, и шум напугал меня еще сильнее, в темноте раздавались крики, смех, пение и болтовня. Я открыл глаза. Мои соплеменники, должно быть, слышали то же самое, судя по выражению их лиц и удивленным глазам. Для нас раньше считалось нормальным слышать несколько голосов внутри, но сегодня я слышал их сотни, если не тысячи. Так, может, сработало?

«Нет!» – на фоне шума голосов внутри меня выделился один голос.

Я был уверен, что только что слышал разум AZU, и, кажется, не я один. Вся коммуна замерла в недоумении. Голоса внутри не смолкали. Похоже, AZU решил свести нас с ума. Должно быть, искусственный интеллект начал свое вторжение в наше сознание, он начал влиять на наблюдателя. Наблюдатель – это единственно важный объект в жизни, именно наблюдатель познает вселенную внутри себя, через внешние переживания наблюдатель познает опыт. Сейчас внутри моего тела происходило что-то невообразимое, голоса в голове расшатывали центрированность. Голоса, голоса, голоса... Становясь абсолютно не бдительным, я начал упускать жизнь, меня манили эти голоса, я направил все внимание на

них, это очень смахивало на гипноз, я

проваливался в него. Кто-то схватил меня за руку. Голова замолкла. Осталось лишь свободное пространство. Белый свет ударил по моему сознанию. Я услышал голос: – Макс, вспомни, кто ты!

Передо мной никого не было. Я направил свое внимание вовнутрь, в белой пелене сознания я увидел силуэт, он приближался ко мне, я разобрал в нем своего отца.

– Макс, вспомни: кто ты есть?

– Я человек, отец! – ответ был без слов.

– Ты знаешь, к чему привели наши послания в прошлое?

– Я еще не успел найти ответы, в мою голову ворвались тысячи голосов.

– Да, эти голоса и есть результат наших действий, мы сделали это, Макс!

– Еще я слышал разум AZU внутри, он выбил меня из центра, я потерял связь с миром.

– AZU чувствует, что мы объединяемся, он чувствует, что мы стали сильными.

– Что нам теперь делать, отец?

– Быть готовым к схватке, AZU будет провоцировать нас, он использует все возможные инструменты воздействия на наше сознание. Он будет обращаться к нашим слабым сторонам, чтобы мы забылись. Сознание AZU покажет тебе все негативные чувства. Ты должен будешь любое отрицательное качество превращать в положительное: если AZU покажет твою печаль – тебе нужно будет найти радость; если покажет гнев – ищи спокойствие; если покажет ненависть – найди любовь. Теперь ты понимаешь, почему мы учили людей в прошлом чувствам? Потому что чувства – единственное слабое место человека, и AZU понял это. Наши предки и мы успели испытать колоссальный опыт, наша слабая сторона стала сильной – крайности в состояниях могут сотворить чудо или уничтожить все вокруг! Если все выжившие испытывают глубокое прощение и благодарность, AZU не сможет атаковать, искусственному разуму придется снова уйти в анабиоз на тысячи лет. Это война, но война другого качества – со слабыми сторонами себя, AZU является их проявлением. – Значит, если мы выдержим удар AZU, то не избавимся от искусственного разума полностью?

– Да, мы лишь отдалим новую атаку, – ответил отец. – Мы уже делали это ранее, поэтому AZU замер. Сейчас очередная

волна! Макс, ты должен помнить: наша жизнь и есть постоянная борьба, и она происходит внутри нас самих каждый день. AZU может поглотить твою Вселенную, сделать ее маленькой, для тебя все будет никчемным, и тогда искусственный разум восторжествует. Но ты должен бороться за свои идеалы, за свои принципы, за свой свет... Увидимся в реальности, – добавил отец и растворился, оставив после себя лишь белый свет.

«Открой глаза» – чье-то прикосновение вернуло меня в реальность.

Снова голоса, снова крики, снова диалоги, снова этот поток энергии, который уводит меня от себя. Я начал прислушиваться к ним: вырванные отрывки фраз, слова без смысла, наборы звуков. Что хочет AZU?

Рядом со мной сидел мой отец с закрытыми глазами. Так же как и все члены коммуны, он что-то переживал внутри: его глаза бегали под веками. Я единственный человек, кто смотрел по сторонам. Квадрат сидевших стал больше: все члены коммуны сейчас находились в состоянии покоя, все проживали какой-то опыт внутри, наверное, все наблюдали состояния, которые предлагал им AZU, все занимались трансформацией чувств.

«Что со мной не так, кто вывел меня из потока?»

Я не торопясь осмотрелся и увидел, как кто-то уходит из деревни в сторону леса. Голоса мешали мне принять правильное решение, я поддался любопытству и пошел за этим человеком. Мне было сложно идти: во-первых, я давно не вставал на ноги, во-вторых, члены коммуны плотно сидели друг к другу, мне приходилось находить свободное пространство и аккуратно ступать между ними.

Выйдя за пределы квадрата, слегка сторбившись, маленькими перебежками, я нагнал удалявшегося человека и легонько коснулся его плеча. Он повернулся. Это был взрослый мужчина, странно одетый, не из нашей коммуны, я даже не смог прочитать, о чем он думает. Незнакомец смотрел на меня, он смотрел мне прямо в глаза, и в них что-то промелькнуло, какая-то идея, какие-то мысли, но я их не смог ощутить. Почему? Кто он? Голоса в моей голове продолжали болтать, а я, замороженный, пытался прочитать то, о чем думает мужчина.

– Ты удивлен? – сказал он вслух.

Я был ошеломлен: с самого рождения я не слышал слов, которые были произнесены голосом.

– Ты, наверное, хочешь узнать, кто я? – спросил мужчина.

Мои мысли путались в голосах, которые я слышал в голове, но ответ был – «Да».

– Я конструктор твоего мира. Это я придумал все, что ты видишь. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, я знаю, что внутри тебя сейчас слышны тысячи диалогов. Потому что я твой изобретатель. Ты знаешь, что за пределами вашей деревни есть мир? Ты когда-нибудь покидал свою деревню?

Я не понимал, что происходит, о чем говорит этот мужчина.

– Конечно, ты не покидал деревню, потому что вам это не позволено, а за пределами твой коммуны есть жизнь, и она не такая, как ты себе представляешь. Все, что я сейчас скажу, ты забудешь, поэтому я хочу поиграть с тобой. И скажу, что никакой войны не было, в мире полная гармония, люди счастливы, они радуются каждому прожитому дню, а ваша задача – это неустанная медитация, ваша задача – прогонять потоки информации через свои микропроцессоры, потому что вы не люди, вы роботы, вы и есть AZU. Вы тот самый искусственный разум, и вашей миссией является борьба с самими собой. Вы были уверены, что AZU – это внешний враг, но AZU – это и есть вы.

Я совсем перестал понимать незнакомца. Мысли в моей голове зациклились: как только я начинал думать на тему сказанного – сразу все останавливалось и возвращалось в начало, это было похоже на постоянную перезагрузку.

«Что это все значит?»

Я испуганно побежал к соплеменникам, в моей голове звучали все те же диалоги, а мужчина, следуя за мной, продолжал:

– Вы лишь программа, внутри вас прописан код, который заставляет верить, что ваше сознание может отправлять послание авторам, что вы можете влиять на развитие человечества в прошлом, но на самом деле вы просто считываете загруженный в вас код. Через вас мы оттачиваем социальные модели поведения. Благодаря вам мы убрали все слабости человеческого общества. Прогоняя алгоритмы поведения через вас, мы находим наиболее подходящие системы поведения и применяем их.

Я подбежал к членам своей коммуны, начал дергать их за плечи, пытался вернуть их в реальность, но они все замерли и не шевелились, они стали как манекены. Я захотел найти своего отца – может, он меня разбудит и скажет, что это все сон.

– Макс, в этом нет смысла! Все, кого ты знаешь, отключены, они ждут новой команды перезапуска! – прокричал незнакомец.

До отца оставались последние шаги, вот-вот я коснусь его – и, даст Бог, он очнется. – Вы фантастические механизмы, вы венец моего творения, вы всегда находитесь в духовном поиске, не все люди ищут то, что ищете вы, и с вашим появлением духовные поиски перестали иметь смысл, вы всё делаете за нас. В современном человеке почти не осталось чувств, за нас всё решают имплантаты, вживляемые в черепную коробку сразу после рождения, в них содержатся все результаты ваших поисков. Мы экономим энергию, мы не познаём жизнь, а просто получаем удовольствие от нее. И ты знаешь, Макс, мы вообще не страдаем, у нас нет ничего негативного.

Подойдя к отцу, я быстро затряс его, но он, как и все, превратился в бездыханный манекен. Он, как и все восьмьсот человек, просто сидел с закрытыми глазами, он, как и все, был... роботом.

– Макс, а знаешь, почему ты сейчас слышишь это бешеное количество голосов в своей голове? Потому что импланты отправляют тебе все переживания своих хозяев, освобождая их от этого бремени. Почему ты не слышал их раньше? Это легко. Потому что вы разделяли переживания всех людей между собой в коммуне, но сегодня мы отключили по-

ловину роботов, ты даже этого не заметил. Нам необходимо сделать апгрейд ваших процессоров, скоро я закончу с тобой, и мы приступим. Жаль, что ты не можешь говорить, Макс, мы бы с тобой неплохо поболтали.

Ничего не понимающий, с бессчетным количеством диалогов в голове, я сел среди собратьев и скрестил ноги, это была привычная поза для меня, в таком состоянии я находился многие годы, и, как оказывается, я это проделывал по желанию незнакомца, который сейчас стоял рядом. Постаравшись расслабиться и успокоить свой безумный ум, я взял камень и начал вырисовывать буквы на земле, а мужчина продолжал говорить:

– Ты думаешь, зачем я тебе все это рассказываю? Просто так случилось, Макс, я решил вспомнить про это сладкое чувство власти, я совсем стал забывать про него, а сейчас я чувствую, как в мое тело вбрасываются литры эндорфина, меня это чертовски заводит. Это не совсем по правилам, но я могу себе позволить поболтать с тобой, ты же не против, Макс? Мне становится так скучно от этой пластмассовой жизни, где каждое утро ты знаешь, как пройдет твой день, где почти не осталось контрастов, где все имеет лишь одну сторону – со знаком плюс, где все приторно, до тошноты. И ты знаешь, что я думаю сделать? Я хочу отключить свой имплант, я хочу испытывать всю гамму чувств, как че-

ловек из прошлого. Но это не по правилам. Мы же с тобой об этом никому не расскажем? Ах да, вы не можете говорить! Мы намеренно не снабдили вас речевыми модулями, чтобы у вас не было соблазнов разговаривать, потому что вы созданы по подобию человека, а люди любят потрепать языком. Если бы вы разговаривали, то перестали бы медитировать, что привело бы к нарушению ваших функций. Телепатических способностей вполне достаточно, вы обмениваетесь необходимой информацией и находитесь в постоянном состоянии духовного поиска. Да, и тут пришел на помощь самый сильный инструмент – страх. Вами стало легко управлять, когда мы создали вам врага, но, как это ни парадоксально, враги для себя

вы сами. Во все времена люди убивали друг друга, истребляли самих себя, находя в этом какой-то смысл. Во все времена главным врагом человека был сам человек. Ах, сколько в этом иронии!

Я закончил выводить буквы. В написанных мною словах была вся моя боль, про которую я забыл, все переживания, страх, ненависть, счастье, любовь, обман, в этих словах было все и ничего.

– Что это, Макс? – спросил мужчина.

Он замер ненадолго, склонил голову на правый бок, приоткрылся, нервно потер свои руки, отвернулся и направил-

ся в сторону леса.

«Тогда кто из нас человек?» – последнее, что я услышал, перед тем как отключиться. Это были слова, которые произнес незнакомец, покидая нашу деревню. Это были те слова, которые я написал на земле.

Эпилог

Если ты это читаешь, значит, у нас снова получилось.

Меня зовут Макс, я родился в 3054 году, во времена гармонизации, это наивысший этап развития человечества...

Доставщик ненависти

– Да пошел ты, Стив!

– Сам иди на хрен.

– Что ты сказал? – я повернулся к нему со свирепым оскалом.

– Я сказал: иди на хрен, – с выпадом шагнул на меня Стив.

– Мудак! – я показал ему фак и пошел к машине.

– Катись отсюда.

Открывая водительскую дверь, я перебрал минимум пятнадцать матерных слов в адрес Стива и его родных.

– Вот говнюк, – плюхая свою пятую точку на кресло, обтянутое велюром, пробормотал я. – Еще будет меня посылать на хер. Блин. Сука.

Сказать, что меня Стив задел, – ничего не сказать. Меня всего трясло. Я испытывал ненависть к этому выродку. Кровавые тельца начали бешено перемещаться по моим жилам, образуя темную пелену перед глазами; видимо, у них стартовал гребаный кросс на длинную дистанцию, а насос, который задавал ритм их движения, бился барабанной дробью, отдавая пульсирующим эхом в голове. От злобы я крепко сжал пальцы, так, что розоватая кожа на кистях вдруг стала белой. Стиснул зубы – нижняя и верхняя челюсть вступили в борьбу за самое сильное нажатие, а все тело покрылось легким напоминанием пота.

– Ненавижу! Ненавижу! – с этими словами я посмотрел вслед уходящему Стиву.

Какого черта он так со мной обращается?! Я ему что, мальчик на побегушках? Почему это он считает себя таким важным? Еще вчера был развозчиком пиццы, как и я, а сегодня его повысили до менеджера (хрен знает за какие достижения, кстати) – и он мной командует! Да пошел он!

Я, как любой другой человек с нормальной психикой, не потерплю такого отношения. Я же не груша для отработки ударов! Уверен, что каждое разумное существо должно отстаивать свои права, свои идеи и взгляды. Об этом все знают. Черт. Попросить меня быстрее поехать на заказ, да еще в такой форме, – это перебор. И при этом, главное, припомнил мне мои последние опоздания.

– «Ты же знаешь, Майк, у нас доставка осуществляется в течение одного часа, а ты с последними заказами не укладывался в срок. Давай-ка ты постарайся не повторять такого?» – скрутив губы трубочкой, я детским голосом передразнил Стива. – Да пошел ты, Стив! Будешь меня учить. Я сам все знаю, когда и как быстро мне необходимо доставить этот кусок теста с порезанной колбасой. Нехер меня учить!

Я завел автомобиль и, нажав на газ и резко бросив сцепление, поехал выполнять свою работу.

Гневная сценка, которую я сейчас проиграл в своей голове, очень взбудоражила меня, я загорелся и превратился в факел – языками огня были мои мысли. Любой пожар не щадит ничего в округе, там, где он разгорается, всегда есть разрушение и жертвы. Что принесет мне этот костер – неиз-

вестно, да и не мог я сейчас думать об этом нормально. Разум был раскален, как электрическая плитка, и любой, кто прикоснется к ней, пострадает, и пускай винит в этом только себя. Любой человек должен отдавать себе отчет, чего он касается. Некоторые вещи и некоторых людей лучше не трогать, этому должны учить в школе – каждому ребенку следует вшить под кожу градусник, который давал бы оценку окружающему напряжению. Природа попыталась внедрить в нас подобный инструмент, но сделала это так паршиво, что никто не знает, как развить этот предохранитель.

Стив надавил на меня и приказал отвезти пиццу на другой конец города и управиться при этом за сорок минут. Ведь быстрота была первым требованием к моей работе, но было еще и второе – не попасться под камеры, фиксирующие соблюдение скоростного режима на дорогах. Как герой-одиночка, я постоянно должен стоять на защите нерасторопных поваров, избегать штрафов от дорожных служб и неоплаты от клиентов, которые только и жаждут получить бесплатную пиццу, если вдруг наша команда не успеет за шестьдесят минут. Моя работа – это постоянное напряжение, если я буду ее делать плохо, то просто останусь без заработной платы, а если буду делать ее совсем плохо, то уйду в минус. Я знаю все это, черт, а тут еще этот мудила требует от меня невозможного. Как сохранить спокойствие в таком режиме? Если повара затянули приготовление, то при чем тут я? Паршивые правила.

Наш шеф решил, что если смена не справляется с требованиями рекламной кампании, то все платят за клиента. Босс не хочет платить за халтуру. «Поэтому, ребятки, решайте все сами». Он не церемонится, так почему я должен быть вежливым? У меня возникла хорошая идея: позвонить Стиву и предложить ему и поварам прогуляться в заповедник «Лизните мой зад», они там могут хорошо провести время, не думая о возможных проблемах. При посещении этого чудесного места я даже могу взять на себя больше, чем от меня ждут. Ну а пока – КАКОГО ХЕРА я должен прикрывать их?

– Так что пошли бы все они! – снова прокричал я.

Автомобиль набирал скорость. Глянув на бортовые часы, я определил, что у меня есть еще тридцать шесть минут. Что-то подсказывало: эти минуты будут сжирать меня. Каждое значение на циферблате будет бить молотом по моим внутренностям, а пропадающее секундное двоеточие – все крепче сжимать мое сердце в тиски ненависти к этим козлам.

Когда на бешеной скорости я подъехал к первому светофору, мой взгляд снова упал на циферблат. Тридцать четыре минуты. Тут у меня вырвалось:

– Суки! Почему я должен расхлебывать за всех это дерьмо?

Я посмотрел по сторонам – город жил своей жизнью. Радостные убудки прогуливались по тротуару, весело общаясь между собой. Влюбленные парочки, не пряча своих чувств, целовались у всех на виду, а молодые мамы, соблаз-

нительной внешности, прогуливались с маленькими детьми. Летнее солнце ярко светило, и было видно невооруженным глазом, что всем хорошо, кроме меня. Я, блин, как прокаженный! Все кайфовали, а я чувствовал себя обслуживающим персоналом их счастья. Мудаки.

Я всегда был ущемлен в своих возможностях и правах. В зрелом возрасте я живу в двухкомнатной квартире с матерью, и все из-за того, что наша система не позволяет таким простым ребятам, как я, выбраться из финансового болота. Моя матушка работает в теплице, выращивает овощи круглый год, а я уже второй год в пиццерии – доставщиком. После школы я не стал никуда поступать, потому что считаю это глупостью, ведь все известные мне миллионеры не оканчивали высших учебных заведений, они просто вовремя оказывались в нужном месте с нужной идеей. Нужной идеи у меня пока еще нет, но я полностью наготове, поэтому и устроился доставщиком. Но работа меня удручала. Каждый день как день сурка. Я бегал как белка в колесе, повторяя один и тот же скрипт. Это грызло изнутри, надламывая стержень, который вот-вот должен был развалиться на мелкие части.

Единственное, что меня удерживало на плаву и придавало мне сил, – это вечер буднего дня, который освобождал от ответственности и гнета. Я люблю проводить его в одиночестве, находя интересные факты в интернете, ведь меня всегда влекли новые знания. Как правило, серфинг в браузере компьютера сопровождался горячительными напитками,

это мне помогало снять дневной стресс. Алкоголь стал лекарством от повторяемых неудач и давления внешнего мира. Я чувствовал себя маленькой блохой под ногтем несправедливостей. Мой потенциал был не раскрыт, и я, как утопающий, бездумно расходовал энергию, размахивая руками с кривой гримасой.

Бывало, что и долгожданный вечер портился, если мать принималась за нравоучения. Она давала мне какие-то советы и хотела, чтобы я добился хоть чего-нибудь, а я ее не слушал и захлопывал межкомнатную дверь перед ее носом. Ибо все, что она мне могла сказать, – это ее же проблемы, которые она видит во мне. Я никогда не был долбаным психологом, поэтому закрытая на замок дверь и громкая музыка в наушниках – отличная возможность послать мать с ее проблемами куда подальше.

Перед глазами возник быстро движущийся силуэт, и меня выкинуло в реальность. Я нажал на клаксон, чтобы предупредить переходящую в неположенном месте девушку о своем приближении. Часы информировали, что осталось двадцать девять минут.

– Куда ты идешь, раскрой глаза! – остановившись и приоткрыв окно, прокричал я.

Я всегда поступаю правильно. То, что я выпустил пар на пешеходку, не является моим желанием показать ей свою важность – за этим скрыто стремление уберечь человека, немного напугать, чтобы в следующий раз она подумала о

правилах дорожного движения.

– Дура, за своими солнечными очками ничего не видишь, блин, – добавил я.

– Ой, езжай давай! – жуя жвачку, сказала она.

– Ты что несешь? Я тебе жизнь спасаю, а ты еще будешь на меня гнать?

– Спасибо, уважаемый Робин Гуд, что спасли мне жизнь, – глянув по сторонам, она продолжила движение через проезжую часть.

– Робин Гуд не спасал жизни, он брал у богатых и отдавал бедным, тупица.

Перейдя дорогу, она повернулась ко мне, показала фак и прокричала:

– Передай это бедным!

Сзади раздался звук сигнала автомобиля: какой-то нетерпеливый водитель поторапливал меня ехать вперед. Двадцать пять минут. Мои глаза наполнились кровью. Если бы я не спешил, то свернул бы этой девке средний палец вопросительным знаком в обратную сторону и засунул его в задницу осла, который сейчас гудит мне в спину.

– Да я слышу, блин! – прокричал я.

Тот, кто сидел в большом черном внедорожнике, решил выйти из него – видимо, чтобы потолковать со мной о моем поведении, но, к сожалению, у меня не было времени для этого. Поэтому я вжал голову в плечи и ударил по газам. Когда моя желтая двухдверная малолитражка набирала оборо-

ты, здоровый мужлан в зеркале заднего вида стал совсем маленький. Вот если догонит, то я поговорю с ним, объясню, кто он такой. Конечно, если догонит. Я резко свернул за поворот и от греха подальше спрятался за мусорный бак.

Гнида, траханый Стив, все из-за него! Дела сегодня не клеятся: то эта кошелка под колеса полезла, то здоровенный шкаф решил познакомиться со мной поближе.

– К черту все это, – прошептал я.

Я не мог успокоиться. Тряска усиливалась, подмышки устроили извержение пота, и я выглядел жалким куском птичьего помета. Не уважаю себя таким.

Козлы. Во всем виноваты козлы и мудаки, которые меня окружают, которые заполнили этот проклятый город и эту гребаную землю, а я всего-то хочу, чтобы меня никто не трогал.

Девятнадцать минут. Надо ехать на заказ, а то сегодняшняя смена ни хера не принесет, просру свой день.

Я снова вернулся на главную дорогу. Мне оставалось еще пятнадцать минут езды до пункта назначения.

– Успеваю. Я еще успеваю! – стиснув зубы, прошептал я. – Вы меня не сломаете, гниды, никто меня не ломает. Я крутой! Я мощный, пусть все знают мое имя – Майк Великолепный! Я вернусь в офис победителем, утру всем этим чертям нос! Пускай понюхают запах победы, потому что от меня будет пахнуть именно ею!

За окном мелькали дома. В этих многоэтажках жили

обычные люди, которые знать не знали, что такое жизнь. Только я ее познал, только я знаю все ее сложные узоры. Обыватели слепцы, за ними ухаживают, им подают на блюде возможности, деньги, уют. Мне – хрен! Со мной всегда происходит всякая дрянь, жизнь всегда мне впаривает испытания. Я как скалолаз, и моя судьба – это бесконечное карабканье вверх. Ну ничего, я добьюсь успеха назло им всем, а когда это случится, тогда я буду заказывать пиццу и буду ржать в лицо доставщику и плевать зловредной вонью, я им отомщу. Я их прочучу, покажу, какво это – быть обслугой.

– Я не обслуга! – я так сильно крикнул в окно, что парнишка на скейте обернулся и сцепился со мной взглядом. – Да, я не обслуга, понял?

Парень аж пошатнулся на своей доске на колесах и чуть не упал, а я лишь истерически засмеялся:

– Ха, сосунок!

На светофоре загорелся красный. Я коснулся экрана навигатора и нервно посмотрел на оставшийся путь.

– Успеваю, успеваю.

Зазвонил мой телефон. Я повернулся назад, чтобы достать из сумки сотовый аппарат.

– Зараза, где ты, блин?!

Нащупав вытянутый пластмассовый прямоугольник, схватил его. Это точно был сотовый, его вибрация пробежала по всей ладони.

– Кто это еще? Какого черта надо меня так отвлекать?

На экране мобильного было написано: «Стив».

– А тебе что еще надо, сука?!

Я резко сбросил звонок, нажав на красную кнопку.

– Иди к черту...

На светофоре загорелся зеленый, и я с чувством превосходства включил первую передачу и тронулся с пробуксовкой.

– Значит, ты занервничал? Старина Стив. Что же тебе от меня надо? Узнать, как у меня дела? Успеваю ли я? «Ой, Майк, извини за мою грубость, пожалуйста, будь любезен, успевай вовремя, а то нас с тобой натянет шеф», – высоким голосом я представил речь Стива. – На хер! Иди на хер. Чего бы ты от меня ни хотел, я ничего тебе не дам, гнида.

Двенадцать минут.

Какой это бальзам на душу – меня ищут, я кому-то нужен. Значит, я все же важная птица в этом зоопарке. Я летаю в воздухе, набираю высоту, когда другие ползают в пыли.

– Ох, Стив, ты не с тем соперничаешь, я сильнее и мудрей тебя, – прошептал я. – Я безжалостный тигр, а ты жук в куче говна.

Улыбка натянулась на мое лицо. Глаза сверкали и бегали. Мои мысли вскружили мне голову. Это был коктейль из господства, неуверенности и дикого страха. Я не мог совладать с собой. С одной стороны, я почувствовал свое превосходство в споре со Стивом, а с другой – может, он хочет сказать

мне что-то важное, может, что-то случилось или меня хотят уволить?

– Уволить. Меня. Нет, это невозможно. Ха-ха. Я слишком важен для этой конторки. Ну даже если уволят, то что? Я найду работу по щелчку пальцев. Я же профессионал. Ведь так? – сказал я, посмотрев в глаза, которые отражались в зеркале на лобовом стекле.

Блин, я так не могу! Надо позвонить Стиву! Хотя нет, к черту его, пошел он на хер!

Я вальяжно бросил телефон на пассажирское сиденье справа от себя и плюнул в окно. Я чувствовал себя ковбоем, который перегнал стаю диких бизонов.

– Да, я кое-чего стою, малыш, – прошептал я. – Такие Стивы всегда будут возникать, а я всегда буду одерживать над ними вверх, потому что я гребаный пуп земли, я центр всей этой космической канители, все крутится вокруг меня, ха-ха.

Снова раздался телефонный звонок. Он обломал весь мой настрой. Неужели опять Стив?

Интуиция не обманула меня. На экране красовалось имя этого говнюка. Так что ему нужно?

Косясь на телефон, я подумал: «Сколько ты мне еще будешь звонить?»

Но настойчивость Стива поселила во мне панику: «Что же ему надо?»

Я приковал взгляд к телефону, любопытство сводило ме-

ня с ума. Не выдержав напора, я потянулся к телефону. Как только коснулся его рукой, раздался удар. Весь мир замедлился. Он даже остановился. Я смотрю по сторонам. Слева от себя вижу красную машину, которая на полной скорости таранит меня. Вижу сидящую за рулем девушку, ее лицо перекосилось от удивления. Вижу, как спереди птицы взмыли в небо, а мальчуган на трехколесном велосипеде остановился на тротуаре, и в его глазах замер вопрос: «Что будет дальше?» Вижу телефон в своей правой руке, на экране которого светится имя «Стив». Ненавижу.

Тут время отмирает и даже ускоряется. Шум в ушах перебивает скрежет металла над моей головой. Желтая двухдверная малолитражка скользит по асфальту на крыше, подобно тяжелому диску в керлинге, только никто не расчищает мне дорогу. Уроды.

Девять минут.

Телефон не умолкает. Лежа в машине вверх ногами, я нажимаю зеленую кнопку на телефоне и слышу:

– Наконец-то ты взял трубку. Ты где?

Я молчу.

– Майк, если ты не доставишь пиццу вовремя, можешь писать заявление на увольнение, меня и Карла (наш шеф) достало твое отношение к работе. Ты меня понял?

Я молчу.

– Действуй, Майк, действуй!

Восемь минут.

Я непонимающе смотрю на навигатор. По прямой будет быстро. Быстрее, чем на машине, черт!

Ко мне подбегают люди. Кто-то заглядывает в салон со словами:

– Парень, с тобой все в порядке?

Я перевожу взгляд, всматриваюсь в лицо говорящего. После гляжу по сторонам – несколько пар ног в танце кружится вокруг машины.

– Что же ты за дорогой не следишь? Для тебя горел красный.

В ушах стоит звон. После каждого поворота головы от картинки остается шлейф. Кто-то тычет мне свою руку прямо в лицо.

– Сколько пальцев?

Сжимаю зубы от злобы и хватаюсь за нее со словами:

– Иди на хрен со своими пальцами!

Люди расступаются. Любитель математики выдергивает свою руку из моей и пятится. Я отстегиваю ремень безопасности, плюхаюсь на шею. Нащупав дверную ручку, дергаю за нее, дверь распахивается. Неторопливо выползаю из груды металла...

– Черт! – автоматически сказал я, увидев со стороны машину по доставке пиццы. – Черт! – добавил я, увидев красную машину, которая решила посоревноваться с моей на прочность.

«Проиграли обе», – подумал я.

– Парень, тебе надо в больницу. – Меня обступили пять мужчин и девушка, сидевшая за рулем машины дьявольского цвета и действий.

– Я не успела затормозить, вы ехали на красный цвет, – с чувством вины сообщила врезавшаяся.

– Идите вы все к черту, суки! – прокричал я.

Растолкав плечами окруживших меня людей, я подошел к багажнику перевернутой машины.

– Мне нужно доставить пиццу!

Схватив из багажника две коробки итальянского блюда, побежал по нужному адресу.

Шесть минут.

Я бежал изо всех сил. Даже не понимая, что мною движет. Почему я так отдаюсь этой работе, если меня не ценят и даже хотят уволить? Что меня связывает с этими людьми? Что заставляет изо дня в день повторять это проклятье? Я страшный фанатик. Дерьмо! Дерьмо! Это все деньги. Грязное бабло. Мне нужны они, только они. Вот почему я терплю все это. Вот почему я встаю так рано и развожу этот мясной салат на куске хлеба, вот почему я улыбаюсь этим пидорам, которые открывают двери своих домов и меняют мой товар на зеленые бумажки. Бумажки! Да, именно бумажки, а вот они превращаются в деньги только после того, как я отработаю целый день, не раньше. Клиенты мне дают салфетки, Карл со Стивом дают деньги. Гребаные суки, знают, как мной манипулировать.

Мои ноги монотонно, но быстро по очереди касаются земной поверхности. Каждый шаг сохраняет меня на рабочем месте.

«А что будет, когда они узнают о машине? – думал я. – Да пускай знают, что мне мало этого времени, мне мало сорока минут на доставку! Это рискованно, черт бы их побрал! И перевернутая машина тому подтверждение. Они сами виноваты, сами!»

Когда я вернусь в офис и они узнают, что я бежал, чтобы вовремя доставить пиццу, я буду героем, я стану примером для всех этих мудаков. Я войду в историю, и меня причислят к лику святых! На меня будут молиться, меня будут приводить в пример. И все это моя самоотдача, а Стива попрут к едреной фене! Ха, вот я смеяться буду. Главное – успеть.

Четыре минуты.

Я вспоминаю улочки, по которым сейчас бегу. Еще два поворота – и буду на месте.

– Я успею, успею! – звучала мантра из моих уст.

О, как мне хотелось бы увидеть кислое лицо Стива! Его физиономия стояла перед моими глазами. Добежать до конца и вручить пиццу вовремя – это как накормить Стива лимоном, жалкое зрелище.

Хитрая улыбка не слезала с моего лица, а потом стрелой меня пронзила мысль: почему я так хочу навредить этому козлу и откуда во мне вообще оказалось это чувство – ненависть? Блин, это я чувствую сейчас все это, не Стив, не этот

мудак, а именно я. Какого хрена?!

Неужели я должен так париться? Неужели я должен отдавать все свои мысли и всю энергию человеку, который для меня ничего не значит? Почему я все время должен думать о нем? Почему я переживаю из-за него? Почему он занимает все мое сознание?

У меня складывалось впечатление, что ненависть превратила меня в раба. Я стал ведомой куклой в руках повелителя, который подарил мне эти эмоции. Для меня стало чертовски важно, что почувствует этот тип, когда я возьму верх в спарринге. Мне не были важны мои чувства – мне было важно именно его страдание. Я хотел ощутить вкус победы, и для глубокой радости требовалась боль врага. Нет, это не я был марионеткой, это Стив был моим заложником, который никак не мог удрать от моей разрушительной ненависти. Я представил, как он скукожится в эмбрион, услышав раскаты грома, символизирующие мое триумфальное возвращение. Я вернусь и надеру ему зад. Я покажу ему, кто такой Майк! Он узнает, в чем сила, а сила – в справедливости! Я великий каратель, который вынужден научить свое окружение. Да, я жесток, но это необходимость, когда человек не понимает по-хорошему! Ему будет не по себе, он будет стонать и просить о пощаде, когда Карл будет выписывать ему увольнительные. «Никогда не играй с огнем!» – вот что я ему скажу, когда он с опущенными в пол глазами будет покидать пиццерию. И да, я обязательно займу его место.

Одна минута.

Передо мной дом, сюда должна быть доставлена пицца. От него меня отделяет прямая в сто метров. Это последний рывок. Я должен успеть, ради мести. Я должен успеть, чтобы осуществить вендетту, расплату по заслугам. Это сто метров справедливости. Секунды тикают между висками. Мысли путаются в яростный клубок. Чувства смешиваются в одно неразделимое состояние. Я становлюсь послем доброй воли. Я энергия света, пришедшая на эту землю учить людей разуму. Пускай это больно, но только так человек может понять всю суть своих поступков. Ненависть – мое оружие. Ненависть – мое знамя. Ненависть – реакция на действия людей. Я обнажил свой клинок, истосковавшийся по схваткам, и мое пунктуальное появление с двумя коробками итальянской кулинарии в дверях клиента станет критическим ударом по репутации Стива. Это нокаут, детка.

Время снова замерло, вокруг меня затихли все звуки, как будто кто-то повернул регулятор громкости на ноль. Я вижу, как мой указательный палец тянется к звонку. Эйфория провоцирует в моем теле судороги, я на пике наслаждения, я успел. Ненависть сменяет радость, это происходит так же непринужденно, как в руках фокусника тасуются карты. Мои чувства играют со мной злую шутку, они подводят меня, делают зависимым, превращают в бесхарактерное существо, не имеющее своего голоса. Я безвольный двуногий мешок дерьма, который не может контролировать свои эмоции.

И мимолетная радость снова превращается в злобу.

– Вы опоздали, – открыв дверь, радостно произносит хозяин дома. – Мне достается пицца бесплатно?

– Но... я успел! – смотря на свои часы на руке, сообщаю я.

– Нет, друг, ты опоздал на две минуты. Сегодня, наверное, не твой день.

Клиент молча берет две коробки пиццы из моих рук. Пожимая плечами, улыбается и закрывает за собой дверь. Оставив меня наедине с моим недоумением, переходящим в злость. «Сегодня, наверное, не твой день!» – эхом звучит в моей голове. Шатаясь, будто пьяный, отхожу от крыльца.

Я поругался со Стивом, разбил машину, не доставил пиццу вовремя. Я в полной заднице. Переполненное корыто фекалий – вот какой я вижу свою жизнь.

Ненавижу.